

к. 10-436

А. П. СУББОТИН

ВОЛГА И ВОЛГАРИ

ГУБЕРНИИ

Тверская, Ярославская
Костромская

С-Петербург

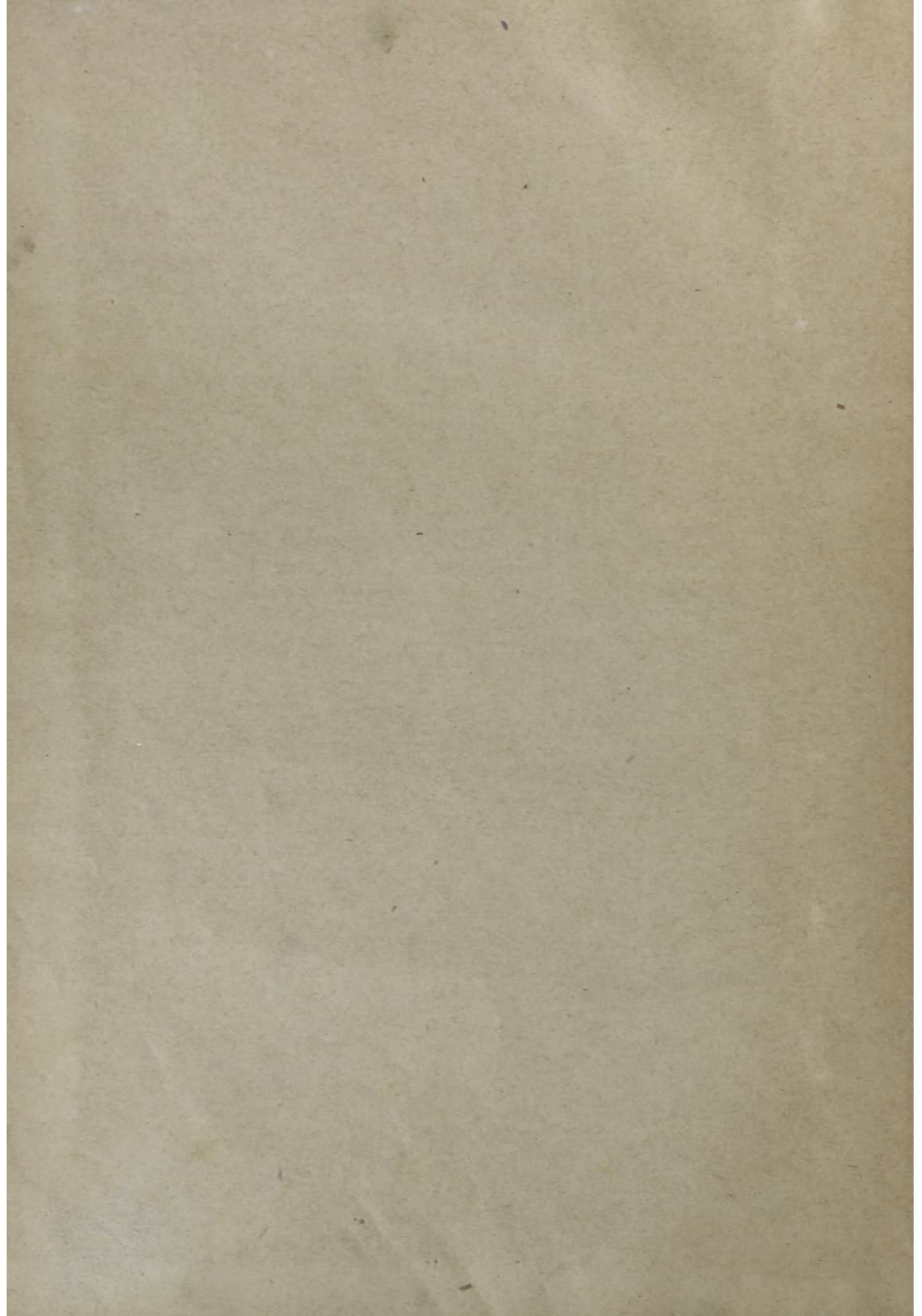
1894

20/8 332

S/g-02-218
27.9.93-14

H

1125

25

К 10-436.

ВОЛГА И ВОЛГАРИ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

А. П. Субботина.

ВЕРХНЯЯ ВОЛГА

Очерки I—VII: губернии Тверская, Ярославская и Костромская

Издание редакции «Съвернаго Вѣстника».

94

15-2010

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., д. 7.
1894.

О Г Л А В Л Е Н І Е .

СТРАН.

I. Общія замѣчанія касательно путешествій по Россіи. — Интересъ поѣздки на Волгу. — Отъ Петербурга до Твери. — Городъ Тверь. — Историческій очеркъ. — Настоящее положеніе. — Тверское дворянство и земство. — Опытъ съ чайными лавочками. — Населеніе Твери. — Историческій музей. — Соборъ, дворецъ и Отрочъ-Монастырь. — Морозовская мануфактура. — Торговое значеніе города. — Общественныя учрежденія. — Знаменитые мѣстные уроженцы и крупныя дѣятели	1
II. Отплытіе отъ Твери. — Общество «Самолетъ». — Первое знакомство съ Волгой. — Виды верхней Волги. — Единоново и Корчева. — Кира и вимряки. — Положеніе мѣстныхъ кустарей. — Сергіевское и воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ.	31
III. Кашинъ и мѣстное производство иностранныхъ винъ. — Городъ Калязинъ и разставаніе съ Тверской губерніей. — Дѣятели и сѣтели этой губерніи.	54
IV. Ярославская губернія и ея обитатели. — Проблески цивилизаціи. — Древній городъ Угличъ. — Эпизодъ съ ссыльнымъ колоколомъ. — Мѣстные промыслы. — Мышкинъ. — Рѣка Молога и Тихвинская система. — Городъ Молога. — Воспоминаніе о Сити. — Ярославцы за границей. — Шексна и Маринская система. — Рыбинскъ и его торговое значеніе. — Видъ города.	65
V. Отплытіе изъ Рыбинска. — Шексна и Череповецъ. — Рыбинскій уѣздъ. — Романово-Борисоглѣбскъ. — Пошехонскій край. — Рагозинскій заводъ и Норская мануфактура. — Толгскій монастырь. — Общій видъ Ярославля. — Ближайшее съ нимъ знакомство. — Пути на сѣверъ и бабье царство. — Немного статистики и исторіи. — Ярославскія церкви. — Просвѣтительное значеніе города. — Демидовскій лицей и др. ученые учрежденія. — Мѣстные писатели и уроженцы. — Первый русскій театръ и внутренняя жизнь города. — Фабрики и оригинальныя производства. — Отплытіе изъ Ярославля. — Мели и перекаты. — Усадьба Некрасова. — Общій характеръ Ярославской губерніи	90

VI. Николо-Бабаевскій монастырь.—Посадъ Большія Соли.—Нерехотскіе ученые.—Общій видъ Костромы.—Ея исторія.—Соборъ и церкви.—Ипатьевскій монастырь.—Чижовскія училища.—Костромскіе уроженцы.—писатели, ученые, археологи, артисты, общественные дѣятели и патріоты.—Общественная жизнь и дѣятельность.—Торговля и промышленность. 128

VII. Красное и кустарно-ювелирныя издѣлія. — Городъ Плесъ. — Фабрики Нерехотскаго уѣзда.—Кинешма и пожаръ 1890 года.—Шуйско-Ивановская ж. д. и Вичугскій районъ.—Рѣшма.—Юрьевецъ и солнечное затменіе 7 августа 1887 г. — Унжа и Ветлуга. — Лыковъй промыселъ.—Бабяя сторона. — Отходъ мужиковъ.—Взглядъ ихъ на гражданскія права.—Вліяніе отхожихъ промысловъ. — Письма къ роднымъ.—Пучежъ и булыни.—Лѣсная полоса.—Бѣглый взглядъ на три верховыя губерніи . . . 146

I.

Общія замѣчанія касательно путешествій по Россіи.—Интересъ повѣдки на Волгу.—
Отъ Петербурга до Твери.—Городъ Тверь.—Историческій очеркъ.—Настоящее
положеніе.—Тверское дворянство и земство.—Опытъ съ чайными лавочками.—
Населеніе Твери.—Историческій музей.—Соборъ, дворецъ и Отрочъ-Монастырь.—
Морозовская мануфактура.—Торговое значеніе города.—Общественныя учрежденія.—
Знаменитыя мѣстные уроженцы и крупныя дѣятели.

Что мы, русскіе, очень слабо знаемъ свою родину—истина, кажется,
довольно старая! Какъ и все подъ луною, не ново и то положеніе, что
каждый гражданинъ, хотя-бы онъ и назывался «русскимъ обывателемъ»,
обязанъ познакомиться съ той страной, гдѣ онъ обитаетъ, тѣмъ болѣе,
что онъ пользуется ея выгодными условіями, а невыгодныя отражаются
на немъ весьма чувствительно. Не говоримъ уже о знаніи всей Россіи,
что пожалуй и не по силамъ отдѣльному человѣку, но многіе-ли знаютъ
хотя-бы и болѣе дѣльные раіоны въ родѣ нашего Сѣвера, Поволжья,
Урала, Малороссіи съ ихъ особенностями и характерными проявленіями.
Оригинальныя черты роднаго намъ быта доходятъ до насъ урывками;
многія изъ нихъ исчезаютъ безслѣдно подъ напоромъ ввѣшней нивел-
лирующей цивилизаціи, и почти никого не находится, кто-бы закрѣпилъ
ихъ въ исторической и этнографической литературѣ; никто не бережетъ
ихъ такъ, какъ берегутъ заграницей въ національныхъ музеяхъ всякіе
пустяки, имѣющіе отношеніе къ національной культурѣ. Между тѣмъ
самобытныя проявленія русской народной жизни должны имѣть особую
цѣну въ переживаемый нами періодъ обезличенія—не даромъ этотъ тер-
минъ прилагается не къ однимъ только одушевленнымъ разумнымъ суще-
ствамъ (извѣстно, что кромѣ обезличенія людей у насъ вошло въ моду
«обезличеніе» хлѣба и др. товаровъ, а недавно поднять вопросъ объ
обезличеніи даже желѣзнодорожныхъ вагоновъ). До сихъ поръ наши при-
вилегированныя классы почти не интересуются, тѣмъ — какъ живутъ
«податныя» или неимущіе классы, какъ дышетъ та самая провинція, надъ

которой мы привыкли изъ центра, съ высоты величія, производить разные эксперименты, сирѣчь — дѣлать опыты надъ живымъ организмомъ, не освидѣтельствовавъ его предварительно, не узнавъ, что онъ можетъ вынести и чего не можетъ.

О внутренней Россіи мы зачастую имѣемъ меньше свѣдѣній, чѣмъ о многихъ отдаленныхъ странахъ Азіи, Африки и даже Австраліи — напримѣръ о Тибетѣ, Египтѣ, Новой Гвинее. Такихъ россіяняъ, которые сколько-нибудь знаютъ свою страну, гораздо меньше, чѣмъ такихъ, которые рисуются знаніемъ европейскихъ столицъ и курортовъ, относясь съ пренебреженіемъ къ какимъ-нибудь, съ позволенія сказать, Твери, Казани или Владиміру и даже къ Києву, а тѣмъ болѣе къ деревнѣ. Для многихъ изъ такихъ «патріотовъ», какъ намъ часто доводилось наблюдать, самые обыкновенные рассказы о рельефныхъ проявленіяхъ русской народной жизни представляются чѣмъ-то новымъ и даже маловѣроятнымъ, какъ будто рѣчь идетъ о какихъ-нибудь дагомейцахъ или сіуксахъ, а не о людяхъ одного съ ними племени. Кому неизвѣстно, что граждане западно-европейскихъ государствъ ставятъ на первый планъ изученіе, и при томъ самое основательное, своей родины, о другихъ же странахъ знаютъ гораздо меньше, а часто и совсѣмъ мало, особенно о Россіи. Мы же — наоборотъ: хорошо изучаемъ чужія страны, ничего не зная о своей, особенно если курсъ русской географіи проходилъ нами механическимъ путемъ — въ формѣ заучиванія губерній, горъ, почвъ, городовъ, etc. Обиднѣе всего, что если кто и знаетъ сколько-нибудь матушку-Русь, то отнюдь не интеллигенты, а простые сѣрые мужички, которые мѣряютъ своими ногами тысячи верстъ, проходятъ десятки губерній, заходятъ на окраины, не пользуясь ни желѣзными дорогами, ни другими изобрѣтеніями пресловутой цивилизаціи и вездѣ присматриваясь къ народному быту и хозяйству. Многие культурные русскіе люди стыдятся признаться въ незнаніи парижскихъ бульваровъ или ривьеры съ Монте-Карло, а незнаніе отечества считаютъ чѣмъ-то естественнымъ, какъ будто такъ тому и быть надлежитъ. Въ оправданіе свое они ссылаются на то, что путешествія по Россіи сопряжены съ большими расходами и неудобствами, и это имѣетъ свое основаніе, если принять въ расчетъ наши «естественные» грунтовые пути сообщенія и варварски-высокіе желѣзнодорожные тарифы, при которыхъ, напримѣръ, проѣхать отъ Баку до Батума, поперекъ одного Кавказа, обходится дороже переѣзда черезъ всю Францію или Германію. Нельзя также оспаривать, что вообще поѣздка

заграницу обходится дешевле, чѣмъ въ разныя отдаленныя мѣста внутренней Россіи, не говоря уже о меньшемъ количествѣ времени. О Сибири мы уже не говоримъ: доѣхать, напримѣръ, до Иркутска въ десять разъ дороже и во столько-же разъ дольше, чѣмъ въ Парижъ; между тѣмъ мы знаемъ сибиряковъ, которые иногда дѣлали по два конца въ годъ отъ Иркутска до Петербурга, т. е. проѣзжали ежегодно 24 тыс. верстъ, проводя въ дорогѣ, при скорой ѣздѣ, 120 дней или $\frac{1}{3}$ года. Извѣстно также, что въ Сибири не рѣдкость—сѣздить въ гости, на именины, за 500 верстъ на лошадахъ, что равносильно по крайней мѣрѣ 2000 в. по желѣзной дорогѣ, т. е. поѣздкѣ въ Парижъ. Но и въ предѣлахъ Европейской Россіи путь, напримѣръ, изъ Петербурга въ Астрахань, беретъ вдвое больше времени, чѣмъ въ Парижъ, а въ Архангельскѣ — втрое. Бываетъ даже, что въ предѣлахъ одной губерніи переѣзды болѣе долги и утомительны; возьмемъ даже сосѣднюю съ Петербургомъ губернію — Новгородскую, гдѣ есть такіе отдаленные уѣздные города, что до нихъ отъ губернскаго города нужно сѣздать двое-трое сутокъ на лошадахъ, что гораздо тяжеле, чѣмъ два раза сѣздить въ Парижъ.

Но эти невыгодныя сравненія отпадаютъ, если станемъ говорить о поѣздкѣ на Волгу, которая какъ разъ представляетъ собою наименѣе утомительное и наиболѣе дешевое путешествіе. Здѣсь вы проѣзжаете девять разнообразныхъ и обширныхъ губерній на протяженіи 3000 верстъ и все время чувствуете себя какъ дома, не только не испытывая изнуренія, неизбежнаго при поѣздкѣ по желѣзной дорогѣ, хотя бы въ пульмановскихъ купэ, но даже набираясь новыхъ силъ для осенняго и зимняго сезона. Не напрасно многіе здравомыслящіе доктора, вмѣсто дорогихъ поѣздокъ на заграничныя воды и на южныя берега, прямо рекомендуютъ ѣхать для поправки здоровья на живительный волжскій воздухъ.

Другое оправданіе въ маломъ знаніи Россіи — ссылка на то, что при ея обширности, разноплеменности населенія и разнообразіи всякихъ условій, изучить ее гораздо мудренѣе, чѣмъ какую нибудь Францію или Бельгію. Но вѣдь ни отъ кого и не требуется знаніе всей Россіи, необходимое только для лицъ, призванныхъ къ кормилу государственной власти, или говоря высокимъ слогомъ, стоящихъ у жертвенника. Для обыкновеннаго смертнаго достаточно изучить хотя нѣкоторыя, самыя типичныя части Россіи и прежде всего Поволжье, какъ коренной русскій край, вмѣщающій въ себѣ настоящую кондовую Русь и полнѣе отражающій русскій духъ, гдѣ отъ самого Селижарова вплоть до Астрахани

слышится, какъ писалъ Щедринъ, сочная русская рѣчь, благодаря которой всѣ понимаютъ другъ друга въ лучшемъ видѣ. Кромѣ того, Волга должна быть особенно близка русскому сердцу не только по ея историческому и экономическому значенію, но и по своей чисто-русской физиономіи; всѣ, кто еще не окончательно озападнился, кто не началъ испытывать *taedium vitae*, не промѣняетъ ее на какой-нибудь Дунай съ его непривычными для русскаго взора обнаженными каменистыми горами, съ его *Räuberfelsen* и развалинами разбойничьихъ замковъ, ни на Рейнъ съ его театральными пейзажами, сильно попорченными фабричною культурою. Тамъ нѣтъ той «шири и глади» какъ на Волгѣ, которая является выразительницей широты и непосредственности русской природы. Передъ глазами путниковъ, на всемъ ея протяженіи, проходятъ типичныя картины всѣхъ мѣстностей Россіи: поэтическіе доли, пригорки и перелѣски сѣвера, обширныя луга, холмы и лѣса среднихъ губерній, необозримыя степи востока и юга, довольно высокія горы и мрачныя ущелья, словомъ—чего хочешь, того и просишь. Не мѣшаетъ также помнить, что здѣсь идетъ большая дорога къ сказочному востоку, игравшему такую роль въ русской исторіи. На хребтѣ ея волнъ носились въ былое время и татарскія ладьи, и персидскія барки, и разбойничьи струги, и купеческія суда, и плоты съ висѣлицами. Волга съ ея притоками охватываетъ всю настоящую Россію, бывшее Московское государство. Среди приволжскаго населенія сотни лѣтъ ревниво берегаются самобытныя черты русскаго обихода и міровоззрѣнія, такъ картинно изображенныя въ сочиненіяхъ покойнаго Мельникова—этого характернаго волжскаго писателя; все это представляетъ обильный матеріалъ для психолога. Далѣе — сколько на Волгѣ исконныхъ русскихъ промысловъ, сколько памятниковъ древняго зодчества, сколькихъ дала она славныхъ писателей—Некрасовъ, Салтыковъ, Мельниковъ, Гончаровъ, Карамзинъ, Державинъ и др. выросли на ея берегахъ. Словомъ — на Волгѣ соединилось все для привлеченія ученыхъ, этнографовъ, беллетристовъ и просто туристовъ. И всѣ тѣ, кто внимательно и серьезно по ней проѣхалъ, сознаются, что интересъ поѣздки превзошелъ всѣ ихъ ожиданія, что для ума и даже для глазъ они нашли здѣсь больше, чѣмъ въ Крыму, на Кавказѣ и въ другихъ мѣстахъ. Къ сожалѣнію, и эти восторженные отзывы соблазняютъ очень немногихъ. Большинство продолжаетъ ссылаться на дороговизну путешествія, которое будто-бы обходится дороже поѣздки за границу или на какія-нибудь безполезныя воды. Но и эта отговорка опять-таки объяс-

няется незнаемъ. Неоднократнымъ опытомъ мы убѣдились въ томъ, что путешествіе по Волгѣ, особенно лѣтомъ, обходится очень дешево. Чувствуется только недостатокъ толковыхъ путеводителей, объясняемый только тѣмъ, что составленіе и изданіе ихъ обходится довольно дорого, а сбытъ невеликъ, ибо туристъ, развѣзжающій по Волгѣ безъ определенной дѣловой цѣли, внѣ казенныхъ порученій и командировокъ, представляетъ болѣе или менѣе случайное явленіе, хотя съ другой стороны съ каждымъ годомъ появляется все болѣе догадливыхъ людей, которые берутъ свои семейства и нанимаютъ каюту на волжскомъ пароходѣ на нѣсколько недѣль или просто путешествуютъ по интересующимъ ихъ мѣстамъ на разныхъ пароходахъ. Посвятить же Волгѣ мѣсяца два лѣтнихъ, они не только соединятъ полезное съ пріятнымъ, но будутъ при этомъ пользоваться такимъ комфортомъ, какого навѣрное не встрѣтятъ за границей, ибо волжскіе пароходы по удобствамъ, изяществу и простору помѣщеній далеко оставляютъ са собою пароходы, плавающие, напр, по Рейну и Дунаю. Въ попутныхъ городахъ къ услугамъ волжскаго путника хорошія гостиницы, мало чѣмъ уступающія столичнымъ. Одно обидно: болѣе сносные новые путеводители по Волгѣ изданы на иностранныхъ языкахъ, а на русскомъ таковыхъ не имѣется; есть, правда, изъ новыхъ, — двѣ книжки Лендера, толстая книга Монастырскаго, но онѣ наполнены очерками, для большинства неинтересными, хотя прочитать ихъ все-таки не мѣшаетъ, равно какъ и изданіе В. Рагозина «Волга» и въ V томѣ всеобщей географіи Э. Реклю стр. 306—411 о Волгѣ. Но для туриста нужнѣе свѣдѣнія, такъ сказать, «путеводительскаго» характера: цѣны проѣзда на пароходахъ, указатель мѣстныхъ произведеній, сжатая исторія каждаго города, указанія — гдѣ остановиться, гдѣ ѣсть, что смотрѣть и въ какое время, сколько платить извозчикамъ и т. д. На это въ волжскихъ путеводителяхъ не обращено вниманія, не говоря уже о планахъ болѣе крупныхъ городовъ, что считается излишней роскошью. Тому, кто въ первый разъ пріѣзжаетъ въ приволжскій городъ, поневолѣ остается прибѣгать къ тому усовершенствованному способу, который — какъ говорятъ — доводитъ до Кіева, т. е. спрашивать кого придется — какая гостиница лучше, гдѣ пообѣдать, сколько заплатить извознику, а по городу ходить первое время какъ по вновь открытой странѣ, населенной неизвѣстными людьми, уподобляясь легендарному пошехонцу, заблудившемуся въ трехъ соснахъ. Конечно — и въ этомъ есть своя хорошая сторона, такъ какъ зачастую приходится наталкиваться на сюрпризы; но во-первыхъ, ихъ

и безъ того немало разсыпано въ русской жизни и иные бываютъ не изъ числа пріятныхъ, во-вторыхъ, приходится считаться съ немалой потерей времени.

Этимъ лѣтомъ мы предприняли поѣздки на Волгу не ради только «туристскаго» отдыха и времяпровожденія, но имѣли въ виду попутно выяснитъ разные экономическіе вопросы, интересующіе общественныя и правительственныя сферы. Другихъ, болѣе общихъ, наблюденій нами сдѣлано очень мало. Вотъ почему наши наблюденія и описанія, внѣ этихъ вопросовъ, могутъ, пожалуй, показаться нѣсколько блѣдными. Во всякомъ случаѣ, уступая желанію многихъ, постараемся отмѣтить все, представляющее болѣе интереса.

Кто отправляется на Волгу изъ Петербурга—тому лучше всего взять билетъ до Твери и оттуда начать экскурсію. Тѣ же, кто поѣдетъ отъ Рыбинска, много потеряютъ, не видавъ красотъ верхней Волги еще мало испорченныхъ нечистымъ дыханіемъ меркантильнаго духа и фабричной цивилизаціи.

Выѣхавъ изъ Петербурга вечеромъ и прибывъ въ Тверь на другой день рано утромъ, можно въ то же утро уже плыть по Волгѣ. Но, конечно, настоящій туристъ на это не рѣшится и на день — на два остановится въ этомъ стольномъ городѣ, заслуживающемъ полнаго вниманія. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ, въ отношеніи городовъ Поволжья, ограничиваться свѣдѣніями въ родѣ преподанныхъ щедринскому благовоспитанному мальчику, будущему сановнику, который, когда его спрашивали о нѣсколькихъ поволжскихъ городахъ, о каждомъ изъ нихъ отвѣчалъ такъ: «городъ N стоитъ на рѣкѣ Волгѣ, имѣетъ соборъ, острогъ и рыбныя ловли». Далеко-ли отъ этого мальчика ушли тѣ, кто удержалъ въ памяти, что въ Твери было когда-то княжество, что нынѣ это губернскій городъ на рѣкѣ Волгѣ—на какомъ берегу неизвѣстно — снабженный положенными по штату дѣтелями и сѣтелями, что около него большія фабрики и большой вокзалъ, гдѣ можно выпить — закусить и даже, если позволить время, купить для подарковъ замысловатыхъ тверскихихъ пряниковъ въ формѣ рыбъ, коньковъ, гусаровъ. При томъ и самый городъ изъ окна вагона не представляетъ картиннаго вида, ибо видны только его зады; проникаютъ въ него больше по необходимости, туристы же, видавшіе болѣе захватывающія картины Швейцаріи, Тироля или Біаррица, хорошо знаютъ что въ Твери нѣтъ ни безбрежнаго океана съ его отливами и приливами, ни необъятныхъ парижскихъ ма-

газиновъ, ни колизея, ни цѣлебныхъ водъ, ни даже рулетки. Но хотя всё эти прелести здѣсь и отсутствуютъ, для истинно-русскихъ людей должны быть милы «иныя картины».

Путь отъ Петербурга до Твери описывался сотни разъ, и путникъ, посмотрѣвъ рѣку Волховъ, веревбинскій мостъ, долину Мсты и еще два—три пейзажа, можетъ на этомъ успокоиться. Остается развѣ упомянуть о Николаевской линіи, что она—самая дорогая въ Россіи (двѣсти тысячъ рубликовъ золотомъ за версту), но далеко не самая удобная, что за 43 года ея существованія пассажирскій тарифъ вмѣсто того, чтобы уменьшаться, все возрасталъ; такъ напр. въ III классѣ поѣздъ отъ Москвы до Петербурга стоилъ когда-то три рубля, а теперь втрое больше. Будь это въ Америкѣ—давно бы тамъ выстроили между столицами еще одну, а то и двѣ параллельныя линіи, возили бы дешевле и дохода хватало бы на обѣ. Вѣдь Николаевская дорога приноситъ чистаго дохода около 15 милл. руб. въ годъ, причемъ онъ составляетъ почти половину валоваго дохода. Но ничего не подѣлаешь:—монополія, скромно замаскированная невиннымъ словомъ «концессія», которую наши юристы считаютъ за нерушимый сепаратный договоръ гг. акціонеровъ съ правительствомъ. И названная линія, вторая по доходности въ мірѣ, только съ мая нынѣшняго года стала возить нѣсколько скорѣе, да и теперь пассажирскій ускоренный поѣздъ дѣлаетъ только по тридцати верствъ въ часъ, тогда какъ въ старину русскіе цари, именитые люди, курьеры и фельдъегеря дѣлали на лошадахъ отъ столицы до столицы по двадцати верствъ въ часъ или только въ полтора раза медленнѣе ускоренныхъ пассажирскихъ поѣздовъ, а по сравненію съ недавними черепащими поѣздами ѣздили почти съ той-же скоростью. Притомъ эта богатая дорога и хороша только для богатыхъ, безопасно ѣдущихъ въ купе перваго класса или въ спальныхъ вагонахъ, главная же масса пассажировъ, третъеклассныхъ, составляющихъ 80% всего числа, везется самымъ варварскимъ образомъ въ тѣсныхъ грязныхъ полутемныхъ вагонахъ. О варварскомъ же способѣ перевозки рабочихъ по удешевленному тарифу на этой богатѣйшей линіи много писалось въ газетахъ, и только фатальная выносливость нашего народа допускаетъ подобное съ нимъ обращеніе; если бы везти такъ, цѣлыя 600 верствъ, европейскаго рабочаго, онъ не выдержалъ бы четвертой части пути и взмолился бы, чтобы отпустили душу на покаяніе, не желая за свои деньги испытывать репетицію чистилища. Далѣе бросается въ глаза, что эта богатѣйшая линія

почти до самой Твери проходить по самой удручающей мѣстности, черезъ пустыри, изрѣдка перерѣзанные обработанными клочками земли. Эти пустыри дали поводъ одному изъ членовъ недавно бывшаго желѣзнодорожнаго конгресса, бельгійцу, изумляться богатству Россіи: «помилуйте! восклицалъ онъ, мы не знаемъ куда дѣться отъ тѣсноты, бросаемся на самые бесплодные куски земли (тутъ вспоминается теорія ренты Рикардо), а у васъ, между двумя столицами, вдоль главной желѣзно-дорожной артеріи, некуда дѣвать лишней свободной земли; это такой ресурсъ въ будущемъ, и вы счастливы, что онъ у васъ есть». Впрочемъ, не онъ одинъ изумлялся естественнымъ задаткамъ земли русской, чувствующей себя въ данную минуту въ весьма критическомъ положеніи. На это наираютъ и наши патріоты и наши доморощенные экономисты; многіе изъ нихъ съ гордостью возглашаютъ, что у насъ одного золота въ землѣ на миллиарды, стоитъ только протянуть руку, одной соли на сотни милліоновъ, а желѣзо, а каменный уголь, а нефть— всего и не перечестъ! стоитъ только протянуть руку, не будь мы такъ лѣнны! Но достаточно имъ напомнить хоть одно: для того, чтобы добыть золота, положимъ, на милліонъ, надо имѣть на-готовѣ 600—800 тысячъ рублей, хотя бы даже и кредитныхъ. Вѣдь и папуасы и негры Конго также живутъ въ великолѣпныхъ естественныхъ условіяхъ, окруженные тропической растительностью, въ нѣдрахъ ихъ земли подозрѣваютъ не только богатое золото, но даже алмазы, и не смотря на все это, ихъ инвентарь, образовательный цензъ и самый гардеробъ оставляютъ желать весьма многого. Отъ этой мысли логическій переходъ къ одному изъ контрастовъ русской жизни и культуры, который особенно бросается въ глаза человѣку, начинающему обзоръ Россіи отъ Петербурга. Сзади остается если не совсѣмъ европейскій, то все-таки пышный городъ со всѣми внѣшними атрибутами утонченной цивилизаціи, здѣсь же, по обѣ стороны пути, пустыня и притомъ не та богатая американская пустыня, которая манитъ изголодавшихся эмигрантовъ, а какая-то удручающая и обезкураживающая, — кочковатая болота, борьяны лѣса и изрѣдка скверно-всковырянныя поля, способныя привести въ негодованіе бельгійскаго земледѣльца, за полями убогія деревеньки съ избами, издали похожими на навозныя кучи, и пр. Съ одной стороны желѣзная дорога, телеграфы, телефоны, семафоры, а за двѣ—три версты отъ линіи первобытныя формы быта, недалеко ушедшія отъ временъ Гостомысла, первобытныя земледѣльческія орудія, всевозможныя суетвѣ-

рія, доходяція даже до постановленія сельскаго схода о соженіи живымъ колдуна... Но дальше отъ этихъ картинъ, лучше не думать объ этомъ, скорѣе къ берегамъ Волги, гдѣ все-таки пульсъ экономической жизни бьется нѣсколько живѣе, гдѣ какъ ни на есть, но должно же что-нибудь остаться отъ своеобразной тысячелѣтней культуры.

Преддверіе Волги — Тверь представляетъ собою какъ бы вырванный изъ Москвы кусокъ, что дало поводъ сочинить поговорку «Тверь-городокъ — Москвы уголокъ», которая впрочемъ примѣняется и къ нѣкоторымъ другимъ губернскимъ городамъ. Вѣдь и Москва есть не болѣе какъ соединеніе десятка губернскихъ городовъ, и одна только центральная часть ея съ Кремлемъ и торговыми рядами придаетъ ей особую важность. По своей фizioноміи Тверь производитъ обратное впечатлѣніе, чѣмъ большинство русскихъ городовъ, которые часто издали очень красивы, а внутри грязны. Здѣсь наоборотъ, городъ издали не очень красивъ, но внутри оказывается довольно красивымъ, чистымъ и хорошо распланированнымъ ¹⁾. Путешествовавшей по Россіи полвѣка тому назадъ баронъ Гакстгаузенъ ²⁾ выразился, что «Тверь—одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Россіи», что здѣсь — широкія, прямыя улицы, съ рядами новѣйшихъ каменныхъ домовъ, украшенныхъ большею частію ко-

¹⁾ Съ Тверью и ея губерніей знакомятъ слѣдующія изданія:

Памятныя книжки Тверской губерніи; прежде изд. ежегодно при губ. правленіи теперь не издаются.

Обзоры Тверской губерніи, составляющіе приложенія къ ежегоднымъ отчетамъ губернаторовъ.

Тверь въ XVII в. Историческій и археологическій путеводитель. Изслѣдованія Н. Н. Овсянникова, изд. въ 1889.

Историко-статистическое описаніе Тверской губерніи. Составл. В. Покровскимъ. Т. I. Историческій очеркъ губерніи, ея территорія и населеніе. Тверь. 1879. Т. II. Промышленность и пр.

Описаніе тверскаго музея. Археологическій отдѣлъ. А. К. Живневскаго. Съ примѣчаніями гр. А. С. Уварова. Москва. 1888 г.

Исторія тверскаго княжества. Борзаковскаго. Спб. 1876 г.

Краткое описаніе Тверской губерніи, основанное на сравненіи статистическихъ данныхъ 1783 и 1846 гг. Тверь. 1847.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи тверскаго губернскаго земства 1866—1882 г. Тверь. 1883 г., два тома.

Матеріалы для статистики Тверской губ., изд. губ. земства. Сборники и отчеты мѣстныхъ земствъ. Еженедѣльная газета «Тверской Вѣстникъ», изд. въ 1879—1881 гг.

²⁾ См. его «Изслѣдованія внутр. отношеній народной жизни и сел. учреждений Россіи». Москва, 1870, стр. 1.

лоннами и балкономъ, большія симметрическія площади, съ большими домами вокругъ, множество бросающихся въ глаза церквей и безчисленное количество куполовъ и колоколенъ. На нѣкоторыхъ улицахъ хорошенькія липовыя аллеи. Хотя это мнѣніе и преувеличено, но впечатлѣніе отъ Твери получается лучше, чѣмъ ожидаешь: улицы дѣйствительно широки и прямы, много каменныхъ домовъ, сады, старинныя церкви, красивая набережная Волги съ видомъ на заволжскую часть. Параллельно набережной перерѣзываетъ городъ Милліонная улица, замѣняющая для тверитянъ Невскій проспектъ и парижскіе бульвары. На ней обращаютъ вниманіе: сперва красивый скверъ около нѣмецкой церкви, круглая площадь, обставленная, у пересѣченія съ другой главной улицей, четырьмя подковообразными двухэтажными зданіями присутственныхъ мѣстъ; далѣе—большой гостиный дворъ, напротивъ его идетъ къ Волгѣ тѣнистый общественный садъ, въ концѣ улицы самое парадное мѣсто города—грандіозное зданіе мужской гимназій, рядомъ губернаторскій домъ, напротивъ длинное красивое зданіе реального училища, кафедральный соборъ и дворецъ съ садомъ; за ними поэтическій пустырь съ зеленой муравой—здѣсь старинная церковь Николы въ Капустникахъ и слабыя слѣды бывшихъ земляныхъ валовъ; около этого мѣста и теперь еще откапываютъ разныя старинныя вещицы великокняжескаго періода. Казенныя зданія выкрашены охрой—цвѣтъ традиціонный, подавший поводъ Гакстгаузену прозвать Тверь «желтымъ» городомъ. За бывшей крѣпостью спускъ къ рѣчкѣ Тьмакѣ, за ней опять улицы болѣе глухія и идиллическія, бывший Затьмацкій посадъ съ красивой церковью Бѣлой Троицы съ куполомъ о семи главахъ, древнѣйшей въ Твери, постройки 1564 г. Далѣе — Дѣвичій монастырь въ тѣни деревь, Рождественская рабочая слободка и обширная Тверская Мануфактура, представляющая собою отдѣльную промышленную колонію, окруженную крѣпкимъ заборомъ, изъ-за котораго нахально поднимаются къ небу высокія фабричныя трубы. Правѣе—въ устьѣ Тьмаки — интересные доки пароходнаго общества «Самолетъ», единственнаго, которое пускаетъ пароходы на всемъ протяженіи Волги отъ Твери до Астрахани. За Волгой, на лѣвомъ берегу, куда идетъ свайный мостъ въ 80 саж. длины, тянется другая часть города, населенная бѣднѣйшими гражданами, а въ концѣ ея на мысу, образуемомъ слияніемъ р. Тверцы съ Волгою, бѣлѣтся старинный Отрочъ-монастырь. Отъ мыса устроенъ на правый берегъ Волги другой мостъ, довольно оригинально составленный изъ пло-

товъ безъ перилъ; насупротивъ—монастыря—черезъ Тверцу—большая Затверецкая слобода съ шестью церквами; здѣсь можно наблюдать оригинальные мѣстные нравы и во многихъ домахъ еще сохранились національные костюмы.

Теперь немножко исторіи, безъ которой нельзя обойтись въ очеркѣ, сколько нибудь претендующемъ на серьезность. Тверь основана въ 1181 г., стало-быть насчитываетъ за плечами 711 лѣтъ—возрастъ довольно почтенный, особенно въ Россіи, которую принято считать незрѣлымъ и несовершеннолѣтнимъ государствомъ, причемъ наши, съ позволенія сказать, патриоты склонны противопоставлять молодой свѣжій русскій народъ одряхлѣвшему гнилому западу. Но вопросъ о томъ, насколько сгнилъ западъ и насколько цвѣтуци мы, русскіе, не относится прямо къ темѣ настоящаго очерка. Возвращаясь къ Твери, напомнимъ, что прежнее почетное званіе стольнаго великокняжескаго города обходилось ему недешево и вызывало рядъ передрагъ, особенно въ удѣльный періодъ, столь ненавистный гимназистамъ и гимназисткамъ, рѣшительно не желающимъ понять—насколько полезно и необходимо знаніе такихъ глубокихъ историческихъ фактовъ, что у Всеволода Юрьевича былъ сынъ Юрій Всеволодовичъ, а у Изяслава Святославича—Святославъ Изяславовичъ; они часто и упорно позабываютъ—кто отецъ и кто сынъ, за что получаютъ дурные баллы. Въ похвалу Твери можно припомнить, что когда алчная Москва глотала сосѣднихъ великихъ князей какъ устриць, Тверь держалась дольше другихъ и считалась серьезной соперницей Москвы, пока на нее не разсердился Іоаннъ III и не покорилъ окончательно въ 1484 г., обративъ задорныхъ тверитянъ въ московскихъ холоповъ. Вскорѣ послѣ того черезъ Тверь прослѣдовалъ Іоаннъ Грозный, ѣхавшій проучить Новгородъ; заподозрѣвъ Тверь въ сепаратизмѣ, онъ, по склонности къ радикальнымъ мѣрамъ, во время остановки истребилъ значительную часть ея жителей. Съ тѣхъ поръ окончились прекрасные дни Аранжуеца и за 400 лѣтъ иѣгладилась самая память о былой самостоятельности. Княжескія палаты и крѣпостные валы сравнивались съ землей, и о самомъ мѣстѣ, гдѣ были палаты, долго спорили мѣстные ученые, усматривавшіе въ этомъ пробѣлѣ большую потерю для европейской науки, пока недавно ихъ не помирили, доказавъ, что вѣроятно все-го палаты были тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ зданіе прозаической классической гимназіи. Какъ-бы то ни было—Тверь и 400 лѣтъ назадъ была довольно большимъ городомъ: окружность крѣпости простиралась на 900

сажень, кругомъ тянулись посады, такъ что и нынѣшній городъ немного больше прежняго, да и расти ему трудно, ибо кругомъ много болотъ, мѣшающихъ новымъ расселеніямъ въ окрестностяхъ города. Почти триста лѣтъ назадъ на городъ напали поляки и тушинскіе воры, разграбившіе въ 1606 и 1609 гг. одинадцать церквей и 1450 дворовыхъ мѣстъ, такъ что въ цѣлости осталось только 554 двора или немного больше четверти города. Не прошло и 50 лѣтъ, какъ большая часть жителей вымерла отъ моровой язвы, свирѣпствовавшей въ 1644, и 1645 и особенно въ 1655 годахъ.

Каждому русскому городу, а древнему въ особенности, полагается выносить жестокіе пожары, иначе не было-бы и улучшеній. Тверь не отставала отъ другихъ городовъ и горѣла неоднократно, но самый основательный пожаръ, способствовавшій ея украшенію, произошелъ волею судьбы въ 1763 г., когда была истреблена большая часть города, причемъ распространеніе огня облегчалось узкими и кривыми улицами, имѣвшими по 2—3 сажени въ ширину; тогда только двѣ—три главныя улицы были по 4—5 саж. Съ тѣхъ поръ городъ возродился изъ пепла, какъ фениксъ; были проведены прямыя улицы въ 10—12 саж. ширины, участки застроены подъ прямыми углами; городъ утратилъ свою средне-вѣковую фізіономію и съ 1775 г. сдѣланъ губернскимъ.

Въ коммерческомъ отношеніи Тверь всегда занимала важное мѣсто, вслѣдствіе ея расположенія на старинномъ торговомъ пути изъ Новгорода въ Москву, въ южно-восточную Россію и азіатскія страны. Значеніе ея стало особенно возрастать въ нынѣшнемъ столѣтіи, съ устройствомъ вышневолоцкой соединительной системы. До открытія Николаевской желѣзной дороги, т. е. до 1849 года, Тверь была оживлена массою проѣзжающихъ и обозовъ, двигавшихся изъ Москвы въ Петербургъ и обратно; ея постоянные дворы и гостиницы процвѣтали. Желѣзная дорога положила конецъ этому оживленію, хотя до проведенія Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги Тверь еще оставалась пересадочнымъ пунктомъ для пассажировъ, слѣдующихъ съ верхней Волги въ Петербургъ; линія эта нанесла ударъ грузовому движенію по вышневолоцкой системѣ, обмеленіе-же Волги сократило обороты тверской пристани. Но городъ спасло его географическое положеніе въ центрѣ довольно обширнаго промышленнаго раіона и при пересѣченіи Волги желѣзною дорогою въ такомъ пунктѣ, отъ котораго нынѣ начинается пароходство, ибо пароходы отъ Ржева уже нѣсколько лѣтъ какъ перестали ходить за мелко-

водъемъ. Тверь, такимъ образомъ, должна была получить значеніе какъ узловой и перегрузочный пунктъ, такъ что не могла придти въ совершенный упадокъ, и та-же желѣзная дорога послужила къ ея поддержкѣ, такъ какъ вслѣдствіе дешевизны топлива и рабочихъ рукъ и удобной доставки матеріаловъ здѣсь возникли крупныя мануфактуры, поставившія Тверь въ ряду крупныхъ промышленныхъ центровъ Россіи. Это замѣтно и потому, что она не такой сонный городъ, какъ Кострома или Ярославль, и на здѣшнихъ улицахъ больше оживленія.

Въ исторіи послѣдней четверти вѣка Тверь стала извѣстна по передовой дѣятельности своего дворянства въ сферѣ крестьянской реформы. Когда послѣ Крымской войны назрѣла мысль о невозможности оставлять крѣпостныхъ крестьянъ въ прежнемъ неестественномъ положеніи, тверское дворянство, не дожидаясь призыва свыше, само поспѣшило заявить о своемъ желаніи улучшить бытъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, лишь только изъ Высочайшаго рескрипта на имя виленскаго генералъ-губернатора узнало о желаніи Государя улучшить бытъ помѣщичьихъ крестьянъ и дать имъ гражданскія права; 22 декабря 1857 г. было первое собраніе представителей дворянства по этому вопросу. Когда-же образовалась тверская редакціонная коммисія, то она въ вопросѣ о надѣленіи крестьянъ землею сразу заявила себя широкими и передовыми началами, прямо указавъ на то, «что личная свобода чело-вѣка не можетъ осуществиться безъ свободы имущественной», что «подъ крестьянской осѣдлостью слѣдуетъ непремѣнно разумѣть не однѣ, такъ называемыя, усадебныя земли, но все количество земли, необходимое для обезпеченія быта крестьянъ». Кромѣ того коммисія выставила тотъ принципъ, что одна крестьянская реформа безъ измѣненія другихъ факторовъ государственной жизни будетъ мертворожденною, почему и намѣтила главныя начала тѣхъ преобразованій, которыя вскорѣ дѣйствительно и были проведены государственной властью. Такъ она заявила о необходимости въ гражданскомъ строѣ общества такихъ преобразованій, которыми къ участию въ управленіи и суда было-бы призвано само общество: «ибо какъ-бы ни энергичны были чиновники, а одни они, безъ указанія и участія самого общества, не могутъ ни узнать нужды населенія, ни удовлетворить ихъ». При этомъ было выражено пожеланіе, чтобы судебная функція въ государствѣ была предоставлена двумъ учрежденіямъ: 1) мировому судебному институту и 2) суду присяжныхъ; коммисія указала и на финансовыя мѣры, способствующія развитію произ-

водительныхъ силъ страны, приче́мъ, по ея мнѣнію, прежде всего были необходимы: 1) отмѣна откупной монополіи на продажу спиртныхъ питей и 2) отмѣна покровительственнаго тарифа, особенно пошлинъ на ввозъ иностраннаго желѣза во всѣхъ видахъ. Наконецъ, по поводу организаціи сельскихъ обществъ, коммисія выработала такія здравыя основанія, которыя цѣликомъ вошли потомъ въ положеніе о крестьянахъ и въ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ.

Тверское земство также въ свое время считалось передовымъ и выступало съ разными смѣлыми проектами то по вопросамъ народнаго образованія, то по вопросамъ о содѣйствіи мѣстному народному хозяйству. Такъ въ 1880 г. губернское земство представило о новомъ планѣ народнаго образованія и о расширеніи вліянія земства въ этой сферѣ, приче́мъ испрашивалось право открывать училища высшаго разряда съ законченнымъ общеобразовательнымъ курсомъ, съ ремесленными или сельскохозяйственными классами примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, съ тѣмъ, чтобы эти училища всецѣло находились въ вѣдѣніи земства. Затѣмъ — земство помогало образованію промысловыхъ артелей и ссудныхъ товариществъ, поддерживало извѣстныя артельные сыроварни, устроенныя Н. В. Верещагинымъ, устроило въ Твери образцовую, женскую учительскую школу имени Максимовича, а близь города обширную колонію на 350 душевно-больныхъ, хорошо поставленную согласно новейшимъ научнымъ требованіямъ. Но въ послѣдніе годы здѣшнее земство, какъ и многія другія, притихло и ничѣмъ особымъ себя не заявляетъ, да и вопросовъ острыхъ въ родѣ тѣхъ, какіе волнуютъ пострадавшія отъ неурожая юговосточныя губерніи, здѣсь не имѣется. Населеніе бывшаго тверскаго княжества все еще, какъ говорится, живетъ и хлѣбъ жуесть, кой-какъ перебивается изъ кулька въ рогожку, приче́мъ благодаря промысламъ не очень много задолжало казнѣ и земству.

Закончимъ этотъ скучный историческій очеркъ воспоминаніемъ объ одномъ интересномъ починѣ, исшедшемъ изъ Твери, по обширному вопросу о замѣнѣ потребленія «жизненной влаги» болѣе невиннымъ, хотя и менѣе доходнымъ для государственнаго казначейства, чаепитіемъ. Мы говоримъ объ устройствѣ чайныхъ лавочекъ съ цѣлю отвлечь народъ отъ пьянаго зелья. Первые хлопоты принялъ на себя весьма почтенный и популярный мѣстный дѣятель, четверть вѣка посвятившій пользамъ и нуждамъ тверскаго края, А. К. Жизневскій — управляющій мѣстною казенной палатой. Въ 1870 г. по его ходатайству правительство разрѣ-

шило открывать въ селеніяхъ чайныя лавочки какъ «съ цѣлью удовле-творенія развивающейся въ сельскомъ населеніи потребности пить чай, такъ и въ видахъ уменьшенія пьянства, облегченіемъ простому народу возможности проводить свободное время въ бесѣдѣ за чаемъ». Это нашло откликъ, и къ концу 1871 года открылось 277 такихъ лавочекъ, а въ 1872 г. уже 322. Но мода эта скоро прошла, ибо свидѣтельства на лавочки требовали высокой платы, а народъ не могъ отказаться отъ потребленія вина, составляющаго для него нѣчто органическое, вызываемое всею совокупностью тяжелыхъ условій его быта. Къ тому-же идея отвлечь отъ пьянства чаемъ на практикѣ часто осуществляется въ неожиданно-обратномъ направленіи; во многихъ мѣстахъ средней Россіи существовалъ даже особый терминъ «нырокъ»—такъ назывался чайникъ съ водкою, подававшійся вмѣстѣ съ чайнымъ приборомъ, такъ какъ, по словамъ знатоковъ, между чаемъ спорѣ пьется, «ныряеть», чашка водки. Невольно вспомнишь наши общества трезвости съ ихъ наивными замыслами обратить простого человѣка «въ «чайную вѣру»; въ дѣйствительности эти общества чаще всего, сберегая у рабочаго нѣсколько копѣекъ на чаѣ и закускѣ, даютъ ему возможность выпить лишній стаканчикъ водки, а иногда и два, т. е. стало быть, достигаютъ какъ разъ обратной цѣли, какъ и многія другія модныя мѣры и затѣи.

Отъ прошлаго, которое вовсе не было такъ свѣтло, какъ полагаютъ люди назадняческаго направленія и не такъ мрачно, какъ думаютъ нѣкоторые люди передоваго образа мыслей, обратимся къ его результату — къ настоящему.

Въ настоящее время Тверь представляетъ собою губернской городъ средняго калибра, имѣетъ болѣе 50 тыс. жителей, изъ коихъ около 20 т. пришлаго элемента. По переписи 1859 г. въ городѣ считалось 29 т. жителей, въ 1879 г. уже 42 тыс., а теперь по календарю числится почему-то 39 тыс., тогда какъ населеніе несомнѣнно растетъ и если прибавить фабричное населеніе Рождественской слободы, то цифра его превыситъ 60 т. Впрочемъ относительно календарей давно сказано, что всѣ они врутъ; не меньше врутъ и полицейскія цифры населенія, такъ что населенность большинства русскихъ городовъ до сихъ поръ остается величиною весьма проблематичною, если не считать немногихъ городовъ, гдѣ произведены однодневныя переписи и гдѣ, благодаря этимъ переписямъ, населеніе сразу прибавилось на 50—70%. Въ Москвѣ, примѣръ, считалось 350 тыс. жителей, а по первой переписи 1871 г.

оказалось 611 т., въ Петербургѣ вмѣсто 540 т.—800 т. Въ настоящее время въ Россіи вдругъ оказалось до 20 городовъ, имѣющихъ болѣе 100 т. жителей, въ томъ числѣ три на Волгѣ — Казань, Саратовъ и Астрахань. Но какое именно количество подданныхъ проживаетъ во всей Россіи — въ точности никто не знаетъ! Это — какъ обозначается въ концѣ страшныхъ французскихъ романовъ — *mystere!* Послѣ послѣдней, десятой, ревизіи 1858 г. не было народосчисленія, что, конечно, мѣшаетъ всякимъ точнымъ расчетамъ при проведеніи новыхъ правительственныхъ мѣропріятій.

Все населеніе Твери размѣстилось въ 4 тыс. домовъ, причемъ квадратная площадь жилыхъ помѣщеній исчислена около 100 тыс. кв. саж., или по 2 кв. саж. на обывателя, что еще не очень тѣсно; лица привилегированныхъ классовъ живутъ очень просторно, а рабочіе ютятся по нѣскольку въ одной комнатѣ, такъ что на cadaго не придется я одной квадратной сажени.

Изъ достопримѣчательностей города самое интересное — его музей, организованный и взлелѣянный заботами помянутаго нами *А. К. Жизневскаго*, который въ теченіи 19 лѣтъ съ рѣдкой настойчивостью собралъ такіа коллекціи, какихъ при обыкновенныхъ условіяхъ не собрать и въ 30 — 40 лѣтъ; и теперь еще этотъ семидесятилѣтній дѣятель неустанно пополняетъ музей, жертвуя для этого и свое время, и часть своихъ небольшихъ средствъ. При этомъ онъ не только собираетъ и сортируетъ историческіе предметы съ большимъ знаніемъ дѣла, но и самыя коллекціи размѣстилъ въ образцовомъ порядкѣ, при которомъ облегченъ до-нельзя какъ обзоръ ихъ любознательными людьми, такъ и пользованіе ими для ученыхъ. На почтенной дѣятельности этого скромнаго труженика, работающаго въ тиши и уклоняющагося отъ всякихъ рекламъ и популярности, слѣдовало остановиться хотя - бы «примѣра ради», какъ на образцѣ для другихъ дѣятелей нашей провинціи, которые вмѣсто игры въ винтъ могли-бы позаняться устройствомъ національныхъ музеевъ, благо для этого требуется больше добраго желанія, чѣмъ средствъ, какъ доказала исторія тверскаго музея. Не обидно-ли въ самомъ дѣлѣ, что въ западной Европѣ не только столицы имѣютъ грандіозныя національныя музеи, о какихъ мы еще и не мечтаемъ, но даже многіе маленькіе городишки давно устроили музеи, содержимые въ большомъ порядкѣ, гдѣ всякая мелочь, по нашему, нестоящая вниманія, хранится какъ зеница ока и показывается съ гор-

достью. Что касается русскихъ, то равнодушіе ихъ къ своимъ памятникамъ и древностямъ отмѣчено не только гоголевскимъ городничимъ, но подчеркивается постоянно и нашей печатью. Потому-то нельзя не останавливаться съ особымъ уваженіемъ передъ учреждениями, подобными тверскому музею, спасающими остатки нашей культуры отъ погрома и вандализма. Музей этотъ, пожалуй, самый замѣчательный въ Россіи, если принять во вниманіе кратковременность его существованія и возмутительно-скудныя средства ¹⁾. На Волгѣ есть еще два музея — Радщевскій въ Саратовѣ и Залъ Александра II въ Самарѣ, но они имѣютъ болѣе смѣшанный характеръ, составлены не такъ научно и методично, притомъ устройству ихъ, кромѣ частныхъ лицъ, много способствовали мѣстные богатые городскія думы.

Тверской музей первоначально, въ 1866 г., былъ основанъ при статистическомъ комитетѣ, какъ собраніе образцовъ мѣстной промышленности, и былъ довольно скуденъ. Только съ 1872 г., благодаря А. К. Жизневскому, сталъ быстро наполняться предметами древности, палеонтологіи, антропологіи, нумизматики и энтографіи. Въ 1872 г. этихъ предметовъ было не болѣе десятка, а теперь до шести тысячъ (!); въ виду этого для музея отведена была большая зала въ зданіи классической гимназіи какъ разъ противъ собора. Самый важный и разнообразный отдѣлъ, конечно, археологическій, описанный въ особомъ роскошномъ изданіи ²⁾, надъ составленіемъ котораго безкорыстно трудился тотъ-же г. Жизневскій. Другіе два отдѣла — этнографическій и мѣстной промышленности также весьма интересны. Для неспеціалиста археологическій отдѣлъ представляется вещью сухою и скучной, но все-же образован-

¹⁾ Покойный М. И. Семевскій, посѣтившій музей въ 1888 г., восклицаетъ о немъ такъ («Русская Старина», 1888 г., августъ, стр. 422): «онъ заставилъ насъ забыть то чувство зависти и горести, съ которыми мы еще недавно, въ 1887 г., обходили множество городскихъ музеевъ въ Германіи и Швейцаріи, обходили съ чувствомъ досады, что ничего подобнаго, какъ вамъ казалось, нѣтъ на Руси въ ея губернскихъ городахъ верьдко, однако, бывшихъ стольныхъ градахъ отдѣльныхъ княжествъ. И вотъ сонъ, на яву!»

²⁾ Изданіе это, упомянутое раньше, представляетъ фоліантъ большого формата въ 260 стр., на отличной бумагѣ съ многочисленными фотогравюрами и снимками замѣчательныхъ предметовъ. Изданіе любительское, дорогое, осуществлено при содѣйствіи гр. А. С. Уварова, продается по 10 р. Кромѣ того, г. Жизневскимъ составляются: 1) Альбомъ замѣчательныхъ предметовъ Тверской губерніи, въ которомъ уже въ 1888 г. было 120 фотографическихъ снимковъ; 2) описаніе рукописей.

ный человекъ найдеть здѣсь много для себя интереснаго, иначе-бы ему пришлось сознаться, что онъ не признаеть исторіи за науку и что для него сапоги выше Гомера. Одинъ перечень предметовъ, отражающихъ древле-русскую культуру, способенъ заинтересовать даже человека самаго реалистическаго направленія. Такъ, мы видимъ здѣсь остатки каменнаго вѣка, памятники и надгробные кресты, каменные гробы, иконы, болѣе тысячи крестовъ и образовъ, церковные предметы; домашнюю утварь, серьги, перстни, пуговицы, запонки, музыкальные инструменты, часы, зеркала и т. п.; наряды, посуду, вѣсы, подсвѣчники, чернильницы, печати, портреты, оружіе; кафли, орнаменты, планы; иностранныя и русскія монеты, клады и пр. Интересенъ надгробный памятникъ со скандинавскими рунами. Хорошъ также стерженскій каменный крестъ XII вѣка, надпись на которомъ указываетъ, что уже тогда углубляли русло Волги въ ея верховьяхъ, а мы черезъ 700 лѣтъ все еще не можемъ углубить его какъ слѣдуетъ и довели до того, что судоходная часть Волги обратилась въ несудоходную. Изъ осмотра коллекціи древнихъ крестовъ огазывается, что въ древней Руси были въ употребленіи кресты даже трехконечные, что едва-ли даже кто могъ себѣ представить. Впрочемъ, всего выдающагося и не перечесть. Для насъ интересны были образцы народныхъ одеждъ и обуви, демонстрированныя на десяти манекенахъ и развѣшанныя въ шкапахъ, больше XVII и XVIII столѣтій: особенно красивъ весьегонскій нарядъ—фата и сарафанъ съ золотымъ кружевомъ и серебряными пуговицами съ финифтью. Невольно остановишься и передъ большими стѣнными часами работы извѣстнаго самоучки механика, химика и богослова *Терентія Волоскова*; они показываютъ часы, минуты, дни недѣли, числа мѣсяца, мѣсяцы, простые и высокосные годы, фазы луны и числа луннаго мѣсяца. На часахъ надпись: «луна по небу летитъ земной шаръ свитить». Сдѣланы они въ половинѣ прошлаго столѣтія и ходятъ до сихъ поръ вѣрно. Вслѣдъ за ними Волосковъ сдѣлалъ астрономическіе часы, представляющіе цѣлую картину неба, надъ которыми трудился 11 лѣтъ; часы эти теперь въ Ржевѣ. Однимъ словомъ, Волосковъ — одинъ изъ тѣхъ собственныхъ Невтоновъ, которыхъ можетъ «россійская земля рождать», но для этого нужна болѣе подходящая жизненная обстановка, чѣмъ та, въ которой они живутъ теперь, когда Невтоны и Платоны рискуютъ сто разъ помереть съ голоду, прежде чѣмъ осуществятся ихъ идеи. Очень оригиналенъ и изященъ старинный мѣдный рукомоиникъ XVII

столѣтія вѣсомъ въ 12 фунтовъ. Далѣе, старинный замокъ - личина въ видѣ мѣднаго ящичка съ разными механизмами и секретами, издающій звонъ посредствомъ колокольчиковъ. Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на портретъ инокини Марѣи Ивановны, матери царя Михаила Ѳеодоровича, писанный масляными красками съ натуры, также на портреты русскихъ Невтоновъ — помянутаго Волоскова и инженера-самоучки *Михаила Сердюкова* — строителя шлязовъ и вышневолоцкаго водохранилища. Изъ богатаго собранія оружія насъ заинтересовалъ желѣзный мечъ съ тамгою Тамерлана, называемой «Расті-Русті», что по-русски значить: сила въ справедливости, — изреченіе, пожалуй, слишкомъ изящное и философское для полудикаго вождя, не кончившаго даже уѣзднаго училища. Далѣе бросается въ глаза тульское ружье 1788 г., пицаль въ сажень длиною, поднять которую не подь силу теперешнимъ выродившимся тверитянамъ. Монеты размѣщены особымъ остроумнымъ способомъ: здѣсь видимъ и серебряныя куфическія монеты (диргемы) и монеты Золотой Орды, и серебряную гривну — слитокъ въ полфунта вѣсомъ; на такую гривну лѣтъ 600 назадъ можно было съ комфортомъ прожить полгода, быть сытымъ и пьянымъ; больше всего монетъ великаго княжества тверскаго 1326 — 1485 гг. Еще интереснѣе древнія рукописи, которыхъ собраны сотни, старинныя богослужебныя книги, двѣ писцовыя книги: одна 1625—1626 г., другая 1685 — 1686 г. Но довольно и перечисленнаго: для болѣе подробнаго знакомства рекомендуемъ ѣдущимъ мимо Твери и имѣющимъ хоть полдня свободныхъ, заѣхать туда — осмотрѣть музей, открытый ежедневно, а также прочесть его «Описаніе».

Закончимъ опять небольшимъ попрекомъ въ томъ смыслѣ, что при обзорѣни богатствъ музея становится стыдно, что мы такъ развязно отрѣшаемся отъ національныхъ формъ, хотя бы въ домашней обстановкѣ, утвари и одеждѣ; развѣ русскій стиль не красивѣе и не оригинальнѣе теперешнихъ безвкусныхъ и обезличивающихъ формъ; взять хотя бы обиходъ нашихъ среднихъ классовъ — однообразная вѣнская мебель, трюмо, олеографическія преміи на стѣнахъ, рассылаемая вмѣстѣ съ журналами и соблазняющія на подписку, и т. п.

Какъ ни отраднo видѣть, что музей разростается, но это чувство отравляется сознаніемъ, что у него нѣтъ собственнаго помѣщенія, и онъ долженъ изъ милости тѣсниться въ постороннемъ здавіи. Недалеко то время, когда коллекцій некуда будетъ помѣщать; и теперь, не взи-

рая на все искусство размѣненія, залъ музея очень загроможденъ. Конечно, своего дома строить не на что, но подь музей съ удобствомъ могло бы быть отведено нѣсколько залъ во дворцѣ, нынѣ пустующихъ. Обь этомъ уже возбужденъ вопросъ и, надо надѣяться, что онъ разрѣшится благоприятно на пользу русской науки, и дворцовыя залы получить достойное назначеніе.

Здѣшній кафедральный *соборъ*, древняго стиля, похожъ на соборы во Владимірѣ и Нижнемъ и на Успенскій въ Москвѣ. Въ его настоящемъ видѣ онъ построенъ въ 1689 г., а раньше на этомъ мѣстѣ съ 1271 г. былъ деревянный храмъ, а съ 1382 г., каменный, который сгорѣлъ. Въ соборѣ старинный многоярусный иконостасъ съ богатой позолотою и мощи князя Михаила Ярославича, погибшаго въ Ордѣ въ 1319 г. Главный колоколъ вѣситъ тысячу пудовъ и гудитъ на всю благочестивую Тверь. При этомъ мнѣ вспомнилось, какъ въ одномъ нѣмецкомъ городѣ показывали, въ качествѣ первой рѣдкости, колоколъ въ 500 пудовъ; за посмотрѣніе его брали деньги и брали даже съ насъ русскихъ, выдавшихъ колокола во много разъ больше. *Дворецъ*—двухъ-этажный, довольно обширный, желтаго цвѣта, имѣетъ форму покоя, перестроенъ изъ бывшихъ архіерейскихъ палатъ въ 1780 г. По осмотрѣ собора переѣзжаемъ за рѣку въ *Отрочь-монастырь*, основанный въ 1215 г. сыномъ князя Ярослава Ярославича, отрокомъ Григоріемъ. Основаніе его связано съ довольно романтической легендою, что будто-бы Григорій собрался обвѣнчаться съ одной красавицей и не изъ высшаго круга, а съ простой дочерью сельскаго пономаря, но князь-отецъ накануне свадьбы видѣлъ ее во снѣ, и голосъ свыше сказалъ ему, что онъ самъ долженъ на ней жениться, а не сынъ: Легенда говоритъ, что и престестная дочь пономаря видѣла князя-отца во снѣ и влюбилась. И вотъ когда онъ явился въ сельскую церковь, гдѣ сынъ уже стоялъ съ невѣстой передъ аналоемъ, то оттолкнулъ сына и сталъ на его мѣсто. Невѣста его узнала и дала согласіе на бракъ, сынъ-же съ горя сталъ монахомъ и основалъ Отрочь-монастырь. Къ сожалѣнію монастырь сталъ одно время мѣстомъ заточенія: въ XVI в. здѣсь 20 лѣтъ томился *Максимъ-грекъ* и два года провелъ въ заточеніи *Филиппъ-митрополитъ*, тутъ же задушенный Малютою Скуратовымъ. Надъ бывшей келіей Филиппа устроена церковь. Къ сожалѣнію, не сохранено никакихъ предметовъ, напоминающихъ эту величавую личность, выступившую со всенароднымъ обличеніемъ противъ самого Іоанна Грознаго, съ

которым разговоры были плохіе. Примѣры такого высокаго мужества рѣдки не только въ русской, но и во всемірной исторіи, и память о митрополитѣ Филиппѣ стоитъ живымъ укоромъ современнымъ дряблымъ душою дѣятелямъ.

У кого будетъ время—не мѣшаетъ по-пути осмотрѣть церковь *Бѣлой Троицы*, гдѣ сохраняются отъ глубокой древности — запрестольный деревянный семиконечный крестъ и желѣзное паникадило на подобіе глобуса. Всѣхъ церквей въ Твери 34 — болѣе чѣмъ достаточно.

Тверь важна не только по историческимъ воспоминаніямъ и какъ административный центръ, но и по своему промышленному значенію. Самая большая здѣшняя мануфактура — вдовы Морозовой и К^о, основанная въ 1858 г., заслуживаетъ осмотра если не въ отношеніи производства, которое можно видѣть во многихъ другихъ мѣстахъ, то со стороны социально-экономической, такъ какъ здѣсь устроены многостороннія вспомогательныя учрежденія для улучшенія быта рабочихъ, что не часто встрѣчается на большихъ русскихъ фабрикахъ, въ большинствѣ случаевъ далеко отстающихъ отъ западно-европейскихъ въ области заботъ о рабочемъ людѣ.

На тверской мануфактурѣ, куда отъ центра города можно доѣхать въ 10 — 15 минутъ, можно прослѣдить всѣ стадіи хлопчатобумажнаго производства — обработку хлопка, его расческу, постепенную выработку тонкой нитки, которую съ катушекъ перематываютъ на валы, шпикуютъ и въ видѣ основы переводятъ на валы, идущіе въ ткацкіе станки, коихъ болѣе двухъ тысячъ; шумъ въ ткацкихъ залахъ невообразимый. Полученный здѣсь суровый холстъ опаливается, съ опальныхъ машинъ идетъ въ чистильныя, отсюда въ громадныя отбѣльные котлы, потомъ моется, просушивается и тогда уже поступаетъ на печатныя машины, гдѣ снова проходитъ рядъ мытарствъ, пока не получится до ста сортовъ ситца разнообразныхъ рисунковъ, а также богатый выборъ полушерстяныхъ тканей. Длиныя полосы холста тянутся какъ живыя черезъ залы, ныряютъ въ боковыя отверстія, ползутъ, свертываясь трубками, вверхъ, падаютъ бѣлыми каскадами въ котлы, отсюда опять на машины, потомъ исчезаютъ куда-то въ преисподнюю, и вновь появляются на свѣтъ Божій, — и все это почти безъ участія рукъ человѣческихъ. Если обойти всѣ отдѣленія, то можно обезножить. Хотя мы и видали раньше такія фабрики, но здѣшнее устройство, экономія передачи силъ, разнообразіе машинъ, чистота, просторъ, электриче-

ское освѣщеніе невольно приковывали вниманіе. Но всего болѣе насъ интересовали вспомогательныя учрежденія, которыя мы осмотрѣли подробно, начавъ осмотръ съ даровыхъ помѣщеній для рабочихъ, которыя передѣлывались при насъ на новый типъ. Это — обширныя высокія залы для одинокихъ рабочихъ, съ одноярусными нарами; чистыя, свѣтлыя комнаты для семейныхъ, съ общими кухнями на десять семействъ. Старыя помѣщенія, постепенно упраздняемая, немного тѣсны и загрязнены, что и понятно при нерасположеніи нашихъ рабочихъ къ гигиенѣ; но и они были гораздо лучше вольныхъ квартиръ, гдѣ рабочіе набиваются по десятку въ тѣсную избу безъ вентиляціи, гдѣ на каждого приходится втрое меньшее кубическое содержаніе воздуха, чѣмъ сколько полагается по наукѣ. Но многіе предпочитаютъ вольныя квартиры потому, что тамъ нѣтъ никакихъ стѣснительныхъ правилъ въ отношеніи общежитія и поведенія. Осмотрѣли мы и большую харчевую лавку, которую держитъ администрація фабрики; лавка эта — совсѣмъ иного типа, чѣмъ лавочки, отгрызаемая многими другими фабрикантами съ цѣлю замаскированнаго уменьшенія заработной платы. Здѣшняя лавка, наоборотъ, облегчаетъ бюджетъ рабочаго и его семьи, а не обираетъ его. Прежде всего покупки въ лавкѣ для рабочихъ необязательны, о чемъ гласитъ особый авшлагъ крупными буквами; затѣмъ фабрика не только не беретъ барыша на товарахъ, но даже доплачиваетъ на содержаніе лавки и обширной при ней пекарни. Покупая продукты оптомъ, лавка продаетъ ихъ по своей цѣнѣ и гораздо дешевле, чѣмъ на рынкѣ. Въ пекарнѣ выпекается до двѣсти пудовъ хлѣба въ день; продаютъ его по двѣ копейки фунтъ, такъ что при ранней заготовкѣ муки рабочіе почти не испытали послѣдствій того вздорожанія, какое вслѣдствіе недорода прошлаго года столь чувствительно отразилось на промысловомъ населеніи и кустаряхъ всей Россіи, положеніе которыхъ, какъ извѣстно, значительно ухудшилось. Какъ на примѣръ низкихъ цѣнъ укажемъ, что сахаръ продается по 15¹/₂ к. фунтъ, очень вкусныя баранки по 8 к. Не взирая на это, нѣкоторые покупаютъ въ вольныхъ лавкахъ, гдѣ имъ оказывается широкій кредитъ. Послѣ лавки интересно осмотрѣть каменное двухъ-этажное зданіе, гдѣ помѣщаются пріютъ для малолѣтнихъ сиротъ и полусиротъ и ясли для грудныхъ дѣтей, которыхъ приносятъ сюда матери предъ уходомъ на работу и оставляютъ на цѣлый день; все здѣсь чисто до педантизма, комнаты свѣтлыя и высокія, большая комната для игръ, садикъ. Недалеко — образцовая больница и рядомъ съ

нею родовспомогательный покой, устроенные по правилам науки. Все это способно привести въ восторгъ людей гуманнѣхъ, хотя при этомъ невольно вспоминается жестокий законъ, выставлемый многими экономистами, отрѣшившимися отъ филантропическихъ слабостей, что ежегодно должно вымирать извѣстное количество дѣтей, дабы заработная плата держалась на извѣстномъ уровнѣ и что, если посредствомъ искусственныхъ затѣй, вродѣ больницъ, яслей, пріютовъ, семейныхъ квартиръ и т. п., будетъ пониженъ процентъ смертности дѣтей, то скоро явится излишнее населеніе и излишнее предложеніе труда. Съ другой стороны, улучшеніе условій быта и здоровья взрослыхъ рабочихъ продлитъ ихъ брѣвную жизнь и усилитъ ихъ способность къ дѣтороженію, что приведетъ къ тому же результату. Какъ ни поверни — выходитъ, что лишніе дѣти, вырванныя фабричною филантропіею изъ когтей смерти, потребуютъ себѣ мѣста на пиру жизни и если получатъ работу, то тѣмъ самымъ понизятъ заработокъ; если же ихъ не примутъ на фабрики и заработная плата останется прежняя, то они перейдутъ въ разрядъ опасныхъ классовъ, что будетъ еще худшимъ зломъ. Отсюда та мораль, что, во-первыхъ, не слѣдуетъ мѣшать умирать дѣтямъ рабочихъ въ той нормѣ, какая имъ положена судьбою по штату, во-вторыхъ, надо оставить рабочихъ въ прежнихъ ужасныхъ условіяхъ существованія...

По этой логикѣ выходитъ, что чѣмъ хуже будутъ они жить, тѣмъ лучше имъ будетъ, ибо они будутъ больше получать. Правда, это возрѣвіе имѣетъ нѣкоторыя основанія: временно могутъ наступить указанныя послѣдствія, но временныя явленія не должны служить базой для научныхъ выводовъ. При томъ все это сильно отдаетъ мальтузіанствомъ, давно уже забракованнымъ. Лучше оставимъ эти бездушные «железные» законы и будемъ смотрѣть на дѣло по-человѣчески, утѣшаясь тѣмъ, что та наука, которая идетъ въ разрѣзъ съ элементарными нравственными началами и съ требованіями общечеловѣческой справедливости, вовсе не есть наука, а ложная узкая теорія.

Фабричная школа, красивое каменное зданіе съ широкими большими окнами, напоминаетъ лучшія школы Швейцаріи и Германіи. Внутри устроена она лучше, чѣмъ многія изъ нашихъ гимназій: просторный вестибюль, чугунныя лѣстницы, высокіе, свѣтлые классы, широкіе корридоры, большой залъ. Зданіе обошлось въ 17 т. р. При школѣ большое мѣсто для прогулки учениковъ съ гимнастикой. Классныхъ комматъ

семь, а классовъ — четыре; первые три съ параллельными отдѣленіями; учится болѣе 200 дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Сюда же приходятъ учиться сотни дѣтей старше 12 лѣтъ, работающихъ на фабрикѣ; по закону они должны работать отъ 5½ до 9¼ ч. утра, потомъ три часа въ школѣ, потомъ опять четыре часа на фабрикѣ. Здѣсь видимо не боятся вреднаго вліянія школы на развитіе рабочихъ и на ихъ самосознаніе. При правильномъ отношеніи къ рабочимъ здѣсь не можетъ быть опасеній, подобныхъ тѣмъ, какія намъ пришлось выслушать нѣсколько лѣтъ назадъ отъ одного крупнаго подмосковнаго фабриканта, у котораго вслѣдствіе злоупотребленій штрафами произошла большая стачка: «Ну, вотъ вамъ ваши школы, говорилъ онъ: полюбуйтесь, устроилъ я ихъ въ лучшемъ видѣ, трачу на нихъ по двадцати тысячъ въ годъ, а замѣсто пользы вышелъ одинъ вредъ—мальчишки стали грамотеями, подросли, начитались разныхъ разностей и вотъ теперь бунтуютъ; лучше бы было эти школы прикончить!» Однако, почтенный фабрикантъ не привелъ въ исполненіе своего намѣренія, и тлетворныя школы донинѣ существуютъ при его фабрикѣ, не вызывая никакихъ социальныхъ идей, ибо штрафныя аппетиты владѣльца приведены въ должныя границы. На тверской мануфактурѣ штрафы рѣдки, взыскиваются въ границахъ закона и идутъ въ общій вспомогательный фондъ, такъ что рабочіе не имѣютъ ни малѣйшаго повода на нихъ жаловаться.

Недалеко отъ школы — обширное помѣщеніе бібліотеки для рабочихъ съ залой для развлеченій, которая изрѣдка устраивается. Давно хотѣтъ устроить здѣсь и чтенія съ туманными картинами, но это почему-то еще не разрѣшается. Разсматривая журналъ для записыванія выданныхъ книгъ, мы съ удовольствіемъ замѣтили, что рабочій людъ уже не довольствуется чтеніемъ «англійскихъ милордовъ», но часто беретъ сочиненія Пушкина, Гоголя и другихъ русскихъ классиковъ, а нѣкоторые дошли до того, что берутъ «исторію умственнаго развитія Европы» Дрѣпера, популярную гигиену и т. п. книги. Великъ спросъ и на божественныя книги, особенно во время поста, когда многіе считаютъ грѣхомъ читать свѣтскія сочиненія.

Другія фабричныя зданія также бросаются въ глаза чистотою и просторомъ; между ними широкія площади, освѣщенныя электричествомъ; въ центрѣ городка разводится скверъ для прогулки рабочихъ. Словомъ, все устроено на широкую ногу. Администрація тратитъ на благотворительную часть большія суммы, но деньги эти ей возвращаются съ плюсомъ, ибо эти

затраты надо считать въ числѣ основныхъ расходовъ производства. Они ведутъ къ тому, что рабочіе больше дорожатъ фабрикою, усерднѣе и интензивнѣе работаютъ, меньше прогуловъ, нѣтъ опасности со стороны забастовокъ и т. п. Рабочихъ здѣсь до пяти съ половиною тысячъ, а численность всего рабочаго населенія съ семействами надо считать вдвое больше. Производительность мануфактуры все возрастаетъ: по официальнымъ свѣдѣніямъ она оцѣнивалась за 1873 г. въ 2 $\frac{1}{2}$ м., въ 1879 г. — въ 3,7 м. р., а въ 1886 г. уже въ 5,6 м. р.; теперь, вѣроятно, еще больше; въ 1886 г. выработано 660 тыс. кусковъ разныхъ тканей, въ томъ числѣ на 60 тыс. кусковъ не достало своего холста и пришлось работать изъ покупнаго.

Кромѣ морозовской фабрики, около Твери съ 1853 г. существуетъ рождественская мануфактура Берга съ производствомъ бумажныхъ тканей на миллионъ рублей. Кромѣ того, въ Твери существуютъ три кожевенныхъ завода, машиностроительныя мастерскія при желѣзнодорожной станціи, при ремесленномъ училищѣ и при докахъ общества «Самолетъ», три паровыхъ мукомольни, неизбежныя водочный и пивоваренный заводы и нѣсколько мелкихъ заведеній. Торговля Твери въ общемъ довольно значительна; для подтвержденія этого придется прибѣгнуть къ скучной, зато краткой статистикѣ. Возьмемъ къ примѣру хоть статистику грузоваго движенія. Здѣшняя товарная станція отправила въ 1888 г. въ Петербургъ 4,3 м. п., въ Москву 2 м. п., всего 6,3 м. п., въ томъ числѣ $\frac{1}{2}$ м. п. съ Волги; получено $\frac{3}{4}$ м. п. изъ Петербурга и 3 м. п. изъ Москвы — больше для фабрикъ: дрова, хлопокъ, уголь, краски и проч. Весь оборотъ товарной станціи болѣе 10 милл. пуд. Послѣ столицъ, это — самая дѣятельная товарная станція Николаевской линіи. На пристани грузится для отправки до 200 судовъ, приходятъ сюда съ грузомъ до 600, не считая 9000 плотовъ; грузовъ, по свѣдѣніямъ министерства путей сообщенія, которыя далеко ниже дѣйствительности, отправляется отсюда до 750 тыс. пуд., прибываетъ до 3 $\frac{1}{2}$ милл. пуд. Тверь вліяетъ и на сельскохозяйственную культуру губерніи; здѣсь открытъ отдѣлъ московскаго общества сельскаго хозяйства подъ фирмою «Хозяинъ», который, благодаря завѣдующему имъ г. Девелю, провелъ много улучшеній; отдѣлъ также посылаетъ хозяевамъ на пробу новыя сѣмена и орудія, чтобы пріохотить ихъ къ нововведеніямъ, и это дѣло идетъ очень успѣшно; но конечно это зависитъ отъ знаній и энергіи завѣдующаго: будь на его мѣстѣ другое лицо — дѣла бы могли идти хуже.

Городскіе доходы города невелики и въ 1889 г. составляли всего 174 тыс. руб., меньше чѣмъ во всѣхъ другихъ 8 губернскихъ городахъ Поволжья, тогда какъ десять лѣтъ доходы эти были (151 т. р.) немного больше, чѣмъ Ярославля и Костромы. Изъ этого небольшого дохода цѣлая треть, 55 тыс. руб., уходитъ на казармы и др. воинскія надобности, 32 тыс. руб. на полицію и пожарную часть, 16 тыс. на управление, такъ что на хозяйственныя и образовательныя цѣли остается только 71 т. руб.; изъ нихъ 11 тыс. идетъ на учебныя заведенія, 6¹/₂ тыс. на освѣщеніе, 4 т. на мостовыя; капиталовъ у города только 20 тыс., въ недоимкахъ 22 тыс., долга 75 тыс.; при такомъ бюджетѣ не разгуляешься ¹⁾! Изъ благотворительныхъ учрежденій, кромѣ обычныхъ въ каждомъ губернскомъ городѣ, здѣсь устроены два полезныхъ общества. Первое—общество «Доброхотвой Копѣйки», учрежденное въ 1868 г. для призрѣнія бѣдныхъ и для поддержки ремесленного училища, гдѣ производятъ рязныя кузнечныя и слесарныя работы, дѣлаютъ много дешевыхъ плуговъ. Кромѣ того общество открыло столовую для бѣдныхъ и пріютъ. Другое общество—«Поощренія женскаго труда», открывшее швейную мастерскую для бѣдныхъ труженицъ.

Заканчивая настоящій очеркъ о Твери, — правда — далеко неполный, упомянемъ о томъ, что здѣсь существуетъ публичная бібліотека, а что касается мѣстной литературы, то она въ Твери далеко не въ авантажѣ; мѣстная пресса далеко не такъ развита, какъ въ городахъ Соединенныхъ Штатовъ съ тѣмъ-же числомъ населенія, ибо Тверь снабжается произведеніями русскаго гения съ двухъ сторонъ — изъ Петербурга и Москвы, откуда могутъ выписывать нужный имъ литературный товаръ люди всякаго направленія — и средняго и консервативнаго, и даже либеральнаго. Въ самой же Твери издаются два положенныхъ по штату органа: Губернскія и Епархіальныя Вѣдомости, которыя — при всей глубинѣ ихъ содержанія — не въ силахъ отвѣтить на разнообразныя запросы жизни и пытливаго ума тверскаго обывателя. Для удовлетворенія этой пытливости была основана здѣсь съ 1 декабря 1878 г. газета «Тверской Вѣстникъ», но она дотянула только до 1881 г., да иначе и быть не могло при отсутствіи здѣсь крупныхъ литературныхъ талантовъ, поглощаемыхъ столицами и большими городами. Здѣсь этихъ

¹⁾ См. „Отчетъ о денежныхъ оборотахъ городскихъ кассъ за 1889 г.“. Изданіе хозяйств. департамента министерства внутреннихъ дѣлъ. Спб. 1891.

талантовъ и не появлялось послѣ *Θ. Н. Глинки*, мѣстнаго уроженца, память о которомъ еще жива.

Изъ общественныхъ дѣятелей слѣдуетъ вспомнить добрымъ словомъ, кромѣ *А. К. Жизневскаго*, еще *Алексѣя Михайловича Унковскаго*, бывшаго губернскимъ предводителемъ дворянства въ эпоху освобожденія крестьянъ и извѣстнаго своими передовыми стремленіями. *А. М.* давно уже переселился въ Петербургъ, гдѣ извѣстенъ, какъ дѣльный и идейный присяжный повѣренный, сохранившій живость ума, не смотря на преклонный возрастъ. Изъ другихъ дѣятелей болѣе извѣстны: писатель по экономическимъ вопросамъ и публицистъ, авторъ такихъ цѣнныхъ трудовъ какъ «Десять лѣтъ реформъ» и «Вопросы ж. д. хозяйства», чело­вѣкъ 40-хъ годовъ—*Алексѣй Адриановичъ Головачевъ*, который когда-то съ честью подвизался въ тверскомъ земствѣ; затѣмъ—статистикъ *Василій Ивановичъ Покровский*, авторъ капитальныхъ трудовъ о Тверской губерніи, нынѣ занявшій, послѣ проф. Янсона, мѣсто завѣдующаго статистическимъ отдѣленіемъ С.-Петербургской городской управы. *П. П. Максимовичъ*—дѣятель по народному образованію и основатель образцовой женской учительской школы. Затѣмъ—экономистъ, публицистъ и ораторъ, академикъ и впослѣдствіи сенаторъ департамента герольдіи—покойный *Владиміръ Павловичъ Безобразовъ*, извѣстный своими сочиненіями и статьями, а также организованными имъ экономическими обѣдами въ ресторанѣ Довона въ Петербургѣ, на которые съ 1859 года собираются государственные люди для мирной бесѣды по экономическимъ вопросамъ; у *В. П.* было небольшое имѣніе на границѣ Тверской и Московской губ.; по этому имѣнію онъ можетъ отчасти считаться тверякомъ, хотя и родился во Владимірѣ. Изъ Тверской губерніи вышелъ писатель и переводчикъ *П. В. Гербель*, женщина-писательница *А. П. Глинка* и другіе. Изъ административныхъ дѣятелей слѣдуетъ упомянуть о бывшемъ губернаторѣ *А. Н. Сомовѣ*, который содѣйствовалъ всѣмъ хорошимъ начинаніямъ здѣшняго земства. Въ самой Твери 150 лѣтъ тому назадъ архіерействовалъ извѣстный въ русской исторіи *Феофилактъ Лопатинскій*, который устроилъ первое духовное училище, заботился о бѣдныхъ и во время большого голода 1733 года отпускалъ хлѣбъ въ долгъ подъ росписки, которыя потомъ сжегъ; онъ же уговорилъ мѣстныхъ богачей бесплатно кормить бѣдныхъ. Но главную извѣстность приобрѣлъ онъ борьбою съ раскольниками и съ протестантскими идеями, которыя тогда стали проникать въ среду высшаго русскаго общества и даже духовенства. Вмѣстѣ

съ тѣмъ онъ возставалъ противъ извѣстнаго Теофана Прокоповича и былъ запутанъ въ Рѣшиловское дѣло, которое привело его сначала въ тайную канцелярію, а потомъ и въ тѣсное заключеніе. Обвиненный въ «продерзостныхъ и злоумышленныхъ разсужденіяхъ, оскорбительныхъ для Ея Величества», несчастный былъ низложенъ съ архіепископской кафедры, лишень священническаго и иноческаго чина, а все его имѣніе и даже бібліотека взяты въ Петербургъ. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны онъ былъ оправданъ, ему возвращена свобода и санъ архіерея; но было уже поздно, и черезъ три мѣсяца по освобожденіи онъ умеръ. Въ Твери же былъ архіепископомъ знаменитый проповѣдникъ *Амвросій Протасовъ*, умершій въ 1831 г. отъ холеры и погребенный въ Желтиковомъ монастырѣ близъ Твери. Затѣмъ въ прошломъ столѣтіи упоминается первый тверской нотаріусъ *Діомидъ Кармановъ*, написавшій первую исторію Тверскаго княжества, за что былъ пожалованъ отъ Екатерины II шелковымъ кафтаномъ. Въ Твери же родился въ 1820 году въ семьѣ мелкаго чиновника *Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ*, лучший знатокъ русской археологіи и исторической этнографіи. Пятидесятилѣтіе его ученой дѣятельности какъ разъ исполнилось весною нынѣшняго года ¹⁾, потому-то на ней слѣдуетъ хотя вскользь остановиться, тѣмъ болѣе, что Забѣлинъ представляетъ столь рѣдкій у насъ типъ ученаго-самоучки: онъ не кончилъ даже средняго учебнаго заведенія, но для русской науки сдѣлалъ болѣе многихъ докторовъ историческихъ и другихъ наукъ. Воспитывался Забѣлинъ въ Москвѣ, въ преображенскомъ училищѣ при богадѣльнѣ приказа общественнаго призрѣнія, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ учился и М. Н. Катковъ, поступившій оттуда въ первую московскую гимназію и потомъ въ университетъ. Забѣлинъ же съ юныхъ лѣтъ долженъ былъ добывать себѣ хлѣбъ. Изъ училища онъ прямо поступилъ писцомъ въ Оружейную палату, гдѣ и увлекся на путь археологіи и архивныхъ работъ. Въ свободное отъ службы время онъ, «пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ», осваивался съ особенностями древняго письма, а потомъ началъ просматривать и внимательно прочитывать старыя рукописи. Ему пришлось восполнить пробѣлъ въ исторіи Карамзина, гдѣ не было полного изображенія прежнихъ обычаевъ и обрядовъ, какими сопровождались многія событія домашней или общественной жизни русскаго народа, — между тѣмъ какъ передъ нимъ, юнымъ изслѣдователемъ рукописей, постепенно открывалась длинная

¹⁾ 1892 года, когда авторъ этихъ очерковъ ѣздилъ по Волгѣ.

вереница новыхъ свѣдѣній о своеобразномъ бытѣ нашихъ предковъ. Это дало матеріалъ для первой его работы: «о богомольныхъ и царскихъ походахъ», напечатанной въ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1842 г. ¹⁾ За послѣднія пятьдесятъ лѣтъ Забѣлинъ далъ цѣнные труды, извѣстные каждому образованному россиянину, какъ напримѣръ: «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ», «Исторія русской жизни древнѣйшихъ временъ», «Русская женщина», «о металлическомъ производствѣ» и др., составившія, какъ принято выражаться, важный вкладъ въ сокровищницу русской исторической науки. За эти заслуги Кіевскій университетъ въ 1871 году поднесъ Забѣлину дипломъ на званіе доктора русской исторіи; съ 1879 года онъ занялъ, послѣ историка С. М. Соловьева, мѣсто предсѣдателя Императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ, а въ 1884 году избранъ членомъ-корреспондентомъ Академіи Наукъ. Другой знаменитый уроженецъ Твери — *Николай Ивановичъ Уткинъ* (1785—1863), получившій званіе «гравера Его Величества» и создавшій русскую школу замѣчательныхъ граверовъ.

Тверская духовная семинарія подарила міру многихъ извѣстныхъ ученыхъ и дѣятелей. Въ ней воспитывались, между прочимъ: *А. А. Тихомиандритскій*—извѣстный математикъ; *Н. Л. Лавровскій*—бывшій профессоръ, а нынѣ попечитель Дерптскаго учебнаго округа; *В. Л. Преображенскій*—авторъ описанія Тверской губерніи, *А. П. Полунигъ*—профессоръ Московскаго университета, долго бывшій деканомъ медицинскаго факультета; *И. А. Ефремовскій* (1837—1892)—извѣстный хирургъ, профессоръ Варшавскаго университета. Въ этой же семинаріи воспитывались и братья Вышнеградскіе, уроженцы Вышняго Волочка—сыновья мѣстнаго протоіерея. Оба они закончили образованіе въ Педагогическомъ институтѣ, занимались учительствомъ, но дальнѣйшія ихъ дороги разошлись. Старшій братъ—*Иванъ Алексѣевичъ Вышнеградскій*—сталъ болѣе популярнымъ: сперва какъ профессоръ строительной механики и дирек-

¹⁾ Забѣлинъ былъ архивариусомъ московской дворцовой конторы, редакторомъ „Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, преподавалъ исторію въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ и школѣ межевыхъ топографовъ; въ теченіе 20 лѣтъ занимался раскопками кургановъ въ Новороссійскихъ степяхъ и на Таманскомъ полуостровѣ. Благодаря этимъ раскопкамъ, былъ открытъ цѣлый музей скинскихъ древностей — золотыхъ, бронзовыхъ, желѣзныхъ, серебряныхъ; найдена была гробница одной изъ скинскихъ царицъ и проч. Описание археологическихъ находокъ Забѣлина было сдѣлано имъ въ его трудѣ: „Древности Геродотовой Скивіи“.

торъ Технологическаго института, потомъ членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія; но еще болѣе сталъ онъ извѣстенъ, когда съ большимъ успѣхомъ началъ заниматься биржевыми и желѣзнодорожными операціями, причѣмъ состоялъ членомъ правленія разныхъ обществъ и предсѣдателемъ правленія общества югозападныхъ ж. д., что проложило ему путь въ министры финансовъ. Второй братъ, Н. А., заслужилъ репутацію опытнаго педагога и кончилъ дни свои въ болѣе скромномъ званіи директора петербургскихъ женскихъ гимназій, которыя обязаны ему своимъ устройствомъ. Изъ духовныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ семинаріи, самымъ замѣчательнымъ былъ недавно умершій *митрополитъ кievскій Платонъ* (Городецкій), который передъ тѣмъ былъ архіереемъ въ Ковнѣ, Ригѣ, Новочеркасскѣ и Одессѣ и вездѣ оставилъ по себѣ лучшую память не только среди мѣстнаго православнаго населенія, но и среди нѣмцевъ, поляковъ, евреевъ и другихъ инородцевъ, которые были поражены его широкой вѣротерпимостью и христіанскимъ взглядомъ на человѣчество. Онъ привлекалъ сердца своею доступностью, словоохотливостью и простотою, а также удобопонятными рѣчами, которыя онъ часто произносилъ къ народу съ паперти или въ церковной оградѣ. Онъ высказывался также противъ споровъ съ раскольниками объ обрядовой сторонѣ, противъ излишняго формализма въ духовномъ вѣдомствѣ, совѣтуя больше вникать въ самый духъ христіанства. Далѣе—нельзя не упомянуть о протоіерѣ *Ө. Ө. Сидонскомъ*, профессорѣ богословія въ Петербургскомъ университетѣ, и *И. А. Бухаревѣ*—архимандритѣ и историкѣ.

Въ Твери часто бывалъ исторіографъ *Карамзинъ*, тоже волгарь, но низовый; онъ посѣщалъ Великую Княгиню Екатерину Павловну—супругу тверскаго генераль-губернатора, принца Ольденбургскаго. Онъ былъ здѣсь въ 1810, 1811 и 1812 гг., причѣмъ читалъ отрывки изъ своей исторіи; здѣсь-же, въ тверскомъ дворцѣ онъ передалъ Великой Княгинѣ записку о древней и новой Россіи, въ которой отвѣсясь съ недовѣріемъ къ тогдашнимъ реформамъ; записка эта дошла до государя Александра Павловича и произвела на него непріятное впечатлѣніе. Въ Твери провелъ дѣтство и потомъ служилъ *И. А. Крыловъ*, родившійся, какъ извѣстно, въ Москвѣ; отецъ-же его былъ уроженцемъ Твери, куда и перешелъ на службу, когда будущему баснописцу было восемь лѣтъ. Воспитанный своею матерью, онъ 15-ти лѣтъ написалъ здѣсь свою комическую оперу «Кофейница», въ которой сквозитъ большой талантъ и рѣдкая наблюдательность. Крыловъ жилъ въ большой нуждѣ и 14-лѣтнимъ мальчикомъ, когда

современные юноши только еще проходят греческія спряженія въ средних классахъ гимназій, уже поступилъ писцомъ въ тверской уѣздный судъ, а потомъ въ магистратъ. Объ этой порѣ онъ рассказывалъ, что любилъ въ свободное отъ занятій время уходить на берегъ Волги и здѣсь по цѣлымъ часамъ лежалъ на травѣ, прислушиваясь къ говору судоробочихъ и бабъ, полоскавшихъ бѣлье. Отсюда онъ вынесъ ближайшее знакомство съ великорусскимъ говоромъ, которое потомъ пригодилось ему для его басенъ. Проживъ въ Твери 8 лѣтъ, Крыловъ переселился съ матерью въ Петербургъ. Въ Твери-же одно время жилъ *Θ. М. Достоевскій*, которому здѣсь было разрѣшено поселиться по возвращеніи изъ сибирской ссылки. Онъ провелъ въ Твери осень 1859 г., а въ началѣ 1860 года, получивъ разрѣшеніе жить въ столицахъ, уѣхалъ въ Петербургъ.

Въ селѣ Ивановскомъ Тверского уѣзда родился въ 1806 г. нашъ морской герой, адмиралъ *Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ*, который прежде былъ правой рукой адмирала Лазарева, много работалъ по возобновленію черноморскаго флота и окончательно прославился защитою Севастополя, отбивъ союзный флотъ, подступившій постъ Альминской побѣды; когда непріятель былъ почти отбитъ, Корнилову раздробили ногу ядромъ, и онъ черезъ три часа умеръ, при чемъ его послѣднимъ словомъ была похвала успѣшной защитѣ. Въ Тверскомъ уѣздѣ родился и жилъ крестьянинъ — поэтъ *Дрожжинъ*.

II.

Отплытіе отъ Твери. — Общество «Самолетъ». — Первое знакомство съ Волгой. — Виды верхней Волги. — Единово и Корчева. — Кимра и кимряки. — Положеніе мѣстныхъ кустарей. — Сергѣевское и воспоминанія о М. Е. Салтыковѣ.

Ясное лѣтнее утро. Оба берега «русской рѣки» отчетливо выдѣляются подъ солнечными лучами. Набережная Твери и ея своеобразные двухъ-этажные дома съ воротами посреди, нѣсколько напоминающіе древніе укрѣпленные дворы, зеленый ровный скатъ къ рѣкѣ, Тверицы съ Отрочь-монастыремъ, Затверечье съ его шестью ярко бѣлѣющими церквями—все это оставляетъ пріятный слѣдъ въ душѣ путника, отплывающаго внизъ.

Весело поныхиваетъ пароходная труба, весело снуютъ лодчонки по блестящей равнинѣ воды, весело толпится кучка народа у пристани. Са-

мые закоренѣлые дѣльцы, хищники и живоглоты, какихъ довольно много среди здѣшнихъ торговцевъ, — и тѣ размягчаются при видѣ родной картины, истово осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ и ведутъ тихіе разговоры о погодѣ: что «вотъ Богъ даетъ ведро, это хорошо для сѣновъ», что «вонъ какъ блеститъ соборный крестъ», и такъ далѣе въ этомъ родѣ, вмѣсто обычныхъ разговоровъ, въ которыхъ только и слышится «ружь», «ружь съ четью», «на каждомъ кулѣ нажилъ семь гривенъ», «онъ меня нажогъ, ну и я его тоже уважилъ». Такіе реальные разговоры уже начинаются послѣ, когда пассажиры освобождаются отъ впечатлѣній мирной природы и дѣлаются обыкновенными грѣшными людьми, считающимися съ девизомъ «homo homini lupus», что для людей, не получившихъ классическаго образованія, означаетъ: «на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ» или «рой другому яму, не то самъ въ нее попадешь».

Не смотря на ранній часъ, у пристани собралось немало любопытныхъ горожанъ посмотреть на отплытіе парохода, на новыхъ лицъ, на скатываніе багажа по гладкому деревянному лотку. По длинной лѣстницѣ, — берегъ имѣетъ 5 $\frac{1}{2}$ саж. высоты, — спускаемся на «конторку» и послѣ неизбежной суетни вступаемъ на свѣтло-бланжевый самолетскій пароходъ «Наяду». Онъ производитъ самое пріятное впечатлѣніе своею чистотой и порядкомъ. Крошечная, но изящная рубка, въ которой обѣдаютъ, читаютъ, бесѣдуютъ и въ то же время созерцаютъ волжскіе пейзажи; хорошо содержимые бархатные диваны въ каютахъ перваго класса и суконные во второмъ; скамейки и другія принадлежности трапа, т. е. балкона, гдѣ находится также рулевая рубка, рѣжутъ глаза бѣлизною; прибавимъ къ этому электрическое освѣщеніе, предупредительность и любезность служащихъ, хорошій буфетъ, — и въ результатѣ эти пароходы верхняго плеса, перевозящіе больше сѣрый народъ, которые могли быть гораздо хуже при отсутствіи конкуренціи другихъ пароходныхъ обществъ, оказываются лучше пароходовъ, плавающихъ по Рейну, Дунаю и Эльбѣ, перевозящихъ многочисленныхъ и богатыхъ туристовъ съ манерами и привычками болѣе утонченными, чѣмъ у русскихъ мужиковъ, купцовъ и мѣщанъ.

Общество «Самолетъ» существуетъ съ 1853 г. и по количеству пароходовъ (40) — самое богатое на Волгѣ. Это обиліе пароходовъ объясняется тѣмъ, что это общество — единственное, которое держитъ рейсы на всемъ пространствѣ волжской пароходной линіи. Пароходы меньшаго размѣра, съ названіями имѣютъ: «Дриада», «Наяда», «Ундина», «Русалка» и др.,

ходятъ по верхнему плесу между Тверью и Рыбинскомъ, пароходы покрупнѣе, называемые больше по качествамъ — «Проворный», «Удалой», «Скорый» и др. — по среднему отъ Рыбинска до Нижняго и, наконецъ, большіе пароходы, почти всё американскаго типа, названные большею частью въ честь русскихъ писателей—по нижнему плесу между Нижнимъ и Астраханью. Самолетскіе пароходы сильно усовершенствовались въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ они были лѣтъ 20—25 назадъ. Одна бѣда — ихъ служба не можетъ быть совершенно регулярна. Почти каждый годъ бываетъ, что среди лѣта верхній плесъ сильно мелѣетъ, пароходное движеніе на немъ приостанавливается и пароходы переводятся на средний плесъ, гдѣ въ то время кстати усиливается движеніе передъ Нижегородской ярмаркой. Цѣны на самолетскихъ пароходахъ самыя божескія: въ I классѣ отъ Твери до Рыбинска 7 р. 50 к., во II—6 р., въ III—3 р., а по всей Волгѣ отъ Твери до Астрахани за 3,000 верстъ 43 р. 50 к., 30 р. 50 к. и 14 р. 80 к. или втрое дешевле, чѣмъ по желѣзной дорогѣ, причѣмъ, если пассажиръ пожелаетъ,—въ его распоряженіе дается особая каюта безъ всякой доплаты, что очень важно для семейныхъ. Благодаря всёму этимъ удобствамъ, поѣздки по Волгѣ «вожа ради» понемногу развиваются, что во всякомъ случаѣ гораздо лучше петербургскихъ дачъ съ ихъ сомнительными гигиеническими качествами. Въ числѣ совершающихъ семейные вояжи по Волгѣ значительный процентъ составляетъ пишущая братія, представители которой, кромѣ пользы для здоровья, могутъ набраться здѣсь разнообразныхъ впечатлѣній и вывезти матеріалы на цѣлыя томы изящной и неизящной литературы.

Въ девять часовъ утра, послѣ положенныхъ по регламенту свистковъ, «Наяда» плавно и безшумно двинулась на средину рѣки, граціозно повернулась носомъ впередъ, тихо подошла къ наплавному мосту, одно изъ звеньевъ котораго было отведено въ сторону, осторожно проплыла въ образовавшійся проходъ, потомъ дала «полный ходъ», и колеса запорхали. Ихъ ритмическій шумъ сразу успокоительно подѣйствовалъ на нервы, уже заранѣе настроенные на воспріятіе мирныхъ впечатлѣній.

Отъ наплавнаго моста, гдѣ впадаетъ Тверца, Волга сразу дѣлается шире въ полтора раза, но все-таки почти вдвое уже Невы, что даетъ возможность нѣкоторымъ пароходнымъ пассажирамъ перекликаться со знакомыми на берегу. Тверь все отодвигается назадъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все шире развертывается перспектива ея церквей и садовъ. Черезъ четверть часа Волга дѣлаетъ поворотъ, городъ исчезаетъ, и пассажиръ все-

цѣло можетъ предаться созерцанію рѣки. Кстати — съ нею не мѣшается познакомиться нѣсколько точнѣе помимо тѣхъ общихъ свѣдѣній, помѣщаемыхъ въ курсахъ географіи, которыя потомъ легко забываются вмѣстѣ съ другими безчисленными фактами, вокабулами, хронологическими данными, алгебраическими формулами и тому подобнымъ драгоценнымъ балластомъ, которымъ щедро набиваются головы будущей русской интеллигенціи втеченіе 8—10 лѣтъ первоначальнаго ученія.

Волга беретъ начало не изъ озеръ, и изъ болотъ, а изъ болѣе поэтического источника — изъ родника, надъ которымъ устроенъ деревянный срубъ и часовня. Мѣсто это имѣетъ у окрестныхъ жителей нѣкоторое священное значеніе, какъ и многіе такъ называемые святые колодцы. Отсюда Волга течетъ жалкимъ ручьемъ въ полтора аршина шириною, и просто не вѣрится, чтобы изъ него образовалась царица европейскихъ рѣкъ — одна изъ самыхъ большихъ въ свѣтѣ, въ 3½ тысячи верстъ длиною, на 1,000 верстъ длиннѣе Дуная и въ три раза длиннѣе Рейна. Если взять разстояніе отъ истоковъ Волги до ея устья, по прямой линіи — хотя она и не всегда бываетъ кратчайшею, — то выходитъ 1,545 верстъ, значитъ — на версту прямого теченія придется 1,2 версты извилинъ. Но съ этимъ ничего не подѣлаешь, поневолѣ приходится мириться, тѣмъ болѣе — при длинномъ пути больше увидишь! Недалеко отъ истока ручей съ громкимъ именемъ «Волга» журчитъ по лѣсамъ и болотамъ, проходитъ нѣсколько озеръ, вбираетъ въ себя нѣсколько рѣкъ, питаемыхъ изъ озернаго бассейна, и около Ржева уже становится порядочною рѣкой. Подробности объ ея верхнемъ теченіи «зри» въ другихъ мѣстахъ¹⁾, а въ нашемъ очеркѣ излагать ихъ будетъ скучновато. Скажемъ только, что теченіе Волги медленно, ибо она начинается на возвышенности только 750 футовъ надъ уровнемъ Каспійскаго моря, значитъ, паденіе всего 2,8 дюйма на версту; въ верхнемъ теченіи до Рыбинска оно быстрѣе — до 5 дюймовъ, потомъ профиль ея понижается. При такомъ профильѣ

¹⁾ Кромѣ общихъ географическихъ изданій болѣе подробныя свѣдѣнія о Волгѣ въ сочиненіяхъ: В. Рагозина «Волга», т. I, Спб., 1880 г. (до Оки), т. II, Спб., 1881 г. (отъ Оки до Камы). — И. Бабеть «Рѣчная область Волги». — Нейдгардта «Путеводитель по Волгѣ», Спб., 1860 г. — «Волга отъ Твери до Астрахани», Спб., 1862 г., издавіе общ. «Самолетъ», подробное описаніе попутныхъ мѣстъ съ 40 видами и картою, текстъ Н. П. Боголюбова. Затѣмъ — надо прочитать въ энциклопедическомъ словарѣ Ефрона слово «Волга» и др. Карты Волги — Рагозина, Сутырина, Кислаковского, Навигационно-описной комисіи М. П. С. и друг.

испареніе въ жаркое лѣто идетъ быстро, а если вдобавокъ зима была малоснѣжная, то уже въ концѣ іюня образуются такія мели, которыя для многихъ обращаютъ Волгу изъ кормилицы въ разорительницу. Если же зима снѣжная и лѣтомъ перепадають дожди, тогда хорошо. Весеннія воды поднимаются въ верхнемъ плесѣ на высоту до $5\frac{1}{2}$ саж., обыкновенная глубина лѣтомъ 4—7 футовъ, кой-гдѣ до 12 футовъ, но въ иныхъ мѣстахъ фарватеръ имѣетъ только 2 фута или 14 вершковъ; хотя осадка судовъ допускается здѣсь не больше 12 вершковъ, но и для этой осадки нужно 15—16 вершк. глубины, а при 2 футахъ приходится брать меньше груза. На случай сильнаго мелководья есть нѣкоторый резервъ въ видѣ верхневолжскаго бейшлота — прочной плотины при концѣ озера Волго, которая запираетъ верховья озера и образуетъ грандіозное водохранилище въ 75 верстъ длины и 2 версты ширины, или въ 150 кв. верстъ съ запасомъ воды въ 40 мил. куб. сажень — количество, совершенно достаточное для того, чтобы утопить всѣхъ грѣшниковъ на землѣ. Когда бейшлотъ поднимается—вода изъ него устремляется могучимъ потокомъ, который и воетъ, и свиститъ, и бьетъ, и шипитъ, такъ что по шуму и быстротѣ не уступаетъ Имамрѣ. Тогда уровень Волги поднимается у Твери на цѣлыхъ 6 вершковъ, у Калазина же только на $3\frac{1}{2}$ вершка, а у Мологи на $1\frac{1}{2}$. Какъ это ни мало, но и вершокъ часто рѣшаетъ судьбу засѣвшихъ судовъ, давая имъ возможность продвинуться до болѣе безпрепятственнаго фарватера. Съ конца навигаціи и всю зиму бейшлотъ отпертъ. Весной по этой импровизованной Имамрѣ спускають лѣсъ и даже лодки съ рыбой, которыя большей частью благополучно выныриваютъ; но инья изъ нихъ и разбиваются къ большой радости плѣнныхъ щукъ, язей, окуней и прочей рыбной твари, которая пользуется этимъ случаемъ, чтобы уплыть подальше отъ плотоядныхъ двуногихъ существъ.

Пароходъ нашъ несется впередъ со скоростью 15 верстъ въ часъ, затрудненій со стороны мелей не предвидится, ибо только за два дня спущенъ бейшлотъ для безпрепятственнаго проѣзда Великаго Князя Владиміра Александровича, и мы пользуемся кстати лишней глубиною въ пять вершковъ. Мимо то-и-дѣло мелькають деревушки и небольшія селенія съ бѣлыми церквами самой россійской архитектуры съ двухъ и трехъ-ярусными куполами, съ шатровыми колоколенками. Картины все самыя національныя: невысокіе берега, перелѣски, словомъ — старинная Русь, еще не загаженная фабричною цивилизаціей. Съ траппа можно

наблюдать полевые работы. Глядя на окружающее, можно сказать словами славного поэта-волгяря: «нигдѣ не дышится вольнѣй, родныхъ луговъ, родныхъ полей, и той же пѣсенкою полнѣ, былъ говоръ этихъ милыхъ волнѣ».

Волга здѣсь шириною 100 — 150 сажень, долина ея 1 — 2 версты, но самая рѣка пока меньше привлекаетъ взоръ, чѣмъ берега. Формация ихъ — большею частью песчаный суглинокъ; кой-гдѣ попадаются эрратическіе (а не эротическіе) валуны, а въ руслѣ каменные гряды, которыя теперь, впрочемъ, безопасны, особенно при искусствѣ рулевыхъ, изучившихъ Волгу, какъ свои пять пальцевъ.

Берега этого плеса не имѣютъ той величавой красоты, какъ нагорный берегъ нижняго плеса, не плѣняютъ взора руинами, скалами, замками и вилами, какъ на Рейнѣ, но за то привлекаютъ русское сердце идилической простотою, сельскими картинами и оживленіемъ. Пустырей почти незамѣтно, нѣтъ ни одного мѣста, ни одного кульминаціоннаго пункта, съ котораго не было бы видно хотя одной церкви. Флора по берегамъ богаче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ губерніи. Попадаютъ даже величественные осокори — раскидистыя, стройныя березы; они сопровождаютъ Волгу на большомъ протяженіи до самаго низовья. Эта оживленность береговъ представляетъ нѣкоторый контрастъ съ пустынною самою рѣки, на которой рѣдко встрѣчаются небольшія барки и буксирные пароходы. Это объясняется тѣмъ, что транзитное движеніе по верхнему плесу, прежде довольно значительное, теперь почти прекратилось, ибо главная масса грузовъ поворачиваетъ отъ Рыбинска по Маріинской системѣ, а также по желѣзной дорогѣ; за Вышневолоцкой же системой остается значеніе только мѣстнаго пути, также, какъ и за верхней частью Волги, которая служитъ главнымъ образомъ для снабженія Тверской губерніи хлѣбомъ, солью, рыбой и керосиномъ; сверху идетъ много лѣса, который сплавляется и за Рыбинскъ. Пароходы ходили прежде отъ славнаго города Ржева, но теперь это время миновало, и ржевско-тверской плесъ уже лѣтъ двѣнадцать какъ сталъ несостоятельнымъ. Затѣмъ отъ Твери до Рыбинска было оригинальное туэрное пароходство: по дну рѣки была протянута гигантская цѣпь, надѣвавшаяся на валь, устроенный на палубѣ парохода; цѣпь вытягивалась изъ воды съ носа парохода, проходила черезъ валь и спускалась въ воду съ кормы; такимъ образомъ буксирный пароходъ подвигался вверхъ со скоростью 4 — 5 верстъ въ часъ, влача за собою нѣсколько барокъ; но и это теперь кон-

числсь, такъ какъ грузовъ не такъ много: на всемъ плесѣ до Рыбинска немногимъ больше 30 милліоновъ пудовъ, въ томъ числѣ много плотовъ.

Съ появленіемъ всеильнаго пара исчезли и бурлаки съ ихъ нечеловѣческой работой. Теперь уже не увидите на Волгѣ группъ, подобныхъ изображеннымъ на извѣстной картинѣ Рѣпина, не услышите «народнаго стона», который зовется пѣсней; и скорбно-поэтическіе штрихи Некрасова и «подлиповцы» Рѣшетникова скоро станутъ анахронизмами. Но то, что Некрасовъ говоритъ о бурлакахъ, приложимо и къ другимъ незамѣтнымъ труженикамъ земли русской, къ этимъ дождевымъ червямъ, разрыхляющимъ ниву народную, на которой должно же вырасти что-либо путное. Мимо нихъ несутся поѣзда, пароходы, гудитъ телеграфная проволока, создаются и уничтожаются новыя политическія комбинаціи, сочиняются новыя религіи, появляются новые геніи, а русскій мужичекъ «все ту же пѣсню онъ поеть... все ту же лямку онъ несетъ... въ чертахъ усталаго лица все та-жъ покорность безъ конца... Прочна суровая среда, — гдѣ поколѣнія людей... живутъ и гибнутъ безъ слѣда... и безъ урока для дѣтей!»

Но все-же мужику легче, чѣмъ бурлаку, все-же работа его болѣе осмысленна. Если онъ иногда замѣняетъ собственной персоною безсловесную тварь, именуемую лошадыю, то только въ рѣдкихъ случаяхъ: напримѣръ, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерній, пострадавшихъ отъ недорода, гдѣ пропало много скота, нѣкоторые мужики и бабы сами впрягались въ сохи и бороны. Такимъ образомъ не приходится особенно жалѣть, что лошадиная работа русскихъ православныхъ людей можетъ отойти въ область преданій. Но бурлаки все-таки остались и едва-ли кто угадаетъ, гдѣ ихъ можно близко наблюдать? Многимъ и въ голову не придетъ, что настоящихъ бурлаковъ можно видѣть у насъ въ Петербургѣ, и больше всего близъ Царскосельскаго вокзала на набережной Введенскаго канала, гдѣ группы, какъ-бы выхваченныя съ картины Рѣпина, тянутъ барки съ углемъ, дѣсомъ и т. п. Но далеко имъ до прежнихъ волжскихъ бурлаковъ, отламывавшихъ «путины» отъ Астрахани до Рыбинска, т. е. 2600 верстъ, подъ палящими лучами солнца. Нынѣ попадаетея слабое подобіе бурлацкой тяги въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда плотъ пригоняется вѣтромъ къ берегу, и рабочіе должны его прогнать полверсты-версту вдоль берега, запрягаясь для этого въ лямки.

Но хороша Волга и безъ бурлаковъ. Стоитъ-ли жалѣть о томъ, что однимъ угнетающимъ впечатлѣніемъ стало меньше! если и можно сожалѣть,

то развѣ объ исчезновеніи многихъ бурлацкихъ пѣсенъ и нѣкоторыхъ характерныхъ особенностей. Такъ, напримѣръ, на нашей памяти у бурлаковъ и судовыхъ рабочихъ были въ обычаѣ героическія игры, своего рода «petits jeux», впрочемъ, какъ намъ извѣстно, неупотребительныя въ петербургскихъ и губернскихъ салонахъ. Ихъ не найдешь также ни въ сборникахъ общественныхъ и семейныхъ игръ, ни въ извѣстномъ аристократическомъ изданіи: «Jeux et exercices des jeunes filles». Вотъ, напримѣръ, одна изъ такихъ игръ, которая теперь исчезла подъ напоромъ цивилизаціи. Дуетъ попутный вѣтеръ, работа бурлаковъ и судорабочихъ дѣлается излишней, имъ можно отдохнуть, и вотъ для развлечения они берутъ боченокъ, кладутъ его на палубѣ и подпираютъ для устойчивости полѣньями; одинъ изъ играющихъ ложится на этотъ боченокъ, крѣпко охватываетъ его руками и произноситъ слѣдующее простодушное воззваніе, нѣсколько грубая форма котораго заслуживаетъ снисхожденія: «ну, ребята, подходи по-очереди, дуи меня въ рыло; кто шибеть, тотъ съ меня беретъ копѣйку, а не шибеть — съ того копѣйка!» Послѣ этихъ словъ начинается азартная игра: подходит бурлакъ и, такъ какъ ему каждая копѣйка достается съ трудомъ, бьетъ со всего размаха «на совѣсть» по скулѣ лежащаго на боченкѣ, который для большей упругости щеки нѣсколько ее надуваетъ. Въ одномъ случаѣ, который мы знаемъ, онъ былъ шибленъ 11 разъ и въ результатѣ остался въ выигрышѣ очень значительной для него суммы—18 коп.; спрашивается, сколько разъ его ударили? Подобная задача, кажется, еще не вошла въ задачки Евтушевскаго, Малнина и Буренина и др., да впрочемъ, ее пожалуй признаютъ недостаточно педагогичною. Иногда подобная игра разнообразится тѣмъ, что бьютъ не по скулѣ, а по животу (такая игра едва-ли годится, напримѣръ, для столичныхъ пижоновъ): если принимающій удары отскочить—съ него копѣйка, а устоитъ, ему полагается та-же монетная единица. Но прочь отъ этихъ картинъ! Въ Европѣ и безъ того невысокаго мнѣнія о нашей культурѣ, хотя и мы могли-бы иногда отнарировать, напримѣръ, ссылкой на то, что въ Соединенныхъ Штатахъ, недавно объявившихъ себя по поводу Колумбовыхъ празднествъ самой цивилизованною націей въ мірѣ, десятки тысячъ народа съѣзжались въ Нью-Орлеанъ на состязаніе двухъ знаменитыхъ борцовъ и боксеровъ¹⁾,

¹⁾ Подробности см. въ «Письмахъ изъ Америки» Макъ-Гаханъ. «Сѣв. Вѣстн.» 1892 г., № 11.

какое состязаніе было главною злобой дня и занимала цѣлыхъ двѣ недѣли по нѣскольку столбцовъ въ самыхъ распространенныхъ газетахъ; для каждаго же изъ бойцовъ написано по специальной драматической пьесѣ... Развѣ фактъ этотъ не достоинъ любыхъ дикарей!?

На пароходѣ преобладаетъ рабочій людъ. Того торговаго элемента, какой снуетъ на нижней Волгѣ, здѣсь гораздо меньше. Притомъ-же на пути нѣтъ крупныхъ складовъ и торговыхъ пунктовъ, почти нѣтъ фабрикъ и заводовъ. Ихъ замѣняютъ деревни на пригоркахъ, населенныя мужичками-землероями и кустарями. Старинныя урочища и церкви, нѣкоторые старинные обычаи, напр., празднованіе Ярилы, невольно переносятъ въ отдаленное прошлое этого края, пережившаго столько историческихъ перепитій. Не напрасно многія селенія Тверской губерніи называются «городками», «городищами» и т. п. Не въ обиду будь сказано нашимъ патриотамъ, вздыхающимъ о добромъ старомъ времени, лѣтописи и другія документальныя указанія о бывшемъ Тверскомъ княжествѣ рисуютъ быть его обитателей за 100—500 лѣтъ до нашего времени далеко не въ розовыхъ краскахъ. На нихъ чуть не ежегодно сыпалась всевозможныя казни и напасти, отпускаемая имъ щедрой судьбою довольно большими порціями. Не говоримъ уже о томъ, что пожары испепеляли ежегодно десятки селъ и городовъ; тѣсныя, исключительно деревянные постройки, соломенныя стрѣхи, отсутствіе всякихъ антипожарныхъ средствъ, облегчали дѣйствіе огня, причемъ къ естественнымъ внутреннимъ причинамъ пожаровъ присоединялись внѣшнія — массовыя сожженія при междоусобицахъ. Многочисленные удѣльные князья часто враждовали другъ съ другомъ и безъ зазрѣнія совѣсти расточали и пожигали владѣнія несогласнаго сосѣда. Въ лѣтописяхъ то-и-дѣло говорится, что такіе-то князья «пожгоша и пограбиша», встрѣчаются и такія краснорѣчивыя заявленія: «положиша всю Волгу пусту». Вотъ вѣдь, до чего доходило дѣло, и несчастные обыватели лишались всего достоянія изъ-за вражды князей, вполнѣ оправдывая поговорку, что «когда паны дерутся, то...» Въ память о такихъ пожиганіяхъ, на самой Волгѣ нѣсколько селеній носятъ названія: «Гарь», «Опалиха»; затѣмъ въ губерніи цѣлыхъ 27 деревень имѣютъ наименіе «Погорѣлка». За вторую половину XIII вѣка и за XIV вѣкъ въ исторіи Тверской земли отмѣчено 13 годовъ, когда были «грабежи и нашествія» ¹⁾; въ XIV и XV вѣкахъ 20 годовъ

¹⁾ 1248, 1281, 1286, 1288, 1314, 1317, 1327, 1367, 1370, 1371, 1372, 1375, 1383.

съ «голодовками» ¹⁾, причемъ подъ 1422 г. значится: «ѣли коней, псовъ, кошекъ, кротовъ, падалъ и даже людей ѣли»; за 1424 — 1427 гг. т. е. четыре года подрядъ, свирѣпствовали «моры». Въ голодовку 1431 г., по случаю дороговизны, многіе ушли «къ нѣмцамъ»; за 1309, 1407, 1421 и 1443 гг. хлѣбъ «черви и мышь поѣла». Въ 1364 году была жестокая моровая язва. О другихъ казняхъ египетскихъ уже не упоминаемъ: и приведенной коллекціи вполне достаточно для того, чтобы держать обывателей въ трепетъ и страхъ Божьемъ. Разумѣется, эта «пучина бѣдствій» испытывалась не только въ XIII—XV вѣкахъ, но продолжалась и во всѣ послѣдующіе вѣка русской исторіи. Такъ, напримѣръ, въ XIX вѣкѣ въ Тверской губерніи были двѣ жестокихъ холеры — въ 1831 и 1848 гг.; первая сгубила 16 тыс. душъ, а вторая 20 тысячъ. Въ 1841 г. былъ экстраординарный неурожай и сверхъестественныя цѣны на хлѣбъ — до 27 р. 50 к. ассигнаціями за четверть ржи; затѣмъ въ 1853—1856 гг. съ губерніи сошло до 30 тысячъ рекрутовъ и ополченцевъ. Все это вызывало большія прорѣхи въ экономической жизни; но за нѣсколько лѣтъ, свободныхъ отъ большихъ бѣдствій, — малыя, въ родѣ обыкновенныхъ пожаровъ, падежей, эпидемій, неурожаевъ, считаются у насъ ни во что, — народъ опять «обросталь» и съ легкимъ сердцемъ несъ всѣ необходимыя для процвѣтанія отечества тяготы и повинности. Впрочемъ, всѣ эти цифры и соображенія относятся не къ одной Тверской губерніи; здѣшніе обыватели вовсе не имѣютъ монополіи на поименованныя бѣдствія.

Во время нашего проѣзда черезъ Тверскую губернію впечатлѣніе было довольно сносное: отъ недорода населеніе не пострадало, притомъ-же оно и въ урожайные годы прикупаеъ по 10 — 20 милл. пудовъ хлѣба; но недородъ низовой Волги отразился на немъ рикошетомъ въ видѣ высокихъ цѣнъ, которыя оказали давленіе на благосостояніе здѣшняго крестьянина, но и то временно, такъ какъ главный источникъ для поддержанія брэннаго бытія заключается все-таки въ промыслахъ. Что касается холеры, о которой на пароходѣ много говорили, то она была еще далеко, и здѣшніе обыватели могли смѣло надѣяться, что чаша эта ихъ минуетъ. Вообще здѣсь, какъ видно, живетъ ни шатко, ни валко, ни на сторону, и, можетъ быть, въ далекомъ будущемъ даже исполнится пророческое поэтомъ, который, вѣруя въ русскій народъ, высказался на счетъ буду-

¹⁾ 1309, 1318, 1331, 1368, 1371, 1373, 1407, 1408, 1409, 1417, 1419, 1421, 1422, 1424, 1425, 1426, 1427, 1431, 1443, 1478.

щаго Волги въ такихъ словахъ: «въ случайной жизни береговъ... моей рѣки любимой... освобожденный отъ оковъ, народъ неутомимый... со-зрѣетъ, густо заселить... прибрежныя пустыни; наука воды углубить... по гладкой ихъ равнинѣ... суда-гиганты побѣгутъ несчетною толпою... и будетъ вѣчень бодрый трудъ надъ вѣчною рѣкою...» Но пока это еще не свершилось, можно повторить слова того-же всѣмъ дорогого волжскаго поэта: «все тѣ-же вы — и нивы, и народъ... и та-же все — рѣка моя родная... замѣтилъ я новинку—пароходъ! но лишь на мигъ мелькнула жизнь живая... кипѣла ты зубчатымъ колесомъ... прорытая—дорога водяная, а берега дремали крѣпкимъ сномъ...»

Публика на пароходѣ довольно разнообразная. Преобладающая разговорная тема о холерѣ, въ предвидѣннн которой нѣкоторые пассажиры заранѣе принимаютъ мѣры, требуя то перцовки, то другого алколоида, такъ какъ изъ всего множества рекомендуемыхъ предохранительныхъ средствъ эти имъ почему-то больше нравятся. Бѣжавшій въ первомъ классѣ господинъ въ военной формѣ, къ которому окружающіе относились съ большимъ почтеніемъ, усердно поглощалъ хинное вино. Господинъ этотъ оказался становымъ приставомъ, и ему, конечно, надо было позаботиться прежде всего о сохраненіи своей особы, столь необходимой въ предстоящей борьбѣ съ эпидеміей. Другіе пассажиры разсудили, что если ужъ само начальство одобряетъ такой способъ искорененія неуловимыхъ бактерий, то этого способа слѣдуетъ и имъ держаться. Принципъ этотъ былъ проведенъ на практикѣ; оживленіе въ пароходной рубкѣ все усиливалось. причемъ самымъ авторитетнымъ собесѣдникомъ и, такъ сказать, презумсомъ дружеской бесѣды былъ самъ господинъ становой. Пароходъ между тѣмъ благополучно обходилъ мели. Капитанъ бдительно дежурилъ на вышкѣ; два почтенныхъ волгяря, одинъ съ сивой, другой съ чалой бородой, вертѣли колесо, зорко всматриваясь въ даль. Одинъ изъ нихъ ѣздитъ по Волгѣ тридцать лѣтъ и изучилъ пространство отъ Твери до Нижняго лучше всякихъ капитановъ. Его искусство доходить до того, что по наружному виду воды, по самой незначительной ряби онъ опредѣляетъ, гдѣ глубже, гдѣ мельче. Вообще на самолетскихъ пароходахъ подобраны знающіе и усердные служащіе; дѣла этого общества ведутся очень хорошо, благодаря такимъ стоящимъ во главѣ правленія дѣятелямъ, какъ *В. А. Ратьковъ-Рожновъ* и *Н. И. Жвановъ*. Первый изъ нихъ, извѣстный наслѣдникъ Громова, состоитъ главнымъ пайщикомъ предпріятія. На самой Волгѣ давно управляетъ дѣломъ братъ его, *Г. А. Ратьковъ-Рожновъ*; по

имени этихъ братьевъ названы даже два парохода. Что касается до служащихъ, то усердіе ихъ особенно подогрѣвается тѣмъ, что изъ годовыхъ прибылей они получаютъ процентное отчисленіе, введенное нѣсколько лѣтъ назадъ заботами Н. И. Жеванова, имя котораго вслѣдствіе этого весьма популярно между служащими ¹⁾. Это еще разъ доказываетъ ту истину, что участіе служащихъ и рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія ведетъ къ самымъ полезнымъ послѣдствіямъ. Интересы дѣла становятся имъ ближе, оно идетъ гораздо лучше, не говоря уже о томъ, что служащіе крѣпко держатся своимъ мѣстъ и накопляютъ опытъ, особенно цѣнный въ пароходномъ дѣлѣ.

Первая за Тверью пристань — у села **Едимонова**, извѣстнаго россиянамъ по верещагинской школѣ молочнаго хозяйства. Пароходъ дѣлаетъ протяжные свистки и поворачиваетъ къ красивому селу; на берегу толпится народъ съ преобладающимъ краснымъ цвѣтомъ въ одеждѣ. Нашъ пароходъ свиститъ густымъ баритономъ въ родѣ фабричнаго гудка. Каждый наблюдательный человѣкъ, проѣхавшій по Волгѣ, замѣтитъ, что каждый волжскій пароходъ гудитъ по своему, имѣетъ, такъ сказать, свой особый голосъ, по которому его узнаютъ опытные лоцмана на далекомъ разстояніи; такое великое разнообразіе свистковъ напоминаетъ разные голоса дверей въ домикѣ Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, столь картинно описанные Гоголемъ.

Едимоновскіе крестьяне получаютъ не мало подсобнаго заработка отъ молока, доставляемаго ими *Н. В. Верещанину* — извѣстному пионеру въ области русскаго молочнаго хозяйства вообще и артельного сыроваренія въ особенности. Школа его существуетъ 21 годъ; съ 1872 по 1879 годъ ей давалось по 15 тыс. руб., а съ 1882 г. до настоящаго времени по 18 тыс. руб. въ годъ отъ министерства государственныхъ имуществъ. Это не такъ много, если принять въ расчетъ, что это единственная затрата государства для поддержанія молочнаго дѣла, что въ Финляндіи отпускается на центральную сыроварню 60 тыс. марокъ или 24 тыс. руб. кредитныхъ, и что казеннаго пособія Верещанину еле достааетъ на содержаніе школы. Зато и польза очевидная! Въ школѣ имѣется сепараторъ Лавалъ—металлическій сосудъ, вращающійся до

¹⁾ Н. И. Жевановъ, недавно избранный въ предсѣдатели правленія Русскаго Общества Пароходства и Торговли, извѣстенъ въ дѣловыхъ кругахъ Петербурга съ лучшей стороны, какъ многосторонне образованный и способный дѣятель, заслуживающій самаго высокаго довѣрія.

6,000 разъ въ минуту, въ которомъ дѣйствиємъ центробѣжной силы отдѣляются сливки и снятое молоко; есть и другія усовершенствованныя, хотя и недорогія, орудія. При обработкѣ масла, какъ извѣстно, всего труднѣе уловить моментъ перваго броженія сливочныхъ шариковъ чтобы не дать прогоркнуть верхнему слою сливокъ; эта задача достигнута вполне, и получаемое масло—лучшаго качества. Затѣмъ изъ приносимаго крестьянами молока изготовляются сыры разныхъ сортовъ: бакштейнъ, тильзитскій, лимбургскій, мешцерскій, русско-швейцарскій, французскій и зеленый. Сыры хранятся въ погребахъ и по мѣрѣ продажи деньги распределяются между крестьянами пропорціонально количеству доставленнаго ими молока. Въ сыроварнѣ два отдѣленія: въ одномъ сквашивается молоко съ помощью телячьяго сычуга, въ другомъ идетъ прессовка¹⁾. Для анализова при школѣ имѣется хорошая лабораторія; кромѣ того, имѣется интересная кефирная мастерская; кефирные грибки кладутся въ сосуды съ цѣльнымъ молокомъ, въ которомъ черезъ полторы сутокъ получается готовый кефиръ, грибки же высушиваются и вновь идутъ въ дѣло. Вообще все поставлено просто и рационально. Хлѣбъ наглядно превращается въ молочный продуктъ: покупаются тощія коровы «тасканской» породы, т. е. такія, которыхъ надо вытаскивать изъ хлѣва, подкармливаются хлѣбомъ и начинаютъ давать такое количество молока, какое можетъ изумить даже голландскаго фермера. Сбытъ продуктовъ идетъ успѣшно; здѣшній мешцерскій сыръ получилъ большее право гражданства и пользуется большимъ уваженіемъ, чѣмъ извѣстная газета Мешцерскаго; его много покупаютъ и въ Петербургѣ вмѣсто дорогого швейцарскаго. Экономическое положеніе мѣстныхъ крестьянъ возросло, что заставило извѣстнаго смоленскаго хозяина и сельскохозяйственнаго писателя, нынѣ покойнаго А. Н. Энгельгардта, взять назадъ свое мнѣніе, помѣщенное въ «Отечественныхъ Запискахъ», будто-бы артельныя сыроварни отнимаютъ молоко у крестьянскихъ дѣтей; онъ ясно увидалъ изъ цифръ, что смертность въ Едимоновѣ и его районѣ уменьшилась именно благодаря хорошему экономическому вліянію сыроварень. Но вліяніе школы идетъ дальше: благодаря ей, сыроварни распространились не только въ Тверской, но и въ сосѣднихъ губерніяхъ какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ. Самыми усердными распространителями были Бландовъ и Бирилевъ; болѣе всего при-

¹⁾ При переработкѣ молока въ масло и зеленый сыръ средней доходъ около 1 рубля съ пуда, а если обработать его, какъ дѣлается почти вездѣ, въ топленое масло и творогъ, то доходъ вдвое меньше.

вилась эта отрасль въ Весьегонскомъ уѣздѣ. Школа устроила еще два отдѣленія въ сосѣднихъ селахъ. За все время существованія она выпустила болѣе 300 специалистовъ молочнаго хозяйства обоаго пола, которые разнесли свои знанія на большое пространство, причемъ прежніе сыровары—иностранцы совершенно исчезли. Продукты едимоновскаго производства идутъ по двумъ путямъ—водой по Волгѣ вверхъ и внизъ а также по Николаевской желѣзной дорогѣ черезъ станцію Завидово, до которой отсюда всего 16 верстъ. Обеспеченный сбытъ молока даетъ крестьянамъ возможность держать больше скота, а стало быть имѣть больше навоза, такъ необходимаго для здѣшной почвы. Потому-то распространеніе подобныхъ учрежденій, какъ верещагинскія сыроварни, весьма желательно, и съ точки зрѣнія народнаго хозяйства имъ предстоитъ большая будущность.

За Едимоновымъ правый берегъ Волги, на протяженіи 20 верстъ, принадлежитъ Московской губерніи, что для многихъ культурныхъ пассажировъ оказалось неожиданностью. Они не думали, чтобы эта губернія выходила также на Волгу. По границѣ Тверской и Московской губерній течетъ немаловажная рѣка Шоша, въ 180 верстъ длиною; это третій и послѣдній крупный притокъ Волги съ правой стороны на твере-нижегородскомъ плесѣ. Шоша отклоняетъ Волгу на сѣверо-востокъ, и это направление сохраняется до впаденія Мологи.

Черезъ шесть часовъ плаванія, въ 88 верстахъ отъ Твери, передъ глазами путника появляется самый мизерный изъ 11 уѣздныхъ городовъ губерніи—**Корчева**, отличающійся отъ села только прямоугольными улицами и ровной набережной съ рядомъ небольшихъ каменныхъ домовъ. По статистикѣ въ Корчевѣ считается 2 $\frac{1}{2}$ тысячи жителей, 30 каменныхъ и 430 деревянныхъ домовъ, оцѣненныхъ всего въ 150 тысячъ рублей, т. е. вдвое дешевле одного четырехъэтажнаго петербургскаго дома средняго размѣра. Подвѣвшись во время стоянки парохода на гору, мы увидѣли сонныя тихія улицы, поросшія травой и обстроеныя сѣрыми деревянными домиками. Отъ нихъ вѣяло невозмутимымъ миромъ и тишиной, хотя и ихъ скромные обитатели также не чужды человѣческихъ страстей и волненій, но конечно въ меньшемъ масштабѣ, чѣмъ въ большихъ городахъ. Видъ Корчевы порождаетъ въ оголѣломъ петербургскомъ обывателѣ невольное желаніе уйти на время отъ столичной сутолобы и суеты, отъ каменныхъ мѣшковъ, называемыхъ домами, отъ уличнаго шума и гама, отъ всѣхъ другихъ прелестей столичнаго омота. Представляется

очень заманчивымъ пожить нѣсколько дней въ такомъ уѣздномъ городѣ, гдѣ въ 8 часовъ вечера запирають ворота и спускають собакъ, гдѣ въ 7 часовъ утра босоногая служанка выбѣгаетъ раскрывать ставни, причемъ изъ окна показываются заспанная физіономіи, какъ-бы надѣясь увидѣть что-нибудь новое; но на улицѣ все тѣ же картины, какія были, вѣроятно, 500 лѣтъ назадъ; такъ-же спокойно бродятъ козы, свиньи и другія четвероногія существа, любознательно озирающія рѣдкихъ прохожихъ и не всегда уступающія имъ дорогу...

Версть за 15 отъ Корчевы въ Волгу впадаетъ слѣва р. Сестра, на которой стоитъ г. Клинъ, извѣстный своимъ недавнимъ пожаромъ, а также воздушнымъ полетомъ Д. И. Менделѣева, пожелавшаго наблюдати изъ заоблачныхъ сферъ солнечное затменіе 1887 года. Сестра была соединена съ р. Москвою каналомъ, по которому еще лѣтъ 25 назадъ плавали лодки изъ Волги къ самой первопрестольной столицѣ, но потомъ въ каналѣ почему-то надобность миновала, и его закрыли. Конечно, это явленіе странное и для европейцевъ непонятное: упразднять въ сердцѣ Россіи дешевый водный путь, стоившій огромныхъ денегъ, въ то время какъ вездѣ стараются соорудать новые, да и у насъ въ Россіи надобность въ нихъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ.

Еще 40 версть—и любознательный туристъ подплываетъ къ знаменитому селу «Кимрѣ», которое, какъ извѣстно изъ географіи Ободовскаго и др., въ 1812 году обувало всю русскую армію. Кому неизвѣстна почтенная профессія здѣшнихъ обывателей, не имѣющая ничего общаго съ задачами обществъ трезвости. Но надо отдать справедливость кимрякамъ; хотя они, можетъ быть, и не самые трезвые изъ многочисленной семьи православныхъ ремесленниковъ, но между ними очень много гражданъ, которые смѣло могли-бы считаться почетными членами подобныхъ обществъ.

Кимра расположена на возвышенномъ лѣвомъ берегу и выглядитъ гораздо внушительнѣе своего уѣзднаго города Корчевы. Отъ пристани идетъ въ гору мощный вѣздъ, гдѣ красуется деревянная арка, увитая зеленью, устроенная въ честь того же Высокаго гостя, пробѣду котораго мы обязаны безпрепятственнымъ плаваніемъ по верхнему плесу. На горѣ видѣется массивный пятиглавый Покровскій соборъ желтаго цвѣта и рядомъ богатая Троицкая церковь. Оба храма подавляютъ своимъ величіемъ и могутъ смѣло служить украшеніемъ не только любого губернскаго города, но даже столицы: многоярусные иконостасы украшены бо-

гатой позолотою, въ оградѣ не одинъ десятокъ богатыхъ мраморныхъ памятниковъ здѣшнихъ именитыхъ людей. Рядомъ большая мощная площадь съ каменными рядами и многочисленными лавками; тутъ же гостинница и пожарная часть съ высокою каланчею. Отъ вѣзда поперекъ села идетъ главная улица, которая, какъ и боковыя къ ней улицы, вымощена и обстроена приличными домами. Особенно выдѣляются два мзящныхъ каменныхъ двухэтажныхъ дома, украшенныхъ гирляндами. Въ одномъ изъ нихъ останавливался ненадолго Великій Князь къ большей зависти владѣльца другого дома.

По числу жителей — болѣе 6 тысячъ — Кимра также превосходитъ нѣкоторые уѣздные города своей губерніи. Малое плодородіе почвы, близость центральныхъ рынковъ, удобный водяной путь, дешевый подвозъ кожъ снизу, — все способствовало насажденію чеботарнаго дѣла, которое развилось здѣсь за послѣднее столѣтіе. Всего Кимра живетъ немного больше 200 лѣтъ. Въ 1677 году она упоминается, какъ дворцовое село, которое потомъ было пожаловано графу Салтыкову — тестю царя Іоанна Алексѣевича; отъ него перешло къ канцлеру Головкину, по ссылке котораго отобрано опять въ дворцовое вѣдомство; въ половинѣ XVIII вѣка пожаловано въ родъ Скавронскихъ, а въ 1847 году вся Кимрская вотчина изъ 1400 ревизскихъ душъ откупилась на волю за 495 тыс. руб. ассигн., которые были заняты у правительства съ разсрочкою на 37 лѣтъ. Первое извѣстіе о сапожномъ промыслѣ появилось въ концѣ XVIII вѣка въ «генеральномъ соображеніи по Тверской губерніи, извлеченномъ изъ подробнаго топографическаго и камеральнаго по городамъ и уѣздамъ описанія 1783—1784 года». Здѣсь мы читаемъ: «главный здѣшній промыселъ — есть сапожное мастерство, въ которомъ дѣлая Кимрская и Ильинская волости и другія многія селенія упражняются, отходя въ Москву съ 15 ноября по Святую недѣлю». Стало быть это былъ сперва отхожій промыселъ, и только съ XIX вѣка, благодаря большимъ войнамъ, кимряки стали получать заказы на солдатскіе сапоги, и здѣшняя кустарная промышленность установилась на твердую ногу. Войны 1812 года, венгерская, крымская, послѣдняя турецкая, способствовали оживленію здѣшнихъ дѣлъ. Поэтому кимрскіе сапожники, съ несвойственной этой благородной и глубокомысленной профессіи живостью, интересуются политическими событіями и въ качествѣ патріотовъ своего отечества искренно и нелицепріятно желаютъ, чтобы русское христолобивое воинство «утерло носъ нѣмцу» или «угостило англичанку съ лѣвой ноги».

Мирь, хотя-бы и вооруженный, для кимряковъ не понутру, конечно не потому, что онъ ведетъ къ застою въ ихъ промыслѣ, а просто потому, они радѣютъ о достоинствѣ и славѣ русскаго оружія, которое, по что ихъ мнѣнію, должно непрестанно вести къ побѣдамъ и одолѣніямъ. До сихъ поръ они вспоминаютъ со вздохомъ о войнѣ 1877—1878 г., когда они работали на «казну». Этотъ относительно-счастливый періодъ у нихъ такъ и называется «казною»; къ нему они приурочиваютъ немудрыя событія своей жизни: «корову купили черезъ годъ послѣ казны», «выдали дочь въ самую казну», «Миколка родился за годъ до казны» и т. д. Работа тогда кипѣла и сапоги пеклись для казны, какъ блины, да и выходили они немного прочнѣе блиновъ. Не даромъ говорится: «кимряки свои сапоги на лапти промѣняли». Есть официальные свидѣтельства о такихъ оригинальныхъ сапогахъ, которые «разваливались на пути отъ сотрясенія вагоновъ и на телѣгахъ», не доходя въ цѣломъ видѣ до нашихъ сѣрошинельныхъ героевъ, зачастую обматывавшихъ ноги тряпками и соломою.

Тверское губернское земство сильно интересовалось сапожнымъ промысломъ и произвело подворное изслѣдованіе селеній, ими занимающихся ¹⁾. Оказалось, что сапожный промыселъ развился въ обширномъ районѣ, обнимающемъ 35 волостей, центромъ котораго служитъ Кимра; всѣхъ мастеровъ насчитывается до 23 тысячъ; изъ нихъ 1¹/₂ тыс. въ Кимрѣ, 9 тыс. въ прочихъ селеніяхъ Корчевскаго уѣзда, 10¹/₂ тыс. въ Калазинскомъ уѣздѣ и почти 2 тыс. въ Кашинскомъ. Изъ всего числа почти половина — 11¹/₂ тыс. — работаетъ дома, а 12¹/₂ тыс. въ отходѣ: Число уходящихъ увеличилось въ послѣднее время вслѣдствіе уменьшенія работы на мѣстѣ.

По даннымъ подворнаго изслѣдованія, въ самой Кимрѣ 803 двора, въ нихъ 1122 семейства съ 5,1 тыс. душъ, да къ этому надо прибавить до тысячи пришлыхъ рабочихъ. Почти всѣ они, за исключеніемъ торговцевъ, слесарей и другихъ ремесленниковъ, принадлежатъ къ извѣстной своей трезвостью сапожной націи, которая производитъ для центральныхъ губерній Россіи разнообразную обувь — отъ самой нѣжной, покупаемой столичными щеголихами подъ именемъ французскихъ полусапожекъ, до самой вульгарной, которую надо снимать въ сѣняхъ, а не вхо-

¹⁾ Изслѣдованіе въ Корчевскомъ уѣздѣ безъ Кимры было пропаведено въ 1887 г., въ Калазинскомъ уѣздѣ въ 1888 г., въ Кашинскомъ — въ 1889 г. и, наконецъ, въ Кимрѣ въ 1891 г., гдѣ этимъ занимался мѣстный статистикъ В. И. Покровскій.

дить въ ней въ комнату. Здѣшніе мастера, конечно, не слыхивали объ «анатоміи ноги» и не имѣютъ никакихъ научныхъ знаній о строеніи этой небезполезной части тѣла, тѣмъ не менѣе могутъ «потрафить въ лучшемъ видѣ» на каждую ногу отъ миниатюрной до слоновой, лишь-бы имъ давали настоящую цѣну. Съ присущей русскому человѣку сметкою они быстро выучиваются работать всякіе фасоны обуви. У нихъ найдется и очень хорошая обувь, которая шьется по заказу, есть и плохая «для рынка», напримѣръ, знаменитые сапоги изъ «еловой» кожи (козевой) цѣною по 1½—2 руб. на мѣстѣ; голенище въ нихъ дѣлается изъ обрѣзковъ, на подошву идутъ остатки изъ растительнаго царства: лубокъ, картонъ, тряпки; эта смѣсь, называемая «политурою», замаскировывается для вѣсу воскомъ, хлѣбомъ и глиною, а сверху подбивается доскутомъ кожи. По выраженію самихъ сапожниковъ, такого рода сапоги ими не шьются, а дѣются; носятъ они рѣдко долѣе недѣли, а скупщики сбываютъ ихъ подалеже подобно тому, какъ изъ села Павлова отправляются въ Турцію замки, которые послѣ двухъ-трехъ поворотовъ приходятъ въ негодное состояніе. Эти «недѣльные» сапоги при отправкѣ старательно упаковываются въ плетушки и деревянные ящики, чтобы въ дорогѣ отъ тряски они «не разсыпались, и подошвы не отвалились». Подобная обувь изготовляется только потому, что сами покупатели побѣднѣе спрашиваютъ самый дешевый товаръ. Здѣсь только подтверждается та экономическая истина, что богатымъ людямъ все достается дешевле, ибо они сразу могутъ купить дорогіе сапоги, которые стоятъ только въ два-три раза дороже, зато носятъ въ десять-двадцать разъ долѣе, сразу закупить провизію съ большой скидкой, прочную одежду и т. п. По поводу дешевой обуви зубоскалятъ сами кимряки, по свойству русскаго человѣка поглумиться надъ самимъ собой: «хоть отца родного зашей, да продай подешевѣй»; «отъ пятницы до субботы (въ рукахъ) носи безъ заботы». Но отсюда идетъ и много хорошаго товару въ столичныя магазины и во внутреннія губерніи. Вообще Кимра представляется сплошной мастерскою, замѣняя собою и большія фабрики, и профессиональныя школы. Подростающее поколѣніе, какъ только начинаетъ себя помнить, уже ковыряется около сапогъ, учится владѣть шиломъ, какъ шпагою, и кроить подошву, какъ бумагу, причемъ въ отношеніи учениковъ примѣняются наилучшіе педагогическіе приемы, съ молодю закаляющіе тѣло и укрѣпляющіе душу согласно рецепту одного извѣстнаго писателя и гражданина, печатно заявившаго, что такой приѣмъ, испытанный имъ въ дѣтствѣ,

отвратилъ его отъ пороковъ. Сдѣлавшись мастерами, молодые кимряки прямибняютъ ту-же педагогію къ своимъ ученикамъ, какъ-бы вымещая на нихъ претерпѣнное ими самими.

Большинство сапожниковъ работаетъ не отъ себя, а на хозяевъ. Число самостоятельныхъ кустарей сильно сократилось въ послѣднее тихое время, ибо жить въ работникахъ хотя и не такъ сладко, зато меньше риска. Самостоятельные-же мастера иногда приобрѣтаютъ на новый кафтанъ, а иногда сидятъ впроголодь и втягиваются въ долги. Изъ работниковъ одни живутъ на дому и получаютъ заказы сдѣльно отъ хозяевъ, которые даютъ имъ матеріалъ, а иногда и инструменты, если у работника нѣтъ средствъ купить свои; другіе живутъ у хозяевъ и получаютъ плату помѣсячно или поштучно. Средній мастеръ можетъ заработать на дому, на своихъ харчахъ 2—3 рубля въ недѣлю, хорошій до 4 руб.; наемный работникъ получаетъ 30—50 коп. за пару сапогъ, надъ которой сидитъ два-три дня, зарабатывая отъ 80 коп. до 1 руб. 60 коп. въ недѣлю, или по 1—2 коп. въ часъ — вознагражденіе, которому едва-ли позавидуетъ западно-европейскій пролетарій, а между тѣмъ кимряки корпятъ ради него цѣлые дни, наглядно опровергая сужденія лицъ извѣстной категоріи о лѣности русскаго народа ¹⁾. Женщины и дѣвушки работаютъ больше на строчильныхъ машинахъ, на которыхъ заготавливаются штилеты; получаютъ онѣ 25—40 руб. въ годъ на хозяйскихъ харчахъ и 70—80 руб. на своихъ. Для того, чтобы произвести на свѣтъ большіе черные сапоги, необходимо матеріала на 4—5 руб., за работу 1 р.—1 р. 25 коп., для опойковыхъ матеріала на 2 руб. 50 коп., за работу 75 коп. Одинъ мастеръ съ мальчикомъ можетъ изготовить въ годъ на 600 руб., изъ нихъ около 400 р. на матеріалъ, 100 руб. за трудъ и 100 р. въ пользу мѣстнаго скупщика. Въ среднемъ считается, что по отношенію къ мѣстной цѣнѣ сапожный матеріалъ составляетъ $\frac{2}{3}$, заработная плата $\frac{1}{6}$ и прибыль скупщика $\frac{1}{6}$.

По этому разсчету всѣ 10 тыс. мастеровъ и подмастерьевъ кимрекаго района изготовляютъ обуви на 5 милл. руб.; изъ нихъ, если добавить заработокъ отъ обработки кожъ, населенію остается до $\frac{1}{2}$ милл. рублей или въ общемъ по 150 руб. на работника, а полагая на каждого рабочаго по 2 души семейства, получимъ по 50 р. въ годъ на «ѣдока», —

¹⁾ Учене саможному ремеслу не такъ просто, какъ кажется; однихъ инструментовъ болѣе 20 родовъ, и ими нужно умѣть владѣть въ совершенствѣ.

единицу, вошедшую въ моду по случаю голодовки. До сихъ поръ у насъ были официальные термины «обыватель», «душа», «податное сословіе». Но при исчисленіи доходовъ кимряковъ мы привели слово «ѣдокъ» въ физическомъ, а не въ юридическомъ смыслѣ, т. е. какъ тождественное со словомъ «человѣкъ» или, какъ выражаются статистики, «единица населенія».

Въ общемъ изъ 5 милл. руб. общаго производства считаютъ 2,7 милл. рублей на матеріалъ и 850 тыс. руб. прибыль мѣстныхъ скупщиковъ; если же считать рядъ другихъ мелкихъ и крупныхъ посредниковъ за предѣлами Кимры, то цифра ихъ легкаго приобрѣтенія возвысится до 2 милл. руб., т. е. посредники получаютъ гораздо больше, чѣмъ главные производители. Это очевидно уже изъ того, что пара сапогъ, продававшаяся, напримѣръ, въ Кимрѣ за 4 руб., сбывается въ Петербургъ за 6 руб. Въ селѣ болѣе 20 крупныхъ торговцевъ; изъ нихъ самые солидные — Королевъ, Потапенко и Мартыновъ, имѣющіе дѣла со столицами. Всѣхъ лицъ, могущихъ жить безбѣдно, нѣсколько сотъ, а кругомъ нихъ нѣсколько тысячъ самыхъ непозволительныхъ бѣдняковъ, которымъ, по ихъ выраженію, часто «не на что Богу лампадку затеплить». И эти бѣдняки, чтобы заработать 2—3 руб. въ недѣлю, должны сидѣть согнувшись на «липчкѣ» (кадочка, обтянутая кожей) по 13—15 час. въ день, а иногда и по 16—17 часовъ съ 4 час. утра до 10 час. вечера.

Можно еще утѣшаться тѣмъ, что не одни кимрскіе кустари испытываютъ такую юдоль; то же явленіе, и еще хуже, мы имѣли случай наблюдать въ Павловѣ, въ тульскихъ слободахъ и другихъ центрахъ горемычнаго русскаго кустарнаго производства. Вездѣ та-же зависимость отъ скупщиковъ, та-же нечеловѣческая работа и возмутительно-низкій заработокъ — всѣ тѣ-же тяжкія условія, дающія обильный матеріалъ для либеральнаго словозверженія и для крокодиловыхъ слезъ. Устраненіе этихъ ненормальныхъ условій до сихъ поръ составляетъ одно «благое пожеланіе» всѣхъ благомыслящихъ людей, но наши общественныя сферы занимаются болѣе платоническими докладами и слащавыми lamentаціями о необходимости поднять кустарный промыселъ, какъ составляющій одинъ изъ главныхъ источниковъ для покрытія государственныхъ платежей. Правда, есть не мало попытокъ перейти отъ словъ къ дѣлу, но все это еще очень слабыя и робкіе шаги, что зависитъ отъ малаго знакомства съ условіями практической постановки дѣла. Въ 1890 г. гласный корчевскаго земства, И. Н. Мамонтовъ, поднялъ вопросъ о содѣйствіи со сто-

роны губернскаго земства «кимрскимъ кустарямъ-сапожникамъ, находящимся въ очень незавидныхъ экономическихъ условіяхъ, вслѣдствіе своей зависимости отъ скупщиковъ и «хозяевъ», на которыхъ большинство сапожниковъ принуждены работать, и вслѣдствіе упадка самаго промысла». Кустарямъ особенно тяжело приходилось въ концѣ 1891 г. и началѣ нынѣшняго года вслѣдствіе дороговизны хлѣба. По нѣкоторымъ волостямъ Калязинскаго уѣзда накопилась довольно значительная недоимка, причину которой крестьяне объяснили упадкомъ сапожнаго и башмачнаго промысла, вслѣдствіе уменьшенія спроса на кимрскую обувь и паденія цѣны на нее. Вопросъ этотъ былъ поднятъ на послѣднемъ калязинскомъ земскомъ собраніи, которое «въ виду общаго неблагопріятнаго по отношенію къ кимрской обуви настроенія сапожнаго рынка не нашло возможнымъ средствами уѣзнаго земства что либо предпринять къ поднятію башмачнаго и сапожнаго промысловъ среди крестьянъ».

Было и еще нѣсколько проектовъ, направленныхъ къ ослабленію экономическаго кризиса среди кимрскаго населенія, но все это осталось, какъ и многое на Руси, въ области благихъ пожеланій. Такъ, корчевское земство проектировало устройство земско-кустарнаго товарищества на паяхъ для производства и сбыта обуви, которое являлось-бы посредникомъ между потребителемъ и кустаремъ, давая первому свое ручательство въ достоинствѣ товара и направляя промыселъ согласно спросу, для чего брало-бы на себя подряды по казеннымъ, общественнымъ и частнымъ заказамъ, устраивало-бы въ разныхъ городахъ свои собственные склады для продажи кустарныхъ издѣлій, организовавъ въ селѣ Кимрѣ и его окрестностяхъ свои мастерскія съ техническими школами. Но это остается и долго останется только на бумагѣ. Затѣмъ предлагались такія мѣры, какъ устройство артели браковщиковъ, профессиональной школы, музея образцовъ и проч., но и это палліативы, съ которыми далеко не уѣдешь. Причина упадка кимрскаго промысла лежитъ глубже, а не въ одномъ только ослабленіи довѣрія къ качеству издѣлій, какъ склонны думать многіе. Причины эти — недостатокъ казенныхъ заказовъ, давшихъ первоначальный толчокъ здѣшнему производству, развитие сапожнаго дѣла въ другихъ мѣстахъ, наконецъ обвѣдѣніе крестьянскаго населенія ближайшихъ раіоновъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали даже переходить къ оставленной было національной обуви, сдѣлавшейся предметомъ презрѣнія, къ лаптямъ.

Въ настоящее время въ Кимрѣ на все море бѣдности имѣется одно

маленькое благотворительное общество съ 3¹/₂ тыс. годового дохода, которое выдаетъ бѣднымъ одежду, обувь, пищу, помогаетъ пострадавшимъ отъ пожаровъ и отъ другихъ несчастныхъ случаевъ, но все это — капля въ морѣ. А между тѣмъ какой красивый и солидный видъ имѣетъ Кимра съ Волги, сколько золота въ ея храмахъ, какими безопасными выглядятъ ея обитатели! Никто и не подумаетъ, что подъ этой вѣшностью кроется очень грустная подоплека, съ которой, въ качествѣ добросовѣстнаго наблюдателя, мы сочли долгомъ познакомить читателей. Вѣдь не все-же описывать красоты береговъ, плескъ волны и блескъ луны; надо копнуть кусточекъ и самой народной жизни во всей ея неприглядной наготѣ.

Пароходъ прошелъ мимо большого кожевеннаго завода Потапенки, снабжающаго кимряковъ матеріаломъ, и, тихо вздрагивая, понесся мимо невысокихъ, но идиллическихъ береговъ, равнодушный и къ печалямъ, и къ удачамъ человѣческимъ. Солнце ярко освѣщаетъ и глупыхъ, и умныхъ, и добрыхъ, и злыхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ. Горестное впечатлѣніе отъ ближайшаго знакомства съ экономическимъ бытомъ кимряковъ повемному сглаживается; мы развлекаемся видомъ селеній, купающихся ребятишекъ, сельскихъ стадъ, рѣдкихъ помѣщичьихъ усадебъ. Нерѣдко мелькаютъ картины, которая такъ любилъ Пушкинъ: «песчаный косогоръ, передъ избушкой двѣ рябины, калитка, сломанный заборъ» и т. д..

За Кимрой въ Волгу впадаетъ слѣва довольно значительная рѣка Медвѣдица въ 250 верстъ длиною. Мы все движемся къ сѣверу и подходимъ къ селу Сергіевскому, близъ котораго была родовая усадьба Салтыковыхъ, давшая намъ знаменитаго сатирика, воспріявшаго здѣсь первыя впечатлѣнія бытія; его именемъ названъ лучшей самолетскій пароходъ верхняго плеса. *Михаилъ Евграфовичъ* родился въ 1826 года въ селѣ Спасъ-Уголь, Калязинскаго уѣзда, и учился грамотѣ у крѣпостнаго живописца, который въ годъ научилъ своего питомца разбирать гражданскую печать; въ 1836 г. десятилѣтній М. Е. былъ увезенъ изъ калязинскихъ палестинъ въ Москву для помѣщенія въ дворянскій пансіонъ. Только въ началѣ 60-хъ годовъ ему пришлось жить нѣсколько лѣтъ въ Твери, гдѣ онъ занималъ мѣсто управляющаго казенною палатою. Отсюда онъ переведенъ въ Рязань вице-губернаторомъ и съ этого мѣста, въ 1868 г., вышелъ окончательно въ отставку; 20-ти лѣтъ онъ началъ служить, 20 лѣтъ несъ бремя государственной службы и 20 лѣтъ несъ еще болѣе тяжелое бремя писательства. Интересно у него нѣкоторое совпаденіе: учился онъ въ лицѣ вмѣстѣ съ другимъ русскимъ писателемъ, гр. Д. А. Толстымъ, служилъ въ

той же губерніи, откуда родомъ былъ гр. Толстой, и умеръ съ нимъ одновременно—всего дня на четыре позже. Всѣ эти калязинскія, корчевскія, кашинскія помѣстья дали ему матеріалъ для изображенія ужасовъ «Пошехонской старины», которые происходили въ этихъ поэтическихъ мѣстахъ всего какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ назадъ. Эти же тихіе берега оскверняли своимъ присутвіемъ лучшей типъ, выведенный Щедринымъ,—его Гудушка, въ лицѣ котораго онъ изобразилъ одного изъ близкихъ ему людей. Но справедливая судьба понемножечку, да потихонечку, да полегонечку, какъ выражался Гудушка, приводить все къ одному знаменателю. Въ настоящее время злокачественные герои этой правдивой рабовладѣльческой хроники — эти Головлевы, Затрапезные, Струнниковы и проч., почти всѣ разсѣялись; одни нашли себѣ казенныя и частныя мѣста въ большихъ городахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, другіе поступили въ земскіе начальники, третьи пустились въ либеральныя профессіи и коммерческія дѣла, а многіе просто-на-просто пропали безслѣдно, не внеся ничего въ русскую исторію и только доказавъ на самомъ себѣ всю непреложность закона объ измѣнчивости всего земного.

Въ деревняхъ теперь если и живутъ помѣщики, то уже болѣе скромнаго темперамента, правда нѣ безъ недостатковъ и не безъ хищническихъ инстинктовъ, но все это уже не выходитъ за обычный уровень и встрѣчаетъ нѣкоторое сопротивленіе со стороны болѣе опредѣленныхъ юридическихъ нормъ. Многія другія бытовья вещи, столь рельефно нарисованныя мощнымъ перомъ сатирика, происходили въ этихъ-же тверскихъ палестинахъ; такъ, напр., его судъ надъ карасями имѣлъ основую процессъ, бывший въ городѣ Красномъ Холмѣ.

Приволжскіе нравы и типы послужили Салтыкову главною канвой для его сатирическихъ узоровъ. Многія рѣзкія черты малокультурнаго быта обрисованы имъ при описаніи жизни города Глупова, прообразомъ котораго послужили всѣ чисто-русскіе города и прежде всего города волжскаго бассейна въ родѣ Твери, Калязина, Костромы, Ярославля, Вятки и другихъ. Онъ обрисовалъ тотъ переломъ въ ихъ жизни, который произошелъ на нашихъ глазахъ, причемъ подъ именемъ глуповскаго міросозерцанія слѣдуетъ разумѣть наше обще-русское.

III.

Кашинъ и мѣстное производство иностранныхъ винъ. — Городъ Калязинъ и разставаніе съ Тверской губерніей. — Дѣтели и свѣтели этой губерніи.

Отъ Сергіевской пристани идетъ трактъ въ 22 версты до славнаго города **Кашина**, самаго близкаго къ родинѣ М. Е. Салтыкова, неоднократно вспоминающаго въ своихъ сатирахъ какъ этотъ городъ, такъ и его оригинальную промышленность.

Кашинъ живописно раскинулся по берегамъ рѣчки Кашинки, впадающей въ Волгу недалеко отъ Сергіевского у села «Кашинское устье»: Этотъ захолустный городъ достоинъ упоминанія по многочисленности своихъ церквей, по обилію садовъ, но главное — по производству иностранныхъ винъ, долго услаждавшихъ въ былое время неизвращенный вкусъ русскаго средняго обывателя.

Въ Кашинѣ, на 7—8 тыс. жителей, считается 24 церкви, такъ что въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ другіе болѣе древніе русскіе города — Ростовъ, Суздаль, Переяславль, Владиміръ, Вологду, Арзамасъ, Бѣлозерскъ, Муромъ, Новгородъ. Лицъ духовнаго сословія съ семьями считается здѣсь до 600 душъ — около 8—9% всего населенія, такъ что въ этомъ отношеніи Кашинъ превзошелъ даже многіе католическіе центры съ ихъ многочисленными святыми отцами. Хотя въ обширныхъ кашинскихъ садахъ и не произрастаетъ виноградной лозы, но въ исторіи русскаго культуры городъ этотъ сослужилъ большую службу и долго составлялъ нашу гордость. Здѣсь, за двѣ тысячи верстъ отъ виноградныхъ плантацій, водворилось — не безъ содѣйствія высокихъ таможенныхъ пошлинъ — отечественное производство виноградныхъ винъ, что подало даже поводъ нашимъ литературнымъ зоилямъ вышучивать этотъ безобидный городъ. Прежде иностранная вина дѣлались здѣсь, такъ сказать, кустарнымъ способомъ въ небольшихъ погребахъ, потомъ это производство приняло капиталистическій характеръ. Купецъ Терликовъ, а за нимъ извѣстные братья Зызыкины стали посылать отсюда большіе транспорты разнообразныхъ винъ на сотни тысячъ рублей во всѣ концы православной Россіи, такъ что Кашинъ по винодѣлію сразу сталъ важнѣе какихъ-нибудь тамъ Опорто, Малага, Лиссабона или Марсалы. Кто не слышалъ анекдота о томъ, что когда одинъ проѣзжающій чрезъ Кашинъ, захавъ къ знакомому купцу и не заставъ дома, спросилъ о немъ у его сына,

то получилъ въ отвѣтъ: «тятка въ погребѣ хереса размадериваетъ». Въ Кашинѣ производились высокіе сорта винъ: въ 1 р., въ 1½ и даже въ 2 р. бутылка. Главнымъ для нихъ матеріаломъ служилъ разбавленный чихирь, т. е. плохо выбродившее жидкое кизлярское вино, подвозъ котораго былъ удобенъ изъ Астрахани водою. Къ чихирю мѣстные домо-рощенные Либихи и Менделѣвы подбавляли разныя спеціи, и въ результатѣ получались разнообразныя вина лучшихъ иностранныхъ марокъ. Приготовляли не только подмадеренный хересъ, но разлисабонивали портвейны, фабриковали го-сотерны и го-марго (что подало поводъ къ известной остротѣ: дай мнѣ очищенна-Го), дри-мадеры, бордо тре-вье, то самое, которое у Гоголя называлось просто бурдашкой, и т. д. Изготовлялась даже настоящая неподдѣльная ость-индская мадера, подобной которой нѣтъ и не было на самомъ островѣ Мадерѣ; раньше, какъ подмѣчено еще у Гоголя, она называлась въ общежитіи «губернскою», ибо шла въ большіе города и была особенно цѣнима за то, что обжигала полость рта. Это пріятное для любителей ощущение объяснялось тѣмъ, что кашинскіе винодѣлы добавляли въ самодѣльную мадеру изъ чихиря изрядную дозу царской водки (или иначе — азотной кислоты) «для крѣпости», уповавъ вполне основательно на выносливость русскихъ желудковъ, которые еще со временъ святаго равноапостольнаго князя Владиміра пріучились выносить самыя крѣпкія зелья. Про подобныя вина можно сказать словами одного знакомаго намъ сатирическаго поэта, изъ скромности не печатающаго своихъ талантливыхъ произведеній: «съ такимъ виномъ плохія шутки, но къ счастью милостивый Богъ намъ далъ луженые желудки, чтобы его пить каждый могъ». Кромѣ высшихъ сортовъ здѣсь фабриковались, уже безъ малѣйшей примѣси благороднаго винограднаго сока, дешевыя, но превосходныя столовыя вина подъ замысловатыми названіями—Сантуринское, Мускатель и другія, привлекавшія потребителей сладкимъ вкусомъ и пріятнымъ запахомъ. Изобрѣтатели секрета ихъ приготовленія изъ скромности скрывали свои имена, хотя они смѣло могли-бы занять мѣсто въ исторіи технологіи наравнѣ со знаменитыми европейскими изобрѣтателями. Въ печати было высказано какъ-то предположеніе, что вина эти дѣлались изъ красивыхъ остатковъ, но надо думать, что это одна клевета и зубоскальство. Наконецъ, еще характерная особенность здѣшняго винодѣлія, подмѣченная впрочемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отечественныхъ производствахъ, а именно—здѣсь практиковался способъ моментальнаго превращенія винъ одной марки въ другую. Напримѣръ, покупатель спраши-

валь хересовъ, а ихъ не доставало, зато было много портвейновъ; въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ кашинскіе производители обнаруживали большую находчивость, приказывая переклеить хересные ярлыки на портвейны — и покупатель былъ доволенъ, хотя часто и самъ зналъ, что такъ дѣлается, но примирялся съ этимъ, ибо, сбывая товаръ во вторыхъ и третьихъ руки, хорошо понималъ, что потребители еще мало цивилизованы и все равно не отличать хереса отъ портвейна или отъ мадеры. Кашинское производство имѣло въ свое время, т. е. въ 50-хъ, 60-хъ и даже въ 70-хъ годахъ, большой *raison d'être*, такъ какъ вкусы потребителей были неразвиты, желѣзныхъ дорогъ было мало, заграничныя вина обходились очень дорого, и для средняго небогатаго класса приходились очень кстати кашинскія вина въ 25, 30, 40 коп. бутылка, сладость и аромат которыхъ достаточно обманывали вкусъ. Въ небогатыхъ чиновничьихъ и въ богатыхъ купеческихъ семьяхъ всѣ съ наслажденіемъ выпивали по рюмочкѣ какого-нибудь «Мушкатера», который казался для нихъ лучше сухихъ нѣмецкихъ и французскихъ красныхъ и бѣлыхъ винъ. Въ 70-хъ годахъ въ кашинскомъ промыслѣ стало замѣчаться ослабленіе, ибо въ то время развилось винодѣліе въ Ярославлѣ, Нижнемъ и другихъ мѣстахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на это благородное поприще выступилъ извѣстный московскій ораторъ и публицистъ Н. П. Ланинъ, въ заведеніи котораго стало изготовляться великолѣпнѣйшее «русское шампанское» въ 1 р., 1 р. 25 к. и въ 1½ р. за бутылку, которое, обвернутое въ салфетку, успѣшно сходило на провинціальныхъ пирахъ за клико или редереръ. По этому поводу тотъ же сатирическій поэтъ восклицаетъ: «да будетъ мѣсто наше свято, но время то недалеко!.. дворяне жили всѣ богато и пили чистое клико!.. Теперь же, бѣдный россиянинъ, тебя поить въ день именинъ.. замоскворѣцкій житель Ланинъ.. струей своихъ поддѣльныхъ винъ!» Такимъ образомъ изъ Кашина винодѣліе распространилось по другимъ мѣстамъ въ подрывъ своей метрополи, но и этотъ періодъ окончился. Съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ и пароходства, а также съ усиленіемъ русскаго винодѣлія, внутреннія губерніи Россіи стали снабжаться дешевыми бессарабскими, кавказскими и крымскими винами изъ настоящаго винограднаго сока, которыя быстро стали вытѣснять поддѣльныя вина, такъ что въ 80-хъ годахъ кашинскіе, ярославскіе и др. винодѣлы должны были пасть, и теперь о нихъ почти не слыхать. Самъ Ланинъ долженъ выдерживать крайне невыгодную для него конкуренцію со стороны крымскаго и бессарабскаго шампанскаго.

Упадокъ кашинскаго винодѣлія отразился на экономическомъ положеніи города, и жители его теперь только вздыхаютъ о славѣ дней минувшихъ.

Изъ Кашинскаго уѣзда родомъ извѣстный миссіонеръ *Иосифъ Болотовъ*, наша знаменитая пѣвица *Лавровская* (княг. Церетелева), извѣстный профессоръ *А. П. Кунининъ*, а также видный дѣятель въ области техники — инженеръ *А. А. Ауэрбахъ*, основатель перваго въ Россіи ртутнаго завода въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи. До него никто и не подозрѣвалъ о существованіи въ Россіи ртутныхъ залежей, притомъ въ украинскихъ степяхъ, гдѣ до тѣхъ поръ благополучно паслись чумацкіе воны.

Мимо насъ мелькали тѣ же тихіе берега, не имѣющіе того опредѣленнаго характера, какъ на средней и нижней Волгѣ; здѣсь то одинъ берегъ выше, то другой, то оба высокіе, то оба низкіе. Также встрѣчаются валуны, составляющіе отличие этого плеса отъ другихъ; поэтому для низовыхъ волгарей эти каменные гряды представляются неожиданнымъ явленіемъ.

Ночью, проѣхавъ двѣсти верстъ отъ Твери, путникъ, не утратившій еще способности любоваться отраженіемъ луны на серебристой поверхности рѣки и не предпочитающій этому занятію прозаическаго сна, можетъ узрѣть при лунномъ освѣщеніи довольно древній городъ **Калязинъ**, конечно менѣе знаменитый, чѣмъ его сосѣдь Кашинъ, но также имѣющій свои достоинства. Съ его семью церквами онъ широко раскинулся на правомъ берегу Волги. Какой-то особенной тишиной вѣяло отъ спящаго города. Гулко раздавался въ ночномъ воздухѣ стукъ колотушекъ, по которому воры лучше узнаютъ, куда имъ слѣдуетъ направиться, а также лѣнивый лай собакъ. Съ парохода хорошо виднѣнъ Троицкій монастырь, существующій почти 400 лѣтъ и привлекающій немало богомольцевъ; въ немъ четыре церкви, каменная гробница митрополита Серапіона — кашинскаго уроженца; здѣсь же хранится нѣсколько сотъ чугунныхъ ядеръ, оставшихся отъ нашествія поляковъ. Монастырь основанъ преподобнымъ Макаріемъ, имѣетъ до 10 тыс. руб. годового дохода и болѣе 30 т. р. капитала. Недалеко отъ пристани фантастически вырисовывается силуэтъ высоченной пятиярусной колокольни городского Никольскаго собора, какъ бы уходящей въ темныя небеса. Подобныя колокольни на верхней Волгѣ встрѣчаются довольно часто. Въ Калязинѣ жилъ протоіерей *І. Беллюстинъ*, извѣстный своими статьями и корреспонденціями обличительнаго характера въ разныхъ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ, на что духов-

ная власть смотрѣла косо, такъ что отецъ Иоаннъ могъ чувствовать себя своего рода «калязинскимъ Саванаролою» въ миниатюрѣ. Изъ Калязинскаго уѣзда вышелъ также извѣстный профессоръ московскаго университета *Θ. Л. Морошкинъ* (сынъ священника села Васина).

Поселяне Калязинскаго уѣзда занимаются, для пополненія бюджета, тельжнымъ и столярнымъ промысломъ, «варять» (т. е. запариваютъ валеную шерсть, чтобы была тверже) валенки и пр. Изъ нѣкоторыхъ селеній уходятъ подобно ярославцамъ по трактирамъ въ столицы и большіе города.

Въ 17 верстахъ отъ Калязина мы расстаемся съ Тверской губерніей и вступаемъ въ предѣлы Ярославской. Прощаясь съ первой верховой губерніей, не можемъ не вспомнить о тѣхъ людяхъ, которыхъ она дала Россіи, причѣмъ полезно указать не только тверскихъ уроженцевъ, но и дѣятелей, жившихъ временно въ этой губерніи, жизненная обстановка которой не могла не имѣть на нихъ своего вліянія, часто неумовимаго.

Такъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ родился извѣстный писатель, докторъ богословія, епископъ *Хрисанфъ*; здѣсь-же провелъ молодость поэтъ *К. Н. Батюшковъ*. Въ глуши этого уѣзда въ селѣ Татевѣ живетъ въ своемъ имѣніи почтенный культуртрегеръ, уважаемый всѣмъ окрестнымъ населеніемъ, *Сергій Александровичъ Рачинскій*, бывшій профессоръ ботаники московскаго университета, издавшій немало популярныхъ трудовъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ удалился въ глухую тверскую деревню и посвятилъ всего себя на пользу темнаго меньшаго брата. На первыхъ порахъ онъ задумалъ открыть здѣсь начальную школу, но отъ него потребовали свидѣтельства на званіе народнаго учителя, такъ какъ извѣстно, что у насъ, чтобы обучать «азамъ» десятокъ ребятишекъ, требуется особый педагогическій аттестатъ, хотя бы у претендента на столь высокую обязанность и были докторскіе дипломы разныхъ наукъ. Въ этомъ случаѣ—явился кандидатомъ на мѣсто сельскаго учителя самъ Ломоносовъ—и съ него бы потребовали особаго экзамена. Подчинился этому требованію и Рачинскій: онъ съѣздилъ въ Тверь, гдѣ выдержалъ необходимый экзаменъ на званіе народнаго учителя, и со свидѣтельствомъ въ карманѣ принялся за обученіе бѣлоголовыхъ крестьянскихъ ребятишекъ. Объ этомъ эпизодѣ съ Рачинскимъ быстро узнали въ нашей интеллигентной средѣ, что создало ему особую популярность. Онъ быстро освоился съ своей благодарной миссіей и опытомъ выработалъ свою систему преподаванія; изъ татевской школы вышло много сельскихъ учителей, кругомъ стали возни-

гать школы, нашлись и послѣдователи Рачинскаго изъ среды помѣщиковъ и интеллигенціи. Въ г. Бѣжецкѣ родился извѣстный профессоръ исторіи въ Московскомъ университетѣ *Н. А. Поповъ*.

Въ городѣ Осташковѣ мѣстный кожевенный заводчикъ *Д. К. Савинъ*, извѣстенъ на всю Россію какъ по своему производству, такъ и по общественной дѣятельности на пользу родного города. Заводу его исполнилось ровно сто лѣтъ; савинская юфта когда-то считалась первою въ мірѣ: ее выписывали, да и теперь еще выписываютъ, больше всего въ Англію, гдѣ немного отполировавъ и подкрасивъ, называютъ англійскою кожей, и разныя изящныя изъ нея издѣлія ввозятся къ намъ въ Россію. Мѣстный протоіерей *В. П. Успенскій* много сдѣлалъ для археологіи края. Въ г. Ржевѣ родился извѣстный *Тертій Ивановичъ Филипповъ*, воспитанникъ московскаго университета, много писавшій по церковнымъ вопросамъ, нынѣ государственный контролеръ; у него въ городѣ—небольшая усадьба, гдѣ онъ бываетъ каждое лѣто. Во Ржевѣ же долго жилъ извѣстный въ области русской финансовой науки профессоръ московскаго университета и публицистъ *Иванъ Ивановичъ Янжулъ*—большой знатокъ англійской финансовой системы, обратившій на себя вниманіе своею прежнею дѣятельностью въ качествѣ фабричнаго инспектора; здѣсь написалъ онъ и первую свою диссертацию «объ англійскихъ косвенныхъ налогахъ».

Рядомъ, въ Зубцовскомъ уѣздѣ, живалъ *Н. Д. Квашинъ-Самаринъ*, большой знатокъ перваго періода русской исторіи, извѣстный своими историческими и археологическими работами. Въ селѣ Казанскомъ, того же уѣзда, родился въ 1769 году извѣстный русскій драматургъ *Владиславъ Александровичъ Озеровъ*, который учился въ Шляхетномъ корпусѣ, долго служилъ въ Симбирской и Казанской губерніяхъ по лѣсной части, вышелъ въ отставку въ чинѣ генераль-маіора и поселился въ Чистопольскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, гдѣ писалъ свои трагедіи, которыя, какъ напр. «Эдишъ въ Афинахъ», «Дмитрій Донской» и другія производили въ началѣ нынѣшняго столѣтія большой фуроръ; но лучшая трагедія Озерова «Поликсена» была запрещена послѣ первыхъ двухъ представленій. Это такъ потрясло автора, что онъ помѣшался и въ этомъ видѣ былъ перевезенъ въ Тверскую губернію, гдѣ и умеръ въ 1816 г.; теперь не могутъ отыскать даже его могилу. Подобное небрежное отношеніе къ могиламъ выдающихся писателей—явленіе довольно естественное въ странѣ, гдѣ наука и литература не пользуются большимъ респектомъ. По этому

случаю намъ припоминаются поиски могилы Гоголя, похороненнаго, какъ извѣстно, въ Москвѣ въ Даниловомъ монастырѣ. Спрашиваемъ одного монаха — не знаетъ, другого — тотъ спрашиваетъ: какого Гоголя? отвѣчаю — писателя. А мнѣ откуда знать — былъ отвѣтъ — мало-ли у насъ похоронено всякаго народу; ищу сторожа — тоже не знаетъ, и рекомендуетъ обратиться къ отцу казначею, а того за позднимъ временемъ не хотѣлось тревожить, такъ мы и уѣхали, не повидавъ могилы писателя.

Изъ г. Старицы въ XVII в. вышелъ *св. Германъ*, святитель казанскій, а изъ Старицкаго у. — писатель *Евгеній Валентиновичъ де-Роберти*, дѣдъ котораго, французскій выходецъ, сдѣлался тверскимъ помѣщикомъ. Е. В. окончилъ александровскій лицей, но не сдѣлался государственнымъ младенцомъ по примѣру другихъ, а сталъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и наукою, причемъ числился «для чиновъ» по особымъ порученіямъ при министерствѣ финансовъ; онъ и раньше ежегодно ѣздилъ въ Парижъ къ своимъ друзьямъ Литтре, Вырубову и др., а года три назадъ удалился отъ дѣлъ, лѣтомъ живетъ въ деревнѣ, а остальное время въ Парижѣ. Въ ученой литературѣ онъ извѣстенъ своими социологическими и политико-экономическими этюдами и какъ авторъ глубокомысленнаго и туманнаго трактата, изданнаго сперва по-французски, а въ 1880 г. по-русски, подъ скромнымъ названіемъ «Соціологія, основная задача ея и методологическія особенности»¹⁾. Г. де-Роберти лучше пишетъ по-французски, чѣмъ по-русски, и больше даритъ перлами своего философскаго генія прекрасную Францію, чѣмъ незорѣлую Россію, плохо его оцѣнившую. Въ общемъ онъ является послѣдователемъ Конта, котораго впрочемъ дополняетъ собственными теоріями. Въ мѣстныхъ тверскихъ сферахъ онъ извѣстенъ своими оппозиционными рѣчами на дворянскихъ собраніяхъ, а также нефилософскимъ отношеніемъ къ сосѣднимъ крестьянамъ, съ которыми

¹⁾ «Соціологія, основная задача ея и методологическія особенности», мѣсто въ ряду наукъ, раздѣленіе и связь съ біологіей и психологіей; здѣсь онъ исправляетъ ошибки, вкравшіяся въ постановку вопроса о задачахъ социологіи, выправляетъ формулу Спенсера, поднимаетъ социологію на степень естественной науки объ обществахъ, трактуетъ о генезисѣ наукъ, о субъективной и объективной общности, о непрерывности и тождествѣ явленій, о реальныхъ и идеальныхъ законахъ, о позитивизмѣ и философіи эволюціи, о дифференцированіи научно-философской мысли и о другихъ мудреныхъ вещахъ, названія которыхъ натошакъ не выговоришь. Словомъ авторъ, какъ говорится, позналъ истину, чего, какъ извѣстно, тщетно добивалась философія древняго и новаго времени, нашъ же русскій доморощенный О. Контъ взялъ да позналъ.

онъ очень строгъ, чтобы не сказать болѣе. Въ Старицкомъ же уѣздѣ былъ помѣщикъ *И. Е. Великопольскій* умершій въ 1868 г.; онъ писалъ драмы и въ 1842 г. изобрѣлъ новый способъ обработки льна.

Въ г. Торжкѣ родился *А. А. Воскресенскій*, бывший профессоръ химіи и попечитель харьковскаго учебнаго округа, умершій въ 1879 году, который оставилъ о себѣ добрую память, какъ гуманный человѣкъ съ широкими взглядами. Недалеко отъ этого города, 60 лѣтъ назадъ, съ октября 1828 года до января 1829 года жилъ *Пушкинъ*, въ имѣніи его друзей Вульфовъ, куда онъ уѣхалъ «дикій и суровый и звуковъ и смятенья полонъ» отдыхать отъ петербургской суеты и интригъ. Здѣсь онъ закончилъ свою «Полтаву», написалъ къ ней посвященіе, а потомъ свое сильное лирическое произведеніе «Анчаръ». Послѣ того бурная душа поэта успокоилась, онъ написалъ нѣсколько сатиръ и шутивныхъ писемъ къ петербургскимъ друзьямъ, въ одномъ изъ коихъ между прочимъ есть такое мѣсто: «здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы изъ «Онѣгина» и стращаютъ мною дѣтей, какъ букой, а я ѣзжу на паромѣ и играю въ вистъ по 8 гривенъ роберъ...» Новоторжскому уѣзду принадлежить извѣстная семья Бакуниныхъ; изъ нихъ выдается земскій дѣятель *А. А. Бакунинъ*, который поступилъ въ крымскую кампанію рядовымъ съ цѣлю выслужить прощеніе своему брату, извѣстному эмигранту *М. Бакунину*, бывшему въ то время въ Сибири. Въ дер. Шевелинѣ Повѣдской волости этого-же уѣзда, въ 30 верстахъ отъ Торжка, извѣстенъ крестьянинъ *Василій Кирилловъ Сютаевъ*¹⁾, умершій весною этого (1892) года; его многіе склонны были считать за основателя особой секты, хотя на самомъ дѣлѣ, что видно изъ разныхъ о немъ матеріаловъ, за нимъ вовсе нельзя признать этого значенія. Съ молодю Сютаевъ жилъ въ каменщикахъ въ Петербургѣ, потомъ сталъ торговать монументами; когда ему было за 40 лѣтъ—онъ выучился грамотѣ и углубился въ Евангеліе, причемъ скоро увидалъ все несоотвѣтствіе евангельской правды съ дѣйствительной жизнью, что «вездѣ ложь, всюду неправда». Подъ впечатлѣніемъ такого небезосновательнаго вывода онъ продалъ магазинъ, вырученныя деньги роздалъ бѣднымъ, должникамъ простилъ ихъ долги и уѣхалъ въ деревню устраивать жизнь «въ мирѣ и согласіи», по евангельски; здѣсь онъ началъ съ того, что снялъ всѣ замки съ клѣтѣй и амбаровъ, но когда у него было раста-

¹⁾ Болѣе подробно о немъ у Пругавина («Русская Мысль», 1881 г., № 10 и 12, 1882 г., № 1), у Колышко («Очерки современ. Россіи, Спб., 1887 г., стр. 93—120) и другихъ.

щено все содержимое, сталь опять запираць. Вскорѣ мѣстный священникъ оскорбилъ ¹⁾ его завѣтныя думы; онъ порвалъ съ церковью, пересталъ соблюдать обряды, не постился и не говѣлъ, увѣряя, что грѣшитъ и каяться—одно фарисейство, пересталъ посѣщать церковь, «потому что тамъ поють и читають на непонятномъ языкѣ и молитвы и самыя таинства покупаются за деньги», вынесъ изъ избы иконы, самъ похоронилъ своего ребенка, отпустилъ свою дочь въ гражданское сожителство безъ вѣнчанія, не крестилъ дѣтей, отказался было платить подати, но посидѣвъ за это въ кутузкѣ началъ вносить безнедоимочно. Сютаевъ проповѣдывалъ на улицѣ, уговаривая всѣхъ «жить по духу, а не по плоти», пусть-де на первомъ планѣ «будутъ добрыя дѣла и любовь, пусть все будетъ обчее; когда всѣ такъ будутъ жить, то не будетъ и бѣдныхъ, всѣмъ будетъ хорошо». За подобныя «идеи» Сютаевъ, какъ и слѣдовало ожидать, почти все время находился подъ судомъ, ибо противъ такихъ непризванныхъ апостоловъ имѣются соотвѣтственныя статьи Уложенія о наказаніяхъ; если же онъ и не угодилъ въ мѣста весьма неблизкія, то лишь потому, что скоро убѣдились въ его безвредности и незлобivosti, а также и по тому основательному соображенію, чтобы болѣе строгое преслѣдованіе не подняло значенія Сютаева и не создало ему массу новыхъ послѣдователей. Интересно, между прочимъ, знакомство его съ другимъ, болѣе знаменитымъ, вѣщателемъ истинной вѣры Л. Толстымъ, который въ 1882 г. посѣтилъ Вѣжецкій уѣздъ, былъ у Бакунина и оттуда заѣзжалъ въ Шевелино. Сютаевъ отдалъ ему визитъ, сходилъ пѣшкомъ въ Ясную Поляну, гдѣ десять дней бесѣдовалъ о Евангеліи; Сютаевъ имѣлъ понятіе и о Пашковѣ, но не одобрялъ его за то, что тотъ проповѣдывалъ одну вѣру, а не дѣла.

Кромѣ Л. Н. Толстого у Сютаева были Пругавинъ и др., чѣмъ онъ всегда гордился, а особенно тѣмъ, что про него писали: «анъ выходитъ что сувсімъ я не дуракъ, коли про меня такъ много пишутъ». Видѣвшіе Сютаева пишутъ, что по своему невзрачному виду онъ менѣ всего походилъ на апостола, за то привлекалъ къ себѣ добродушіемъ и вообще производилъ впечатлѣніе честнаго и наивнаго мечтателя. Ближайшее его начальство—волостной старшина аттестовалъ его такъ: «мужикъ справный, опять хозяйство, поведеніе, одно слово — въ лучшемъ видѣ; что и говорить — хорошій мужикъ! Только путанникъ — мелеть безъ толку, а

¹⁾ Оскорбленіе объясняютъ тѣмъ, что священникъ грубо отнял у Сютаева Евангеліе и ругалъ его за толкованія.

начальство изъ-за его беспокоится». Своей простотою, вызывающей симпатіи, Сютяевъ нѣсколько напоминалъ о. Іоанна Кронштадтскаго, но конечно не имѣлъ и сотой доли его популярности, и послѣдователей у него немного. Первымъ и рьянымъ послѣдователемъ явился его сынъ, который при призывѣ къ воинской повинности отказался принять присягу и взять ружье въ руки, упирая на то, что въ Писаніи сказано: «не клянитесь» и что «къ чему теперича я буду клятву держать? къ пролитію крови, до послѣдней капли? да нешто это возможно?.. гдѣ же это сказано, чтобы другъ дружку убивать, кровь человѣческую проливать... зачѣмъ мнѣ ружье брать? для убивства вѣдь оно! а кого-жъ убивать, коли мы всѣ братья...» Такъ ничего съ нимъ и не подѣлали, и пришлось отправить его въ арестантскія роты. Вообще въ Сютяевѣ воплотилось первое и самое мягкое проявленіе новыхъ формъ раскола въ отличіе отъ старыхъ съ ихъ болѣе вѣшними отбѣнками. Онъ былъ просто изъ числа рационалистовъ, какіе теперь чаще стали встрѣчаться, и мысли, подобныя сютяевскимъ, встрѣчаются у отдѣльных «умственныхъ» крестьянъ во многихъ мѣстахъ обширной Россіи. Намъ довелось видѣть въ окрестностяхъ Петербурга одного бродячаго торговца полотнами, который подобно Сютяеву говорилъ противъ обрядовъ, упрекалъ всѣхъ въ язычествѣ и указывалъ, что онъ самъ держится истинной вѣры — «евангельской»; его пробовалъ переубѣдить мѣстный почтенный протоіерей, но безуспѣшно. Изъ Вышневолоцкаго уѣзда вышелъ извѣстный ученый геологъ — *А. А. Штукенбергъ*, нынѣ профессоръ Казанскаго университета, много сдѣлавшій для изученія почвенныхъ условій сельскаго хозяйства въ средневожскомъ бассейнѣ. Нельзя забыть также и знаменитаго механика-строителя, крестьянина *Сердюкова*, родомъ изъ калмыковъ, которому Петръ Первый поручилъ устроить вышневолоцкую систему. Сердюковъ, никогда не слыхавшій о существованіи инженернаго искусства, въ 1757 году выстроилъ хорошо, прочно и дешево обширныя водохранилища и знаменитый резервуаръ около Вышняго Волочка; все — изъ дерева, но держалось лучше каменныхъ сооружений, оплачиваемыхъ нынѣ чуть не на вѣсь золота.

Другіе города и уѣзды Тверской губерніи также дали немало «питомцевъ славы и знанія». Самый сѣверный уѣздъ — Весьегонскій — далъ цѣлый рядъ земскихъ дѣятелей, напр. *П. А. Корсакова* — нынѣ управляющаго петербургской казенной палатою, много работавшаго по вопросамъ о земскихъ и прямыхъ налогахъ, *Родичева*, *Гронскаго* и др.; здѣсь же

появился первый вольный земскій врач *Таировъ*, описанный Пругавинымъ. Въ этомъ же уѣздѣ проживалъ крестьянинъ Хабацкой волости *Ив. Трофимовъ* — самоучка, написавшій философскій трактатъ. Вспоминаютъ въ губерніи и всегонскаго помѣщика *Луку Кисловскаго*, который, будучи владѣльцемъ 4 тыс. десятинъ, вдругъ вздумалъ опроститься еще за долго до воззваній Л. Толстого; онъ носилъ крестьянскій костюмъ, бороду, лапти, поступилъ въ волостные писаря и въ 1861 году явился къ посреднику просить о припискѣ его къ податному званію; когда же посредникъ, недоумѣвая, спросилъ его: но вѣдь вамъ придется нести всѣ тяготы и неприятели, сопряженныя съ крестьянскимъ званіемъ, то К—ій горячо воскликнулъ; да вы взгляните на меня, неужто я при моей-то комплекціи не вынесу 20 ударъ розогъ». Значить онъ пошелъ дальше того защитника розогъ, который въ «Гражданинѣ» (отъ 5 декабря 1892 г.) изъявляетъ готовность, для большей доказательности, самъ подвергнуться экзекуціи, для чего и сообщаетъ свой точный адресъ. Наконецъ — уроженцемъ Тверской губерніи былъ извѣстный профессоръ философіи и словесности Московскаго университета въ эпоху сороковыхъ годовъ *Ив. Ив. Давыдовъ* (1794—1863), впоследствии директоръ педагогическаго института, академикъ и сенаторъ.

При прощаніи съ Тверской губерніей остается упомянуть о томъ, что при надѣлѣ въ $4\frac{1}{2}$ десятины на душу, что теперь обратилось въ 3 дес. вслѣдствіе прироста населенія, хлѣба достаетъ приблизительно на полугодичную пропорцію. Для покупки недостающаго количества населеніе прибѣгаетъ къ промысламъ, а 120 тыс: душъ, или около $\frac{1}{5}$ взрослога рабочаго населенія обоего пола, уходитъ на заработки въ столицы и другія губерніи; большая часть остающихся занимается разными промыслами. Поддержанію экономическаго быта въ свое время немало способствовало здѣшнее земство.

IV.

Ярославская губернія и ея обитатели. — Проблески цивилизаціи. — Древній городъ Угличъ. — Эпизодъ съ ссыльнымъ колоколомъ. — Мѣстные промыслы. — Мышкинъ. — Рѣка Молога и Тихвинская система. — Городъ Молога. — Воспоминаніе о Сити. — Ярославцы за границей. — Шексна и Маринская система. — Рыбинскъ и его торговое значеніе. — Видъ города.

Изъ Тверской губерніи, въ предѣлахъ которой Волга на протяженіи 642 верстъ изъ незамѣтнаго родничка вырастаетъ въ большую рѣку, она входитъ, спокойная и мощная, въ предѣлы родной Ярославской губерніи, составляющей вмѣстѣ съ Московской и Владимірской безподмѣсный русскій край, гдѣ только и можно видѣть сплошное великорусское племя. За 217 верстъ отъ Твери слѣва впадаетъ въ Волгу маленькая рѣчонка съ характернымъ названіемъ «Зарубежка», раздѣляющая двѣ губерніи. По правому берегу Волги тянется Угличскій уѣздъ, а по лѣвому Мышкинскій, гдѣ еще до пришествія князей жили разныя племена съ мудреными названіями.

Ярославская губернія, дающая намъ бойкихъ и сметливыхъ молодцовъ, одинаково ловкихъ и въ торговой, и въ промышленной сферѣ, представляетъ типичный русскій край, который, какъ говорится у того же поэта, мѣстнаго уроженца, «оригинальности имѣетъ отпечатокъ; не то, чтобъ въ деревняхъ трактиры были рай, не то, чтобъ въ городахъ писцы не брали взятокъ»; но въ ней повсюду вѣетъ мирной русской простотою, всюду чисто русскія картины, какихъ не увидишь въ европейскихъ странахъ, искаженныхъ культурою. Тамъ населеніе жметъ и податься ему некуда, а нашъ шустрый ярославецъ, которому нечего дѣлать у земли, всегда и вездѣ найдетъ, гдѣ промыслить себѣ хлѣбъ, а часто и нажить такую деньгу, какойъ отъ земли «ни въ жисть» не достанешь. Впрочемъ, кто не знаетъ ярославцевъ, кому неизвѣстно, что это самое сметливое и бойкое изъ всѣхъ русскихъ племенъ. Недаромъ эти люди «русской природы, ярославской породы» излюбили трактирный и лавочный промыслы; недаромъ изъ нихъ вышло столько сѣрыхъ министровъ и капиталистовъ. Это большею частью народъ бывалый, видавшій виды и хлебнувшій внѣшней трактирной цивилизаціи. Кто не видалъ типичныхъ половыхъ, которые съ ловкостью акробата

(они хорошо изображены у Гоголя) носят как вихрь, съ грудой чашекъ и стакановъ въ одной рукѣ, держа въ другой тарелку съ налитыми до краевъ рюмками живительной влаги, причемъ ни одна капля не расплеснется: — хоть сейчасъ въ циркъ показывать фокусы жонглированія съ наполненной посудой! а насчетъ услуги—это первый въ мірѣ народъ, далеко оставляющій за собой и французскихъ гарсоновъ, и нѣмецкихъ кельнеровъ, и ресторанныхъ татаръ ¹⁾).

Въ Ярославской губерніи значительная часть мужского населенія бываетъ въ разныхъ столицахъ, почему у нихъ и является особая повадка, выдвигающая ихъ изъ общей массы сѣраго люда, поднимающая ихъ надъ всѣми этими землероями и борноволоками, часто ничего не выдавшими кромѣ своей деревни и ближняго базара. Вездѣ, даже въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, замѣчается наклонность къ чистотѣ, почему и сложилось присловіе «ярославцы-бѣлотѣлы». Прежде всего полированность ярославцевъ выразилась, конечно, въ одеждѣ, причемъ франтовство проникло и въ дальніе углы губерніи. Эту же показную, «трактирную» цивилизацію ярославцы разносятъ и въ другія губерніи, заражая ею и чисто-земледѣльческое населеніе, гдѣ молодое поколѣніе значительную часть заработка употребляетъ на европейскій костюмъ, который притомъ носить не тогда, когда нужно, и какъ говорится, не по сезону, а чаще «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ». Объ этомъ франтовствѣ много писалось, и почти всегда оно ставилось въ упрекъ русскому народу. Люди извѣстнаго направленія всегда склонны видѣть въ этомъ упадокъ народныхъ нравовъ, усматривая здѣсь новый поводъ къ обвиненіямъ противъ нашего мужика, который-де вздумалъ подражать западной модѣ вмѣсто того, чтобы, не покладая рукъ, больше работать въ видахъ болѣе полнаго процвѣтанія привилегированныхъ классовъ. Эти господа требуютъ, чтобы дѣло оставалось *statu quo*, чтобы попрежнему «работали грубыя руки... оставляя почтительно намъ... погружаться въ искусства, въ науки... предаваться страстямъ и мечтамъ».

¹⁾ Ярославцы не чужды и поэзии; на Новый годъ и на Пасху половые большихъ трактировъ часто подносятъ посѣтителямъ поздравительные стихи. Намъ вспомнилось одно такое характерное поздравленіе половыхъ большого московскаго трактира, въ которомъ между прочимъ говорится: «Ярославцы очень рады... всѣхъ желанья исполнять... для нихъ нѣтъ больше отрады, какъ бы гостю угодить... Мы учливо и пророчно... все, что нужно, подадимъ... честно, ласково, покорно... Вашей чести угодимъ».

За этимъ обвиненіемъ нельзя признать большой силы, и франтовство, при отсутствіи другихъ развлеченій въ скудной радостями народной жизни, нельзя ставить въ большую вину. Правда—это явленіе не особенно отрадное, указывающее на низкій культурный уровень, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно до нѣкоторой степени переходное и служитъ ступенью къ болѣе прочной внутренней культурѣ. Въдѣ тотъ-же порокъ, если его считать таковымъ, присущъ и нашимъ высшимъ классамъ, такъ что обвинителямъ народа можно сказать въ свой чередъ, что они въ своемъ глазу бревна не замѣчаютъ.

Обращаясь къ подражанію модѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что въ Ярославской губерніи, да и не въ ней одной, въ большіе праздники, даже въ жаркое время, парни надѣваютъ спивжакъ, жилетъ при часахъ, толстое драповое пальто, драповый картузь, въ который для шикю иногда втыкается цвѣтная булавка; панталоны непременно на выпускъ, сапоги въ резиновыхъ калошахъ, или въ кожаныхъ со скрипомъ, въ рукахъ зонтикъ. Такіе импровизованные европейцы, хотя и чувствуютъ себя крайне стѣсненными въ несвойственномъ нарядѣ, но не желаютъ утратить grand chic; за то во время дождя они снимаютъ не только калоши, чтобы ихъ не испачкать, но и сапоги, а зонтикъ прячутъ, чтобы его не замочило. За сапоги съ калошами платится 10—12 и даже 15 рублей, т. е. почти весь годовой податной окладъ. Такой расходъ позволяютъ себѣ не только пожившіе въ Питерѣ и Москвѣ, но и мѣстные крестьянскіе парни, ходящіе за сохою и имѣющіе только одну лошадь; о нихъ даже сложилась поговорка: «На дворѣ три лошади: одна бура, друга будетъ, третью ладятся купить». Дѣвки и молодіцы также рядятся, носятъ бурнусы, дипломаты, барежевыя и шелковыя платья въ обтяжку, что вовсе не идетъ къ нимъ; бываетъ, что даже въ холодную погоду онѣ носятъ соломенные и шелковыя шляпки; давно также вошло въ моду бѣлиться и румяниться, не смотря на хорошій природный цвѣтъ лица, которому смѣло могутъ завидовать питерскія дамы и барышни. Впрочемъ, сами-же деревенскія франтихи иронизируютъ въ сочиненныхъ ими пѣсняхъ надъ собою и надъ франтами парнями; такъ—онѣ поютъ: «на моемъ на миленькомъ сапоги съ калошами»; а о себѣ такъ: «я на первый рубль—бѣлиль, на второй—отъ рубль мазиль, а на третій рубль сурмиль; приду домой—набѣлюсь, а мазиломъ намажусь, черны брови подведу...» Въ домахъ тоже стремятся соблюдать нѣкоторый лоскъ, чтобы не казаться «сѣрыми». Питерскіе «съ деньгами» строятъ домики затѣливой архитектурѣ.

туры; непитерскіе также не хотятъ отстать, и у нихъ въ избахъ часто встрѣчаются стулья, кровати, комоды, зеркальца, занавѣски, цвѣты, фотографическія карточки, олеографіи, гармоніи и тому подобныя вещи, безъ которыхъ легко обходится настоящій мужикъ-землерой. Особенно задають тонъ наѣзжіе изъ столицъ ярославцы, старающіеся изъ всѣхъ силъ пустить пыль въ глаза родной деревнѣ. Здѣсь они стараются казаться первыми людьми, хотя и не слышали объ извѣстномъ изреченіи Юлія Цезаря; держатъ они себя съ большимъ тщеславіемъ, удостойвая болѣе близкаго знакомства только мѣстныхъ аристократовъ въ родѣ волостного писаря, старшины, фельдшера, а иногда даже и учителя.

Въ Ярославской губерніи Волга еще круче поворачиваетъ къ сѣверу; пароходъ бѣжитъ мимо невысокихъ, но довольно живописныхъ и населенныхъ береговъ. Достаточно сказать, что между Калязиномъ и Угличемъ, на пространствѣ 49 верстъ по берегамъ Волги и не далѣе трехъ верстъ отъ нея, расположено 62 селенія, изъ нихъ 32 на самомъ берегу. Въ деревнѣ Новоселкѣ, верстъ пять не доѣзжая Углича, родился въ 1840 г. извѣстный поэтъ-самоучка *И. З. Суриковъ*, который потомъ переселился въ Москву, гдѣ торговалъ углемъ, потомъ держалъ крошечную желѣзную лавку, а между дѣломъ писалъ задушевные стихи, помѣщенные въ разныхъ иллюстрированныхъ изданіяхъ; въ нихъ, подражая Некрасову, онъ являлся печальникомъ горя народнаго. Трудныя житейскія обстоятельства и разныя другія впечатлѣнія, тяжелыя для тоскующей души поэта, развили въ немъ чахотку, отъ которой онъ и умеръ въ 1880 г.

Рано утромъ, передъ глазами любознательнаго путника, развѣртывается на невысокомъ правомъ берегу оригинальная понарама **Углича**, города близкаго русскому сердцу. Видъ города не обманываетъ ожиданій. Онъ вовсе не походитъ на современные города, чисто чиновные или меркантильные, а сохраняетъ свою благородную, патриархальную осанку. Первобытная набережная, деревянные дома съ крутыми крышами, осѣненные густою зеленью, древнія церкви, выдвинувшіяся на самый берегъ, какъ въ другихъ древнихъ городахъ—ото всего вѣтъ стариною и какимъ-то особеннымъ міромъ. Умъ невольно переносится за полтысячи лѣтъ назадъ, когда эти многочисленные тѣсные храмы наполнялись простодушными горожанами, жившими подъ вѣчнымъ опасеніемъ усобицъ, разграбленій, нашествій, труса, мора и др. напастей. Нѣсколько нарушаетъ иллюзію временная парадная пристань, воздвигнутая на берегу передъ

соборомъ, и приткнувшійся тутъ-же пловучій звѣринецъ, устроенный на палубѣ большой баржи; изъ глубины его слышалось глухое рычаніе невиданныхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ звѣрей, сильно интриговавшее собравшихся на берегу ребятишекъ.

* Угличъ построенъ подковою, ибо Волга образуетъ здѣсь уголъ (отчего, говорятъ, произошло и самое названіе города). Въ полуверстѣ отъ пристани лежитъ центральная площадь, отъ которой радіусомъ идутъ довольно чистыя и вымощенныя улицы. При ближайшемъ ознакомленіи съ планами русскихъ городовъ можно замѣтить, что древнѣйшіе изъ нихъ построены по тому-же плану, какъ и извѣстный изъ географіи Карлсруэ, въ которомъ указывается та же особенность постройки: центръ, и отъ него радіусами улицы. Это представляло немалое удобство и въ отношеніи обороны, такъ какъ, при частыхъ нападеніяхъ, жители города могли быстро стекаться какъ для его обороны, такъ и для самозащиты къ центру, гдѣ устраивался кремль. Подобныя планы, кромѣ Углича, до сихъ поръ сохраняютъ: Кострома, Нижній Новгородъ, Ярославль, Пошехонье, Ростовъ, Москва и др. города, причемъ въ Москвѣ радіусы идутъ отъ Кремля во всѣ стороны.

Близъ пристани бѣлѣтся характерная древняя церковь Флора и Лавра, а за четверть версты, также на берегу, расположена та группа построекъ, которая именно и привлекаетъ туристовъ: соборъ, дворецъ царевича Дмитрія, церковь Дмитрія на крови и пресловутый сѣмьный колоколь — все это, какъ говорится, въ одной горсти; тутъ же общественный садъ и сзади присутственныя мѣста. Дворецъ представляетъ небольшое двухъ-этажное зданіе старинной архитектуры, похожее скорѣе на павильонъ; рядомъ остатки фундаментовъ свидѣтельствуютъ, что прежняя постройка была обширнѣе; выстроенъ онъ 430 лѣтъ тому назадъ и реставрированъ окончательно въ прошломъ году. Наверху одна большая комната, обращенная въ музей, гдѣ собраны предметы, напоминающіе о несчастномъ царевичѣ; гробница, въ которой мощи его перенесены въ Москву, носилки, на которыхъ несли его тѣло; на нихъ уцѣлѣли слѣды краснаго сукна, растащенного посѣтителями, приписывающими ему цѣлительныя свойства; въ музей находятся также портреты русскихъ царей и другія вещи. Внизу пустая комната вродѣ подвала, куда ведетъ стариннаго фасона желѣзная дверь. Въ этомъ дворцѣ когда-то занимался науками князь Константинъ Всеволодовичъ, пировалъ съ приближенными Шемяка, составившій себѣ популярность своимъ оригинальнымъ судомъ,

здѣсь содержались въ заточеніи Василиій Темный и даже шведскій принцъ Густавъ. Послѣдній былъ изгнанъ своимъ братомъ изъ Швеціи, бѣжалъ въ Россію, но и здѣсь ему не повезло. Борисъ Годуновъ заточилъ его въ Угличъ за отказъ жениться на его дочери Ксеніи.

Царевичъ Дмитрій былъ убитъ шагахъ въ сорока отъ дворца, и на этомъ мѣстѣ построена небольшая древняго стила церковь «Дмитрія на крови», выкрашенная въ кровавый цвѣтъ, съ низкими сводами; на одной изъ стѣнъ изображена сцена убіенія. Въ десяти шагахъ отъ церкви на деревянныхъ столбахъ подвѣшенъ небольшой колоколъ, привезенный сюда въ прошломъ году, въ день трехстолѣтія убіенія, и прогремѣвшій на всю Россію, такъ какъ о немъ много писалось во всѣхъ русскихъ газетахъ. Извѣстно, что 15 мая 1591 г. на колокольнѣ церкви Спаса зазвонили въ набатъ, возвѣщая смерть царевича. Дальше изъ исторіи извѣстно, что было: угличанъ за то, что вмѣшались не въ свое дѣло, жесточайшимъ образомъ наказали, начавъ съ того, что многимъ поотрубили головы, чтобы не думали объ истинной причинѣ смерти Дмитрія, другимъ поотрѣзали языки, чтобы не болтали объ этомъ прискорбномъ событіи, многихъ просто утопили въ матушкѣ Волгѣ, а прочихъ людшекъ сослали въ Сибирь, гдѣ изъ нихъ образовался даже новый городъ Пелымъ, куда потомъ сосланы русскіе историческіе люди въ родѣ Миниха. Всего было казнено болѣе 200 душъ.

Безпощадные каратели не оставили въ покоѣ и неодушевленный предметъ — колоколъ; отъ великой ярости они сослали его въ Тобольскъ, вырвавъ ему предварительно полъ-уха, подобно тому, какъ у преступниковъ рвали ноздри. Прошло три вѣка, и, казалось, о немъ должны были забыть. Съ колокольни тобольскаго собора его сняли и перенесли въ мѣстный музей, купившій его за 600 руб. Но угличскіе граждане не таковы: они не забываютъ историческихъ заслугъ, да притомъ и другихъ живыхъ общественныхъ вопросовъ у нихъ не было, такъ что еще съ 1887 г. они стали хлопотать о возвращеніи колокола въ родной городъ къ 300-лѣтію «убіенія». Этотъ вопросъ долго занималъ и столбцы русскихъ газетъ, которыя такъ любятъ описывать разныя торжества, юбилеи, проводы, встрѣчи, балы и разныя событія на «ины». Но въ этомъ вопросѣ просмотрѣли своего рода скрытый комизмъ, въ которомъ сквозить и печальная нотка. Прежде всего, когда была подана просьба о возвратѣ колокола, редакторъ неофициальной части «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» (1888, № 5) горячо возсталъ противъ этой затѣи

и разливался горькими слезами: «Больно было бы намъ, тоболякамъ, привыкшимъ уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ считать угличскій колоколь своимъ неотъемлемымъ достояніемъ, лишиться его безвозвратно. Дозволяемъ даже себѣ думать, что съ потерей его нашъ древній городъ, и безъ того уже значительно стужевавшійся въ сферѣ экономическаго быта, потеряетъ еще болѣе своего значенія. Но Богъ милостивъ, будемъ надѣяться, что съ помощью Его и разсѣется грядущая на насъ туча». Но на эту іереміаду послѣдовалъ хорошій отвѣтъ другаго тоболяка («Сибирская Газета», 1888 г., № 43).

«Какую роль игралъ этотъ «поселенецъ» въ нашей жизни? Бывало, прїѣдетъ кто-нибудь изъ Россіи и первымъ дѣломъ на Софійскую колокольню! Подойдетъ къ «корноухому», треснетъ его пальцемъ въ перчатку и съ сознаниемъ собственной безупречности произнесетъ: «что, негодяй, не умѣлъ молчать, когда того требовалъ «духъ времени», вотъ и виси!» Въ эти минуты «корноухій» издавалъ какіе-то странные звуки: въ нихъ слышалось не то сожалѣніе о родинѣ, гдѣ ему отрубили ухо, не то привѣтъ счастливцу, который умѣлъ молчать во всякое время... Теперь думаютъ возвратить «корноухаго» на родину. Съ Богомъ! Пусть хоть на старости лѣтъ повидаетъ родныя мѣста! Зачѣмъ намъ это безухое, мѣдное существо, съ клеймомъ на лбу, гдѣ ясно обозначено его преступленіе? Какъ историческій памятникъ, свидѣтельствующій о томъ, что было возможно на Руси въ 1593 году, «корноухій» въ Тобольскѣ совершенно не кстаети. Мы вѣдь не занимаемся историческими параллелями для опредѣленія мѣропріятій въ «духъ времени», и для насъ безразлично, какъ отнесутся къ намъ историки въ слѣдующемъ вѣкѣ. Чего другого, а умѣнья «прислушиваться», «вникать», «сообразоваться» у насъ всегда было и есть достаточно... Въ Россіи «корноухій» будетъ полезенъ. Тамъ совершаютъ судьбы, тамъ и строптивые водятся...»

Небезынтересно и то, что тобольскія власти также были противъ возвращенія историческаго колокола, но святѣйшій синодъ, по тщательномъ разсмотрѣнн дѣла, склонился на сторону угличанъ; затѣмъ съ рѣдкою въ Россіи скоростью, ровно черезъ три года по подачѣ прошенія, состоялся указъ въ смыслѣ разрѣшенія взять мятежный колоколь на родину, тѣмъ болѣе, что вина его заглажена трехсотлѣтнею давностью.

Отъ С.-Петербурга до Углича (разстояніе 590 верстъ) указъ шель пять мѣсяцевъ (по 4 версты въ день) и былъ полученъ только въ сентябрѣ 1891 г., когда уже поздно было плыть за колоколомъ въ Тобольскъ.

Посольство за нимъ было отложено до навигаціи нынѣшняго года (1892), и съ первыми пароходами три углицкіе купца, уполномоченные отъ думы, поплыли въ Тобольскъ, гдѣ тотчасъ по прибытіи взяли колоколь, уплативъ музею его расходы, и въ тотъ же день, какъ бы боясь, чтобы у нихъ не отняли такой драгоцѣнности, отплыли во-свояси. А тѣмъ временемъ въ углицкой думѣ шли засѣданія особой комисіи по выработкѣ программы торжественной встрѣчи колокола. Въ этихъ засѣданіяхъ, въ силу ихъ особаго характера, не подавалось обычнаго чая, а были введены въ обиходъ крѣпительные напитки для возбужденія большей фантазіи, безъ которой нельзя было выработать хорошей программы. Какъ писали въ нѣкоторыхъ газетахъ, въ расходной книгѣ углицкой городской управы значились такіе расходы: на засѣданіи такого-то числа куплено дюжина пива, такого-то числа куплена четверть водки и т. д. въ этомъ духѣ. Зато программа была составлена великолѣпно, и колоколь былъ встрѣченъ подобающимъ образомъ. Для описанія столь высокаго зрѣлища обыкновеннаго таланта недостаточно, и одинъ изъ гениальныхъ писателей, сотрудничающихъ въ «Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», изобразилъ такъ это великое событіе (№ 23 за 1892 г.):

«Граждане глубоко внимали звукамъ привезеннаго колокола, не обращая ни на что другое своего слуха: кто молился за пострадавшихъ предковъ, за процвѣтаніе многострадавшаго и униженнаго града, кто стоялъ, понутивъ голову, кто вздыхалъ, а кто и тихо плакалъ. Духовенство возвратилось въ соборъ. Народное чувство продолжало выражаться: граждане сами подходили подъ колоколь и подносили своихъ дѣтей, гладили его руками, прикладывали къ нему свои головы, крестились при взглядѣ на него, любовались имъ и долго не расходились».

Добавимъ къ этому, что колоколь встрѣчало болѣе десяти тысячъ народа, что многіе принимали платки, прикладывали ихъ къ колоколу и потомъ обтирали физиономіи, чтобы перенести на нихъ часть святости съ колокола. Словомъ, все шло, по выраженію ярославцевъ, въ лучшемъ видѣ, и всѣ христіанскія души могли только радоваться. И вдругъ оказалось, что эта прекрасная эпопея была продѣлана ради призрака или, проще говоря, вышло много шума изъ ничего. Колоколь оказался не настоящимъ ссыльнымъ, а совсѣмъ другой, имѣющій съ нимъ общаго одинъ только вѣсъ — 19 пудовъ. Каково было узнать объ этомъ! Каковъ ударъ для патріотическихъ душъ! Знаменитые русскіе ученые, осматривавшіе колоколь, съ перваго раза усомнились въ его подлинности: и

форма не та, и надпись на немъ не XVI, а XVIII столѣтiя; сомнѣнiя ихъ подтвердились и лѣтописными указанiями, изъ которыхъ ясно, что еще въ 1677 г., т. е. 215 лѣтъ тому назадъ, во время большаго тобольскаго пожара углицкiй колоколь вмѣстѣ съ другими «раздался, растопился безъ остатку»¹⁾, а затѣмъ изъ разныхъ кусковъ былъ вновь отлитъ похожiй колоколь. Такимъ образомъ все было напрасно: и тоболяки печалились напрасно, и угличане хлопотали, тратились и торжествовали напрасно: имъ возвратили совсѣмъ другой колоколь позднѣйшаго литья²⁾. Но блаженъ, кто вѣруеть, и простыхъ людей разочаровывать не приходится,—зачѣмъ вносить смуту въ ихъ неиспорченныя сердца? Пусть думаютъ, что колоколь, повѣшенный на столбахъ около дворца царевича Дмитрия, дѣйствительно ссыльный, безвинно пострадавшiй. Вѣдь отъ этого ни у кого ничего не убудеть, и ученые совершенно напрасно подняли этотъ вопросъ...

Угличъ принадлежитъ къ самымъ древнимъ городамъ на Руси и основанъ еще при Великой Княгинѣ Ольгѣ, т. е. считается на плечахъ маузаиловъ возрастъ — около 940 лѣтъ. Здѣсь было самостоятельное удѣльное княжество и былъ даже ученый князь Константинъ Всеволодовичъ (1216—1223), о которомъ упоминалось выше. Онъ держалъ при себѣ ученыхъ грековъ и составилъ большую библіотеку, какой въ городѣ нѣтъ и теперь. Въ XIII, XIV и XV столѣтiяхъ городъ претерпѣвалъ обычныя удѣльныя передраги, а въ 1284 г. на него, какъ гласитъ Супоньевская лѣтопись, «внезапу нападоша зли татарове, начаша зорити его мечемъ и огнемъ, гражданъ истребляя, имѣнiя ихъ емлюще, и мало опустошиша, зѣло обогатишася, жителей оныхъ въ полонъ взяша, а многое число ихъ разбѣгошася по лѣсамъ». Послѣднiй князь Андрей Васильевичъ палъ жертвою единодержавныхъ стремленiй великаго князя московскаго Иоанна III, подъ знаменами котораго успѣшно сражался, но вмѣсто благодарности былъ брошенъ въ темницу; въ довершенiе горя въ тотъ же годъ почти весь Угличъ сгорѣлъ: 500 домовъ и 15 церквей. Два малолѣтнiе сына Андрея Угличскаго были заточены въ Вологодскiй монастырь, гдѣ протомились 32 года, а городъ былъ безъ дальнихъ разговоровъ присоединенъ къ алчной Москвѣ, и имъ стали управлять сы-

¹⁾ См. «Сибирскiй Лѣтописецъ» 1590—1715 г., напечатанный въ «Русскомъ Арх.» 1826 г. № 1 (т. XIX).

²⁾ Это описано и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 года № 11, стр. 489, въ статьѣ «Торжество по недоразумѣнiю».

новья великихъ князей Московскихъ. Дмитрій Царевичъ, младшій сынъ Грознаго Иоанна, родившійся за годъ до его кончины, былъ поселенъ съ матерью въ Угличъ, гдѣ этотъ послѣдній потомокъ рода Калиты и былъ убитъ. Но несчастія этимъ не кончились. Въ смутное время городъ былъ разоренъ поляками, которые истребили многія тысячи горожанъ: по дѣтописи истреблено 12 монастырей, 150 церквей, 12 тысячъ домовъ и 40 тысячъ жителей. Это что-то ужъ много! Впрочемъ, если теперь, почти въ XX столѣтїи, русская статистика въ отношенїи населенїя городовъ сильно хромаетъ, то за 300 лѣтъ назадъ она могла быть довольно шаткою. Затѣмъ во всѣ вѣка Угличъ переживалъ обыкновенныя, положенныя по штату бѣдствїя — пожары и наводненїя, но это уже не въ счетъ.

Въ настоящее время Угличъ, какъ и другїе старинные города Россїи, стоящіе въ сторонѣ отъ большого движенїя, остановился въ своемъ ростѣ и имѣетъ болѣе историческое значенїе. Тридцать лѣтъ назадъ въ немъ считалось 10 тыс. жителей, а теперь 12 тысячъ, но, вѣроятно, будетъ и 15, во всякомъ случаѣ немного. Домовъ тогда было 1015, а въ 1891 г. земство оцѣнило 1127 домовъ въ 604 тысячи рублей (цифра, конечно, ниже дѣйствительной), т. е. весь городъ дешевле двухъ петербургскихъ четырехъ-этажныхъ домовъ. Зато церквями Угличъ богаче всякой столицы. Здѣсь — 25 церквей и 2 монастыря, такъ что существованїю здѣшняго духовенства завидовать не приходится, особенно въ виду бѣдности самихъ горожанъ. Доходъ города простирается до 50 тыс. руб., и по благоустройству онъ выше большинства другихъ уѣздныхъ городовъ. За городомъ расположена довольно большая писчебумажная фабрика Варгуниныхъ, существующая съ 1735 года и производящая печатной, писчей и оберточной бумаги на полмилліона рублей въ годъ при 400 рабочихъ. Нельзя пройти молчанїемъ и производства знаменитой углицкой колбасы, которая расходуется по всей Россїи. Производство ея описано у Щедрина; колбаса низшихъ сортовъ, хотя и требуетъ волчьихъ зубовъ, но славится тѣмъ, что съ нею можно смѣло пускаться въ дальнїй путь, ибо она ложится комомъ въ желудкѣ, не перевариваясь, чѣмъ производитъ ощущенїе сытости. Съ такими драгоценными продуктами русскаго кулинарнаго гениа, какъ углицкая колбаса и каленныя яйца, можно доѣхать отъ Углича до самаго города Парижа, истративъ на продовольствїе въ четыре дня менѣе одного кредитнаго рубля. Кромѣ колбасы и бумаги трудолюбивые угличскїе обыватели занимаются огородами, коптятъ ветчину, льютъ салныя свѣчи, мнутъ кожи, бьютъ масло, дѣлаютъ солодъ, шьютъ мѣшки, вяжутъ

чулки и строить суда; словомъ, проявляютъ разнообразныя таланты. Изъ Угличскаго уѣзда много народа уходитъ по трактирамъ, въ колбасныя, на огороды и проч. Изъ Нехотской волости выходитъ много прасоловъ, ведущихъ куплю и продажу сельскихъ продуктовъ иногда за тысячи верстъ отъ родного гнѣзда. Въ этой волости, а также въ Покровской и Большесельской—маіоратныя (съ 1893 года) имѣнія графа Шереметева въ количествѣ болѣе 30 тыс. десятинъ.

Лѣвый берегъ наискосокъ отъ Углича довольно красивъ: здѣсь высится Богоявленская гора, а вблизи нѣсколько помѣщичьихъ усадебъ съ большими садами. За три версты отъ Углича пароходъ проходитъ мимо села Золоторучья, которое такъ называется по ручью, въ которомъ по преданіямъ находили золотой песокъ. Поневолю вздохнешь о былыхъ временахъ, когда теперь приходится искать золото за 3,000 и даже за 7,000 верстъ отсюда, въ промерзлой сибирской тайгѣ.

Еще тридцать верстъ — и мы останавливаемся у непригляднаго городка Мышкина, стыдливо притаившагося на крутомъ лѣвомъ берегу. Городъ этотъ, какъ и сотни другихъ уѣздныхъ городовъ, отличается отъ села только тѣмъ, что въ немъ есть соборъ, острогъ и казначейство, куда вносятъ подати и недоимки и откуда выдаютъ жалованье чиновникамъ, надобѣвшимъ до тошноты другъ другу. Около 120 лѣтъ назадъ при Екатеринѣ II, какъ извѣстно, многія села были переименованы въ города, въ нихъ были построены остроги и водворено десятка по три чиновниковъ съ присвоеннымъ по штату содержаніемъ. Такимъ образомъ, какъ по шучьему велѣнію, сразу возникло на Руси нѣсколько сотъ новоизобрѣтенныхъ городовъ; въ числѣ ихъ былъ и Мышкинъ, который, если и заслуживаетъ снисхожденія, то только потому, что стоитъ на матушкѣ Волгѣ, разлившейся здѣсь сажень на 200; въ немъ, какъ 20 лѣтъ назадъ ¹⁾, такъ и теперь, считается 300 домовъ, двѣ церкви и 2½ тыс. жителей, городской доходъ до 10 тыс., всѣ дома въ 1891 г. оцѣнены земствомъ въ 123 тыс. рублей—non multum! если даже предположить, что они стоятъ въ два-три раза больше, то и это немного. Въ Мышкинскомъ уѣздѣ земля лучше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ губерніи, но и здѣсь много лишняго народа, который уходитъ въ трактиръ, строить суда, плотничать, въ дворники, въ извозчики, въ пастухи и пр.

¹⁾ Изъ Мышкина родомъ духовный писатель, нынѣ настоятель Исаакіевскаго собора въ Петербургѣ, протоіерей П. А. Смирновъ.

Недалеко от Мышкина, на правом берегу, бѣлѣетъ такъ называемая Пастушкова церковь, выстроенная, по преданію, однимъ пастухомъ въ благодарность за ниспосланное ему богатство, но не въ видѣ выигрыша 200 тыс. Волга все расширяется, оба берега довольно круты, но невысоки и особенно живописныхъ видовъ не представляютъ, хотя населеніе густое: съ берега доносится крикъ ребятишекъ, мычанье коровъ, лай собакъ, пѣніе пѣтуховъ и прочіе идиллическіе мотивы. За 25 верстъ отъ Мышкина пароходъ проходитъ подъ изящнымъ мостомъ рыбинско-бологовской желѣзной дороги, за полверсты отъ котораго на горѣ расположена станція «Волга». Здѣсь — обычный оптический обманъ: мостъ кажется издали низко висящимъ надъ водою, такъ что пароходу ни за что не пройти, а оказывается проходить свободно; рядомъ и пристань «Волга», а напротивъ ея на лѣвомъ берегу живописное село Глѣбово. Отсюда въ Рыбинскъ по желѣзной дорогѣ только 26 верстъ и часть ѣзды, а водою 60 верстъ и пять часовъ плаванія, за то спокойнѣе и веселѣе.

Еще 30 верстъ, и пароходъ останавливается передъ славнымъ городомъ Мологой, который раскинулся на невысокой ровной площади лѣваго берега Волги; съ сѣвера его огибаетъ рѣка Молога — одинъ изъ важнѣйшихъ притоковъ Волги въ верхнемъ плесѣ; ширина ея у города 80 сажень, длина 544 версты. На ней расположено еще два города — Устюжна — Новгородской губерніи, откуда начинается судоходство (за 225 верстъ отъ Волги) и Весьегонскъ — Тверской губ. въ 132 верстахъ отъ Волги, до котораго ходятъ пароходы; этимъ сообщеніемъ жители мологскаго бассейна обязаны почину капитана Бирлева. По Мологѣ два пароходства — одно частнаго лица, другое — общества «Самолеть», пускающаго здѣсь пять пароходовъ. Рѣка эта, составляющая первое звено тихвинской соединительной системы, а также ея притокъ Чагодоса текутъ по направленію къ Петербургу, до котораго по прямой линіи только 500 верстъ, т. е. ближе, чѣмъ отъ Рыбинска и Твери; потому-то въ 1811 г. и былъ прорытъ каналъ между рѣкой Соминою и озеромъ Крупинымъ; по этой системѣ мимо Тихвина и Новой Ладogi, а тамъ каналами до Шлиссельбурга, открылось большое движеніе къ Петербургу и отъ Петербурга. Первое время здѣсь было больше судовъ и грузовъ, чѣмъ даже на Мариинской системѣ; еще 30 лѣтъ назадъ здѣсь проходило до 10 тысячъ судовъ съ грузами по скромному счету на 18 милліоновъ рублей, не смотря на то, что система не совсѣмъ окончена и представляетъ большія неудобства, такъ какъ остались пороги и нешлюзованные мѣста. Первый под-

рывъ этому движенію сдѣлало окончаніе Николаевской желѣзной дороги; число судовъ, проходившихъ черезъ Мологу, сразу уменьшилось втрое, но и теперь еще торговое значеніе этой системы немаловажно, въ виду чего въ подлежащемъ министерствѣ вырабатывается проектъ объ ея улучшеніи, на что предполагается отпустить 3 милліона рублей. По системѣ ходятъ особыя барки, такъ называемыя тихвинки, въ 11—21 саж. длиною, въ 5—9 вершковъ осадки, поднимающія по 5—25 тысячъ пудовъ груза. Самое географическое положеніе г. Мологи и его района обуславливало развитіе здѣсь значительныхъ торговыхъ сношеній, которыя начались съ самыхъ древнихъ временъ. Еще въ XIII вѣкѣ, за 60 верстъ вверхъ по рѣкѣ Мологѣ, около устья Сити, существовала большая торговая слобода, называвшаяся «Холопій Городокъ», съ большой ярмаркою (нынѣ село Борисоглѣбъ). Слобода эта была то-же, что теперь Рыбинскъ и Нижній; въ нее сѣзжались купцы новгородскіе и ганзейскіе для торговли съ болгарами, біарміей и другими низовыми уже позабытыми народами. Несомнѣнно—бывалъ здѣсь и Садко богатый гость, воспѣтый въ извѣстной былинѣ, который возилъ съ Волги поклонъ озеру Ильмену, дарилъ эту рѣку золотомъ, серебромъ и пр. Торговля эта продолжалась нѣсколько вѣковъ, и еще въ лѣтописи XVII вѣка записано, что «на устѣ славныя Мологи-рѣки древле были торги великіе», а главное—«тогда на Мологѣ 70 кабаковъ винныхъ и питій всякихъ было; торговали-же безъ разѣздовъ по 4 мѣсяца всѣ купцы и гости» (Карамзинъ, «Исторія Государства Россійскаго», т. IV, прим. 323). Пошлина собиралась серебромъ, котораго поступало въ годъ по 180 пудовъ и болѣе, что было главнымъ подспорьемъ на экстренные расходы московскихъ великихъ князей, обыкновенные ежегодные доходы которыхъ не превышали 2 — 2¹/₂ тысячъ гривенъ. Бойко должно быть торговали тогда на Мологѣ, если могло процвѣтать 70 питейныхъ заведеній, когда теперь, увы, въ г. Мологѣ нѣтъ и половины этого количества. Но печалиться о сокращеніи числа «заведеній» можетъ только департаментъ неокладныхъ сборовъ.

Самый городъ не представляетъ ничего особеннаго. Ближе къ берегу на отлетѣ высится изъ-за огады, окруженный зеленью, довольно большой пѣтиглавный соборъ, а за нимъ правильные ряды прозапческихъ улицъ, изъ которыхъ главная имѣетъ даже тротуары и обставлена довольно чистыми домиками, каменными и деревянными. Среди домовъ виднѣются еще три церкви и монастырь, а въ концѣ города служащее лучшимъ его украшеніемъ зданіе острога. Домовъ въ Мологѣ считается

до тысячи, жителей 7 тыс., городской доход около 60 тыс., т. е. на 10 т. больше Углича, что объясняется болѣе оживленною коммерціей. Кромѣ того въ Мологѣ есть нѣчто такое, чего не встрѣтишь не только въ уѣздныхъ, но и въ губернскихъ городахъ — дѣтскій садъ и гимнастическій залъ, устроенный городской управою, главнымъ образомъ благодаря усиліямъ ея секретаря *Н. Н. Опочина*. О доступныхъ городскихъ гимнастическихъ залахъ для дѣтей только еще въ прошломъ году стали думать въ Петербургѣ и продумаютъ еще цѣлые годы, а Молога взяла да устроила; въ этомъ отношеніи она является чуть ли не единственнымъ городомъ въ Россіи и напоминаетъ просвѣщенные города Швейцаріи. Это особенно обидно для горделивыхъ петербуржцевъ, дѣти которыхъ до сихъ поръ обречены на пребываніе въ каменныхъ мѣшкахъ, именуемыхъ домами, съ ихъ колодцеобразными дворами, при чемъ для ихъ физическаго развитія ничего не предпринимается. Наконецъ, въ Мологѣ существуетъ и попечительство о бѣдныхъ, которые въ 1891 г. получили 2120 рублей.

Возвращаясь къ историческимъ воспоминаніямъ, нельзя пройти молчаніемъ историческую рѣку *Сить*, протекающую въ Мологскомъ уѣздѣ; рѣка эта должна быть извѣстна каждому даже лѣнивому гимназисту. Въдѣна на ней въ 1238 году (впрочемъ эти года такъ легко забываются!) произошла битва русскихъ съ татарами, рѣшившая судьбы Россіи и приостановившая на два вѣка ея поступательное движеніе; 7 февраля татары взяли столичный городъ Владиміръ, а 4 марта были уже на Сити, пройдя въ три недѣли болѣе 400 верстъ для того, чтобы основательно разбить храбрую рать Юрія II. Къ этому пораженію всего болѣе относятся извѣстныя сильныя слова лѣтописца: «Черна земля подъ копыты косями была посяяна, а кровью поляна, тугою взыдоша по Русской земли. Ту кроваваго вина недоста, ту пирь докончаша храбріи Русичи: сваты напоиша, а сами полегоша за землю русскую. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонилось. Уже бо, братіе, невеселая година встала, уже пустыни силу прикрыла»... Остатки русской рати бѣжали вдоль Сити, а татары ихъ догоняли и добивали, поэтому и образовалось до самой рѣки Мологи много могилъ. Въ послѣдніе годы на мѣстѣ битвы вырывались нашими археологами скелеты съ остатками желѣзнаго ножа между реберъ; значить—схватки были нешуточныя, ибо тогда были неизвѣстны не только манлихеровскія, но и вообще какія-либо огнестрѣльныя орудія; не было даже стальныхъ клинковъ, а простыми желѣзными

бердышами и сѣкирами ухитрялись рубить людей, какъ капусту. Но какъ мало знаютъ у насъ исторію своей страны! Даже мѣстные жители, проживающіе на самомъ мѣстѣ сраженія, ничего не могутъ повѣдать о Сити. Извѣстный любитель старины и знатокъ отечественной исторіи М. П. Погодинъ интересно описываетъ ¹⁾, какъ онъ отыскивалъ Сить, подобно тому, какъ Ливингстонъ отыскивалъ истоки Нила. Пріѣзжаетъ онъ (т. е. Погодинъ, а не Ливингстонъ), въ Весьегонскъ, спрашиваетъ исправника, тотъ и слыхомъ не слыхалъ о Сити, а посоветовалъ ѣхать въ Красный Холмъ, — тамъ тоже ничего не знали и направили его въ Бѣжецкъ, гдѣ случайно одинъ просвѣщенный обыватель указалъ ему мѣсто сраженія на Сити, село Боженки въ 50 верстахъ отъ города. По слѣдамъ Погодина ѣздилъ въ Боженки извѣстный нижегородскій писатель, статистикъ и археологъ А. С. Гацисскій, описавшій ²⁾ мѣсто битвы, а также курганы въ этомъ мѣстѣ и дальше по Сити, причемъ у устья Сити мѣстные мужики передавали ему свои впечатлѣнія объ одномъ археологѣ: «Важный баринъ! Только съ нами съ пьяницами дѣла не возжелалъ имѣть, а озерическимъ по шести гривенъ поденно платилъ... много всякой всячины нашелъ — ожерелья, кольца, кости»... Въ народѣ много рассказывали и о зарытыхъ кладахъ, которые, какъ и вездѣ, оказываются заколдованными и никакъ не даются въ руки обыкновеннымъ смертнымъ. Въ настоящее время туда, оказывается, сѣздить очень легко, всего 12 верстъ отъ станціи «Пицалкино» Рыбинско-Бологовской желѣзной дороги. Крестьяне, обитающіе въ районѣ Сити, составляютъ какъ-бы особое племя, отставшее въ развитіи отъ другихъ ярославцевъ. Эти «сицкари» рѣдко уходятъ на сторону, а больше сидятъ дома, ковыряются у земли и плотничаютъ; ихъ, по мѣстному выраженію, топоръ одѣваетъ и обуваетъ, а соха кормитъ. По Сити же расположены село Колегаево, — родина извѣстнаго казанскаго профессора *Е. И. Аристовъ*, — и село Новое, бывшее имѣніе *Сухово-Кобылина*, гдѣ въ барскомъ домѣ уже 20 лѣтъ суще-

¹⁾ Москвитининъ, 1848 г., № 12, стр. 105.

²⁾ Его статья о повздки въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», X, стр. 81 — 187. Въ «Этнографическомъ Сборникѣ», 1853, I, стр. 106, статья Преображенскаго «Волость Покровско-Сидная, Ярославской губ., Моложскаго уѣзда». Въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1868 г., № 41, статья Лѣтвицына. «Мѣстная побойща на Сити». Въ «Трудахъ Ярославскаго Статистическаго Комитета», 1869 г., V, стр. 32, статья Сабанѣва «Описаніе кургановъ Моложскаго уѣзда». Въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1886 г., № 10.

ствуется учительская семинарія. Въ селѣ Верхне-Никульскомъ, Мологскаго уѣзда, въ крестьянской семьѣ родился въ 1800 г. академикъ живописи и археологъ *Θ. Г. Солнцевъ*, который окончилъ академію художествъ съ двумя золотыми медалями за картины и былъ командированъ въ разные города для изученія русскихъ древностей, изъ которыхъ многія обязаны ему спасеніемъ отъ новыхъ реставраторовъ; умеръ Солнцевъ въ Петербургѣ 3 марта 1892 г.

Изъ Мологскаго уѣзда шустрые его обыватели уходятъ не только въ трактиры, но и на суда, въ плотники, въ крючники, столярничаютъ, слесарничаютъ, портняжничаютъ и пр., словомъ, мастера на всѣ руки; многіе уходятъ въ самыя дальнія мѣста. Намъ извѣстны мологжане, побывавшіе въ разныхъ европахъ ¹⁾. Двухъ уроженцевъ Мологи, петербургскихъ молочныхъ торговцевъ, мы встрѣтили даже въ Парижѣ, куда они пріѣхали въ 1889 г. посмотрѣть выставку, причѣмъ по-французски знали только одно слово «samawar» (теперь въ Парижѣ, въ силу франко-русской дружбы, вмѣсто *c'est très chic* стали говорить *c'est très samawar*); не смотря на то, они устроились дешевле всѣхъ, проживая по три франка въ сутки на брата, чѣмъ еще разъ доказали, что ярославецъ нигдѣ не пропадетъ, пошли его хоть въ Огненную землю или къ людобдамъ, — и съ тѣми онъ сдѣлаетъ политично обойтись. Эти господа увѣряли, что имъ насчетъ пищи въ Парижѣ даже очень свободно, ибо «эти самыя французики многое переняли отъ насъ русскихъ (вѣрнѣе всего — отъ ярославцевъ): у насъ супъ, и у нихъ супъ, у насъ бульонъ, и у нихъ бульонъ, у насъ рагу — и у нихъ, а скажешь «вороти» (*veau rôti*) и принесутъ телятины». И такихъ русскихъ людей заграницей можно встрѣтить не мало.

У Мологи Волга достигаетъ самой сѣверной точки своего теченія и отсюда уже поворачиваетъ на юго-востокъ; рѣка Молога, отшибая ее въ эту сторону, удваиваетъ также и ширину ея со 150 до 300—350 саж., такъ что отсюда Волга представляется довольно могучею рѣкою, гораздо больше какого-нибудь тамъ Рейна и не меньше самого Дуная; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ берега покруче, она суживается до 200

¹⁾ Такъ, напримѣръ, извѣстный намъ уроженецъ Мологи, нынѣ торгующій въ одной изъ пригородныхъ мѣстностей Петербурга, Н. П. Б., вмѣстѣ съ другимъ ярославцемъ И. В. Ш., шесть разъ побывалъ въ разныхъ городахъ Европы и четыре раза въ Иерусалимѣ; не зная ни одного слова на иностранныхъ языкахъ, оба они вездѣ чувствовали себя свободно съ небольшими средствами.

сажень. За 4 версты отъ Мологи въ Волгу впадаетъ рѣчка Пушма, занятнымъ образомъ соединяющая ее съ Шексною, которая течетъ почти параллельно Волгѣ и образуетъ съ ней острый уголъ у **Рыбинска**.

Къ этому торговому, хлѣбно-бурлацкому городу подплываемъ мы черезъ три часа по отходѣ отъ Мологи. Еще за двѣ версты до Рыбинска можно наблюдать лѣсъ мачтъ и двѣ высокія колокольни;halb прежде всего обращаетъ вниманіе широкое устье Шексны, впадающей наискось отъ города. По этой рѣкѣ, въ которой водится «шекснинска стерлядь золотая», туристы почти не ѣздятъ, это по преимуществу рѣка торгашей и бурлаковъ, которые разговариваютъ между собою на особомъ упрощенномъ нарѣчьи въ родѣ эсперанто; это нарѣчіе неупотребительно въ благородныхъ салонахъ, и дамамъ слушать его не полагается. Зато въ отношеніи торговаго движенія это первая соединительная система въ Россіи. Здѣсь какъ и на другихъ системахъ верхней Волги, отпечатлѣлся геній Петра Великаго, который много верстъ исходилъ пѣшкомъ по лѣснымъ дебрямъ и топкимъ болотамъ между рѣками Вытегрою и Ковжей, чтобы отыскать удобное мѣсто для канала, и его выборъ таковъ, что лучшіе современные инженеры черезъ 200 лѣтъ не могутъ указать лучшаго. Къ окончательному устройству Маринской системы приступлено въ 1799 г.; были устроены шлюзы, обходные каналы мимо Бѣлаго и Онежскаго озеръ и проч. Но съ развитіемъ движенія существующія сооруженія или, какъ принято говорить, грузоподъемная сила, оказалась недостаточною: много времени тратится на простой, нельзя пускать большихъ судовъ вслѣдствіе недостаточнаго размѣра шлюзовъ и вслѣдствіе порожистыхъ мѣстъ на Шекснѣ. Для устраненія послѣдняго неудобства было устроено туэрное пароходство (Гинцбургъ и К^о), но и оно вызвало нареканія, во-первыхъ, потому что имъ владѣли и руководили лица, исповѣдующія нехристіанскую вѣру, во-вторыхъ, за излишніе накладные расходы. Затѣмъ въ теченіе 1882—86 гг. были устроены Ново-Маринскій и три новые приладожскіе канала, что обошлось около 14 милліоновъ, сокративъ срокъ прохода по каналу вдвое. Но и этого было мало; вопли, стenanія и настоянія судовщиковъ и коммерсантовъ продолжались. Нѣтъ другого воднаго пути, который возбудилъ бы столько толковъ, какъ Маринская система; читали доклады, ломали копья въ печати, издавали брошюры, собирали комиссіи, подкомиссіи, комитеты и совѣщанія, спорили о томъ, что нужно сдѣлать для ея улучшенія и сколько нужно денегъ. Наконецъ, въ 1890 г. успокоились на томъ что,

для увеличенія пропускной способности системы до 120 мил. пудовъ надо перестроить шлюзы, урегулировать капиталы, шлюзовать порожи- стую часть Шексны и проч. Все это предполагено сдѣлать въ пять лѣтъ, и на работы изъ государственнаго казначейства отпущено $12\frac{1}{2}$ мил. руб. Съ 1896 г. надѣются пускать суда новаго типа въ 30 саж. длиною, $4\frac{1}{2}$ саж. шириною, 10 четвертей осадки, поднимающія по 40 тыс. пудовъ; теперь же ходятъ большею частью маринки, унжаки, бер- лины, межеумки и проч. въ 13—25 саж. длиною, поднимающіе отъ 8 до 20 тыс. пудовъ.

Важность Маринской системы и Рыбинска, какъ перваго хлѣбнаго рынка внутри Россіи, ясна уже изъ его географическаго положенія, ибо у Шексны какъ разъ оканчивается удобный и дешевый транспортъ на большихъ судахъ, и здѣсь, какъ извѣстно изъ любого курса географіи, производится перегрузка, создается естественная остановка со всѣми по- бочными торгово-промышленными отраслями. Хлѣбъ ожидаетъ здѣсь спроса въ Петербургъ и за границу, здѣсь совершаются главныя сдѣлки; сюда, какъ въ центральный рынокъ, стекается въ маѣ болѣе тысячи скупщиковъ снизу и сверху, съ сѣвера и изъ Финляндіи, подрядчиковъ, повѣренныхъ иностранныхъ и русскихъ экспортныхъ фирмъ; и на то- варной станціи желѣзной дороги, и на здѣшнихъ пристаняхъ идетъ ли- хородочная работа. Въ нормальные годы Волга, имѣющая здѣсь пол- версты ширины, сплошь покрыта судами, и издали кажется, что по нимъ, какъ по живому мосту, можно перейти съ одного берега на другой; въ воздухѣ стоитъ неумолчный гомонъ и ругань; крочники, какъ муравьи, снуютъ съ 9-пудовыми кулями на спинахъ, вскидывая эти кули какъ перышко. Здѣшнія пристани тянутся на нѣсколько верстъ. Первая боль- шая пристань—Николо-Абакумовская на Шекснѣ, за четыре версты отъ города. У самаго города восемь пристаней, а внутри его на рѣкѣ Че- ремхѣ устроена искусственная гавань и сухой докъ; гавань эта вмѣ- щаетъ 20 пароходовъ, 40 большихъ баржей и 60 мелкихъ судовъ, которыя здѣсь зимуютъ, ремонтируются, здѣсь же съ нихъ перегру- жають на желѣзную дорогу. Въ 1780 году въ Рыбинскъ пришло 1328, а отвалило 2189 судовъ, всего груза было на 5 мил. руб.; въ 30-хъ го- дахъ нынѣшняго столѣтія приходило до 2000, а уходило до 7000 судовъ, груза было на 7—11 мил. руб. Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ весь оборотъ былъ до $10\frac{1}{2}$ тысячъ судовъ съ 50 мил. пудовъ груза на 40 мил. руб., перегруженнаго съ волжскихъ судовъ на маринскія и обратно, не счи-

тая 2—3 тысячъ судовъ съ 4—5 мил. пудовъ транзита. Съ 70-хъ и 80-хъ годовъ подвозъ еще болѣе увеличился, часть груза стала идти по рыбинско-бологовской желѣзной дорогѣ, но хлѣбный подвозъ сталъ болѣе колебаться, такъ какъ низовой хлѣбъ отвлекался въ другіе западные порты, кромѣ петербургскаго; зато отправленіе изъ Рыбинска внизъ по Волгѣ возросло, благодаря удешевленію пароходныхъ фрахтовъ и тому, что можно во всякое время быстро отправить товаръ на тотъ рынокъ, гдѣ его требуютъ. Въ 1890 г. пришло въ Рыбинскъ 2,7 тысячъ судовъ съ 72 мил. пудовъ груза, а въ 1891 г. 2,6 тысячъ судовъ съ 48 мил. пудовъ; въ нынѣшній (1892) неурожайный годъ Рыбинскъ изъ шумнаго муравейника обратился въ какое-то унылое мѣсто: не слышно сильныхъ словъ, все какъ-будто замерло, рабочаго люда въ пять разъ меньше, чѣмъ обыкновенно, ибо мало надежды на погрузку. Правда — главная работа начинается осенью, но и на нее надежды мало въ виду голоднаго года. Это тѣмъ печальнѣе, что какъ разъ въ это лѣто Волга способна поднять больше грузовъ: воды у Рыбинска было 2 арш. $\frac{1}{2}$ вер. или на 1 арш. 6 верш. болѣе прошлаго года; въ такую воду только бы и работать, между тѣмъ судовъ у Рыбинска стояло вдвое меньше, чѣмъ въ прошломъ году, и изъ нихъ двѣ трети пустыхъ. Впрочемъ, съ открытіемъ по Волгѣ пароходства въ Рыбинскъ вообще стало набѣжать меньше рабочаго люда, тогда какъ лѣтъ 40—50 назадъ городъ былъ переполненъ бурлаками, которыхъ набиралось до ста тысячъ; теперь ихъ замѣняютъ грузчики, коихъ гораздо меньше. Въ настоящее время въ городѣ менѣе людно, зато чище, и воздухъ менѣе насыщенъ сквернословіемъ. Но пароходы убавили и другую поэзію—сократили число барокъ и типовъ ихъ, такъ что теперь меньше видно оригинальныхъ, раскрашенныхъ фигурами и арабесками, бѣлозерокъ, унжаковъ и т. п., которые прежде повсюду радовали взоръ.

Экономическій упадокъ Поволжья, съ каждымъ годомъ все болѣе себя заявляющій, и усиленіе новыхъ хлѣбныхъ центровъ въ районѣ волжскаго бассейна должны ослабить значеніе Рыбинска и на будущее время. Опытъ послѣднихъ лѣтъ даетъ полное основаніе заключить, что низовая Волга окончательно утратила свое прежнее значеніе «житницы». Въ Рыбинскъ должно будетъ поступать менѣе хлѣба, а между тѣмъ Маріинская система улучшается для пропуска удвоеннаго количества. Положеніе довольно трагическое, изъ котораго можно выдти лишь въ томъ случаѣ, если будутъ усилены заботы о поднятіи благосостояніи

оскудѣвшихъ низовыхъ губерній. Во всякомъ случаѣ значеніе Рыбинска хотя и умалится, но онъ долго еще останется регуляторомъ торговаго движенія для волжскаго, камскаго и отчасти окскаго бассейновъ. Хлѣбъ и мука идутъ сюда и съ Вятки, и съ Бѣлой, и съ Суры, и съ Мокши. Какъ перегрузочный пунктъ съ воды на желѣзную дорогу и обратно, онъ всегда сохранитъ, подобно Нижнему, важное значеніе, особенно, если рыбинско-бологовская желѣзная дорога, какъ о томъ уже есть проектъ, будетъ продолжена на Псковъ, что приблизитъ волго-камскіе грузы къ рижскому порту.

Наконецъ, торговое значеніе Рыбинска ясно иллюстрируется количествомъ купеческихъ свидѣтельствъ, коихъ въ 1891 году выдано 285, т. е. болѣе, чѣмъ въ иныхъ губернскихъ городахъ. Какъ промышленный центръ Рыбинскъ также имѣетъ значеніе, если причислить къ нему Николо-Абакумово, гдѣ большой механической заводъ съ 200 рабочихъ съ успѣхомъ изготовляетъ парходныя машины, паровая лѣсопиля съ 120 рабочими и замѣчательная канатная фабрика съ 450 рабочими и съ производствомъ на 600 тысячъ рублей, вторая по величинѣ въ Россіи; самое зданіе этой фабрики имѣетъ 285 саж., т. е. болѣе полверсты, длины; всѣ эти заведенія принадлежатъ Журавлевымъ. Въ самомъ городѣ мукомольни и др. фабричныя заведенія съ производствомъ болѣе $\frac{1}{2}$ м. руб.

Какъ населенный географическій пунктъ, Рыбинскъ извѣстенъ давно; на этомъ мѣстѣ уже въ 1137 г. упоминается Рыбная слобода, которая была причислена въ бѣжецкой пятинѣ, т. е. принадлежала новгородцамъ. По завѣщанію Іоанна III въ 1504 году она была отдана въ наслѣдство его сыну Василію Іоанновичу. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ она называлась Ловецкою дворцовою слободою, и жители ея платили подать рыбою, которая шла ко двору. По писцовой книгѣ 1672 г. весь годовой рыбный оброкъ состоялъ изъ 30 осетровъ, 20 бѣлыхъ рыбъ и 85 стерлядей. Уже въ XVII столѣтіи здѣсь образовались ярмарки; съ устройствомъ же водной соединительной системы значеніе слободы сразу поднялось; и въ 1778 г. она переименована въ городъ, который сталъ быстро богатѣть, умножилось число каменныхъ палатъ, появились миллионеры, сперва маленькіе, а потомъ уже и настоящіе: вѣдь у простаго народа кто имѣетъ болѣе 1000 руб., тотъ уже и миллионщикъ, хотя у него, по выраженію свахи Островскаго, миллионы, можетъ быть «маленькіе». Баронъ Гакстаузенъ, бывшій въ Рыбинскѣ ровно 50 лѣтъ назадъ, засталъ его уже богатымъ городомъ и посѣтилъ тамъ стараго «милліонера» Тюменева, у

котораго домъ былъ отдѣланъ «съ европейскою роскошью» и который подарилъ ему небольшую книгу своего сочиненія о Рыбинскѣ и его торговлѣ, «наполненную невѣрными статистическими цифрами, но все-таки заключающую интересныя свѣдѣнія». Путешественникъ былъ также въ новомъ биржевомъ залѣ, но тамъ было пусто, а рядомъ въ большомъ трактирѣ сидѣло сто человѣкъ; по его словамъ, въ этомъ трактирѣ въ оживленные дни выпивается 50 фунтовъ чаю въ день (!?). И въ настоящее время городъ не измѣнился, только исчезли бурлаки и меньше барокъ, которыхъ на половину или на двѣ трети замѣняютъ баржи и пароходы. Съ Волги Рыбинскъ производитъ довольно внушительное впечатлѣнiе, какого только и можно ожидать отъ внутренняго коммерческаго порта, не похожаго на обыкновенные русскіе города съ административнымъ характеромъ. Самый городъ, богатый и хорошо обстроенный, тянется на 2½ версты по правому берегу; набережная выложена камнемъ, а по ея откосу идетъ гранитный тротуаръ съ чугунною рѣшеткой—роскошь, которую позволяютъ себѣ очень немногіе губернскіе города. По набережной хорошіе дома, большею частію каменные, съ выѣсками разныхъ конторъ страховыхъ и транспортныхъ агентовъ, что сразу вызываетъ уваженіе въ прїѣзжемъ. Народу на набережной мало, нищихъ, собирающихся здѣсь къ навигаціи, тоже меньше; и они испытываютъ своего рода кризисъ отъ застоя въ хлѣбномъ транспортѣ. На берегу же высится величавый пятиглавый соборъ, съ высокою колокольней, а рядомъ низенькій старинный соборъ, оставшійся отъ скромной рыбной слободы, дальше виднѣется богатая Казанская церковь. За соборомъ параллельно набережной идетъ версты на двѣ главная здѣшняя улица — Крестовая, которая съ честью можетъ занять мѣсто главной улицы въ любомъ губернскомъ городѣ не изъ самыхъ крупныхъ; обстроена она каменными домами, хорошіе тротуары, богатые магазины, изъ которыхъ нѣкоторые съ цѣльными стеклами, но покупателей почти не видать. Къ Крестовой улицѣ примыкаетъ небольшой, но довольно длинный бульваръ, разбитый по берегу рѣки Черемхи. Бульваръ, довольно благоустроенный, обнесенъ желѣзной рѣшеткою; въ центрѣ его ресторанчикъ, въ которомъ по вечерамъ играетъ незатѣйливый оркестръ изъ пяти человѣкъ; гуляющая публика одновременно наслаждается и его нестройными звуками и ароматами съ береговъ Черемхи, не имѣющими ничего общаго съ салонными духами. Въ концѣ бульвара, подальше отъ Волги, расположена группа каменныхъ зданій, несвойственныхъ уѣздному городу,—просторный ка-

менный театр, подобнаго которому имѣють далеко не всѣ губернскіе города, большое зданіе полицейской части съ каланчей, напоминающее столичные частные дома, почта, а противъ нихъ небольшой скверъ, въ которомъ рекомендуется «травы не мять, деревьямъ не ломать и т. д.». Противъ города, по лѣвому берегу, тянутся склады лѣса, амбары и пр., а сзади зеленѣетъ небольшой лѣсокъ, манящій подъ свою тѣнь отъ торговой суеты и алчныхъ разговоровъ; въ лѣтніе вечера горожане ѣздятъ туда съ самоварами и съ обложенными акцизомъ напитками.

Въ Рыбинскѣ давно существуютъ двѣ гимназіи — мужская и женская, въ каждой болѣе 200 учащихся. Далѣе, хотя здѣсь моря и нѣтъ, а его замѣняетъ Волга, но давно устроены мореходные классы, дающіе пароходныхъ служащихъ: шкиперовъ, помощниковъ и пр. Затѣмъ земствомъ открытъ съ 1 января 1891 г. ремесленный классъ при Александровскомъ училищѣ; есть и нѣсколько городскихъ школъ. Существуетъ также земская публичная бібліотека, имѣющая хорошее помѣщеніе, при ней открытъ кабинетъ для вечернихъ чтеній; книгъ въ бібліотекѣ до 7,000, подписчиковъ 250; кромѣ того есть еще двѣ бібліотеки при биржевомъ комитетѣ и при общественномъ клубѣ. Вообще, здѣсь читаютъ усерднѣе, чѣмъ въ большинствѣ другихъ городовъ; есть даже нѣсколько торговцевъ старыми книгами, которые даютъ ихъ на прочетъ за плату 3 — 5 коп., причѣмъ берутъ небольшой залогъ; книги у нихъ берутъ рабочіе, которые стыдятся входить въ бібліотеку, мелкіе лавочники и т. п. людъ. Затѣмъ въ Рыбинскѣ давно существуетъ общество вспоможенія частному служебному труду, съ доходомъ въ 1,500 руб. и попечительство о бѣдныхъ, раздавшее въ 1891 г. 741 р., т. е. вдвое меньше, чѣмъ въ Мологѣ. Далѣе въ городѣ организуется общество трезвости, уставъ котораго посланъ на утвержденіе, а пока избранъ временный комитетъ, устраивающій для образованія перваго фонда семейные вечера; членовъ записалось до 200; по утвержденію общества, ему предстоитъ работать въ средѣ крѣпичковъ и другихъ рабочихъ, которые послѣ каторжныхъ трудовъ дня ищутъ забвенія въ многочисленныхъ патентованныхъ заведеніяхъ, гдѣ оставляютъ большую часть заработка для поддержанія русскаго бюджета. Хорошо, если общество устройствомъ чайныхъ, чтеній и т. п. отвлечетъ хоть часть ихъ отъ «заведеній», хотя бы съ ущербомъ для государственныхъ доходовъ. Недавно также возникла въ Рыбинскѣ полезная мысль о похоронной кассѣ, что имѣетъ большое значеніе для бѣднаго класса, заработки коего не очень устойчивы.

Для процвѣтанія торговъ, промысловъ и кредита въ Рыбинскѣ имѣются отдѣленія банковъ государственнаго и волжско-камскаго, нѣсколько хлѣбныхъ комиссіонерствъ, агентства страховыхъ и транспортныхъ обществъ и пр., вообще — что полагается въ хорошихъ коммерческихъ городахъ. Давно существуетъ и биржа — хорошее каменное зданіе на самомъ берегу; во всю ширину его обширный балконъ, нависшій надъ Волгой, на которомъ вершаются въ торговые дни большія дѣла. Когда мы были на биржѣ, тамъ было довольно пусто; нѣсколько меркантильныхъ существъ русской породы бродили какъ тѣни изъ Дантова ада, на стѣнахъ развѣшано множество объявленій о положеніи воды, о числѣ судовъ, о цѣнахъ, разные правила и проч. До сихъ поръ, какъ и во время посѣщенія Гакстгаузена, главныя сдѣлки совершаются въ трактирахъ за чайкомъ. Нѣсколько такихъ трактировъ заманчиво пріютились тутъ-же на набережной; сюда многіе идутъ прямо съ биржи доканчивать условія о продажѣ хлѣба, о взятіи фрахта, объ отсрочкѣ векселька и т. п. При биржѣ есть и биржевой комитетъ, членами котораго состоятъ видные торговцы, живущіе въ Петербургѣ и только навѣщающіе въ Рыбинскъ; предсѣдателемъ уже нѣсколько трехлѣтій состоитъ довольно образованный негоціантъ *М. Н. Журавлевъ*. При комитетѣ составленъ значительный капиталъ на благотворительныя цѣли, но ему еще не дано опредѣленнаго назначенія. Комитетомъ же установленъ особый сборъ съ приходящихъ судовъ, взимаемый довольно аккуратно, причѣмъ особый досмотрщикъ контролируетъ суда и ведетъ это дѣло гораздо успѣшнѣе, чѣмъ чины министерства путей сообщенія въ отношеніи казеннаго сбора. Доходъ отъ этого мѣстнаго сбора поступаетъ на содержаніе рѣчной полиціи и рѣчной пожарной команды, которая находится въ хорошемъ состояніи. За Черемхой на краю города расположено мрачное каменное зданіе желѣзнодорожнаго дебаркадера въ такъ называемомъ русскомъ стилѣ. Рыбинско-Бологовская желѣзная дорога поставлена, какъ извѣстно, въ неблагоприятныхъ условіяхъ; во время навигаціи она не успѣваетъ перевозить хлѣбъ, и ей часто не хватаетъ вагоновъ, а въ зимній періодъ почти бездѣйствуетъ, и вагоны стоятъ даромъ. Улучшеніе Маринской системы, удешевивъ и ускоривъ перевозку хлѣба въ Петербургъ, должно ослабить движеніе на этой желѣзной дорогѣ, дѣла которой могутъ поправиться лишь по осуществленіи проектированнаго продолженія ея до Пскова. Зато съ усиленіемъ движенія по каналамъ и горедь, и Волга должны еще болѣе оживиться.

Коренное населеніе Рыбинска не очень велико, вдвое меньше, чѣмъ

въ другихъ крупныхъ хлѣбныхъ центрахъ вродѣ Ельца, Козлова. Это объясняется тѣмъ, что товарное движеніе здѣсь по преимуществу транзитное, а самыя крупныя сдѣлки совершаются наѣзжими купцами такъ же, какъ и главныя работы на судахъ продолжаютъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ; собственнаго же хлѣбороднаго района, тяготящаго къ нему, Рыбинскъ не имѣетъ. При всемъ томъ населеніе его растетъ: тридцать лѣтъ назадъ въ городѣ считалось 1,260 домовъ и 10 тысячъ жителей, а теперь 2 тыс. домовъ (въ томъ числѣ 534 каменныхъ) и 22 тысячи жителей; городской доходъ до 220 тысячъ рублей — выше, чѣмъ во многихъ губернскихъ городахъ; самая видная статья расхода, которая въ другихъ городахъ на второмъ планѣ, — на образованіе — 45 тыс. руб. или впятеро больше противъ Ярославля; на медицину Рыбинскъ тратитъ 18 тысячъ, на пожарную часть 19 тысячъ.

Во время навигаціи Рыбинскъ представляетъ оживленный и притомъ довольно своеобразный видъ. Да и вообще онъ вовсе не походитъ на обыкновенные уѣздные города и выдѣляется изъ ихъ ряда своимъ благоустройствомъ, оживленіемъ, обиліемъ каменныхъ домовъ, учебныхъ заведеній и разными учрежденіями. Лѣтомъ около города развита дачная жизнь; главные здѣшніе дѣльцы, какъ бы слѣдуя столичной модѣ, приѣзжаютъ днемъ въ городъ, а къ обѣду удаляются подъ сѣнь струй. Не похожъ Рыбинскъ и на губернскіе города, ибо чиновничій элементъ въ немъ совершенно ступшевывается, а на первый планъ выступаетъ элементъ дѣловой и меркантильный. Во внутренней жизни города замѣчается нѣкоторая смѣсь культурности и бурлацкаго невѣжества, причемъ культурность съ каждымъ годомъ дѣлается замѣтнѣе, а бурлацкое невѣжество понемногу уменьшается. Нѣкоторую культурность придаетъ Рыбинску обиліе нѣмцевъ, для которыхъ устроено даже нѣсколько Bierhalle, какъ гдѣ-нибудь въ добромъ городѣ Ганноверѣ. На Крестовой улицѣ — большое зданіе лучшей здѣшней гостинницы Зимина, гдѣ собираются болѣе именитые коммерсанты; ресторанъ этой гостинницы не уступаетъ лучшимъ столичнымъ; отдѣланный подъ дубъ залъ, дорогая «машина», хорошая сервировка стола, изысканно приготовленные блюда заставляютъ забывать, что вы въ Рыбинскѣ, а не въ большихъ московскихъ трактирахъ. На здѣшнее общество большее вліяніе оказываютъ Петербургъ и Нижній-Новгородъ, а не Москва; даже газеты здѣсь болѣе петербургскія и нижегородскія. Въ навигаціи городъ живетъ тихой и безмятежной жизнью, какъ и подобаетъ благонадежному россійскому городу; всякія соціальныя

и другія вѣянія ему чужды. По зимамъ въ здѣшнемъ клубѣ вечера, въ библіотекѣ разбирается больше книгъ. Здѣшнее земство, кромѣ публичной библіотеки, предприняло открытіе сельскихъ библіотекъ; въ 1892 году открыты четыре первыя библіотеки при сельскихъ училищахъ, въ каждой до 200 книгъ; постепенно будутъ устраиваться библіотеки и при другихъ училищахъ, причѣмъ на каждую ассигнуется около 60 руб. въ годъ; однимъ изъ мотивовъ ихъ учрежденія служитъ намѣреніе противо-дѣйствовать рецидиву безграмотности: кончающіе въ сельскихъ училищахъ ребята, какъ бываетъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, поглощаются сельскими и другими работами, книгъ у нихъ нѣтъ, отъ чего нѣкоторые черезъ два-три года разучиваются читать, если только не попадаютъ въ столицы и другіе большіе города, гдѣ, особенно въ трактирахъ и распивочныхъ заведеніяхъ, имѣется кой-какая газетная пища, хотя и невысокаго разбора, разные «листки» и пр.

Въ Рыбинскѣ мы пробыли полтора дня, вечеръ и ночь провели на пароходѣ по любезному предложенію капитана. И что за вечеръ! какое идиллическое наслажденіе пить чай на пароходной вышкѣ, на серединѣ широкой рѣки, куда доносится музыка съ бульвара, а городъ постепенно окутывается синеватою дымкою. Набережная и храмы, освѣщенные луною, принимаютъ какой-то фантастическій оттѣнокъ, рабочій людъ давно спитъ и полная тишина смѣняетъ дневной гомонъ и суету. Мѣсяцъ съ прозрачно-лазурныхъ небесъ все озаряетъ — и городъ и лѣсъ; воздухъ на Волгѣ здоровый, живительный, полонъ былъ нѣги какой-то томительной... Самъ Немировичъ-Данченко, такъ восхищавшійся нижнею Волгою, а потомъ многократно превозносившій Севилью съ ея Хиральдой, былъ бы очарованъ этимъ вечеромъ на верхней Волгѣ у прозаическаго Рыбинска, гдѣ вмѣсто андалузцевъ съ ихъ навахами фигурируютъ рваные крѣпичники, а вмѣсто демоническихъ гитанъ базарныя торговки и крикливыя мѣщанки. Онъ съумѣлъ бы и ихъ опоэтизировать, а наше перо для этого слабо.

V.

Отплытіе изъ Рыбинска. — Шексна и Череповець. — Рыбинскій уѣздъ. — Романово-Борисоглѣбскъ. — Пошехонскій край. — Рагозинскій заводъ и Норская мануфактура. — Толскій монастырь. — Общій видъ Ярославля. — Ближайшее съ нимъ знакомство. — Пути на сѣверъ и бабье царство. — Немного статистики и исторіи. — Ярославскія церкви. — Просвѣтительное значеніе города. — Демидовскій лицей и др. ученые учрежденія. — Мѣстные писатели и уроженцы. — Первый русскій театръ и внутренняя жизнь города. — Фабрики и оригинальныя производства. — Отплытіе изъ Ярославля. — Мели и перегаты. — Усадьба Некрасова. — Общій характеръ Ярославской губерніи.

Отъ Рыбинска до Нижняго-Новгорода, на такъ называемомъ *среднемъ плесѣ*, число пароходовъ умножается. Кромѣ «Самолета» здѣсь дѣйствуютъ еще двѣ пароходныхъ компаніи. Первая, извѣстные американскіе пароходы Зевеке и К^о — двухъэтажные, опрятные, миссисипскаго типа, плоскодонные съ однимъ широкимъ колесомъ сзади; имъ и названія придуманы американскія: Алабама, Аллегани, Аляска и др.; они принимаютъ значительное количество груза, зато идутъ довольно медленно. Другая компанія «Волжскаго Товарищества» — пароходы довольно помѣстительные, но далеко не представляющіе того комфорта, какъ самолетскіе и зевекинскіе.

Изъ Рыбинска до Нижняго ежедневно отходитъ по 4 — 5 пассажирскихъ пароходовъ. Восьмидесяти-верстное разстояніе до Ярославля проходится въ 5½ — 6 часовъ. Отъ Рыбинска до Костромы 11 — 12 часовъ плаванія, до Нижняго-Новгорода около полоторыхъ сутокъ, до Казани 2½ сутокъ. Кромѣ того отъ Рыбинска ходятъ пароходы по Шекснѣ. На этомъ пути лежитъ знаменитый городъ *Череповецъ*, или, проще говоря, сѣверныя Авины. Правда, этотъ городокъ имѣетъ только 4000 жителей и одну порядочную, вымощенную улицу, гдѣ мостовая имѣетъ значеніе памятника: по ней не ѣздятъ, а объѣзжаютъ сторонкою, чтобы не сломать экипажа. За то въ городѣ около 800 учащихся, или по одному на 5 жителей — пропорція такая, какую встрѣтишь только гдѣ-нибудь въ Цюрихскомъ кантонѣ. Въ Череповцѣ имѣется реальное училище, женская гимназія, учительская семинарія, ремесленное училище, сельско-хозяйственная школа и др. Кромѣ того въ городѣ находится окружной судъ, такъ что интеллигенціи хоть отбавляй. Сюда посылаютъ учиться изъ разныхъ мѣстъ Новгородской и смежныхъ съ нею губерній. Оканчивающіе

въ здѣшнемъ ремесленномъ училищѣ и въ техническомъ отдѣленіи реального училища разбираются на расхватъ на мѣста механиковъ, мастеровъ, на парходныя верфи, на заводы и пр. Такою культурною ролью городъ во многомъ обязанъ состоящему здѣсь 30 лѣтъ городскимъ головою *Ивану Андреевичу Милютину*, довольно извѣстному въ общественныхъ и петербургскихъ сферахъ; П. А. также самородокъ въ своемъ родѣ и видный дѣятель Поволжья, родомъ изъ мѣстныхъ крестьянъ, въ молодости торговалъ телятами по деревнямъ, а потомъ сталъ крупнымъ общественнымъ дѣятелемъ, основалъ парходство отъ Рыбинска до Петербурга по Маринской системѣ; былъ, вмѣстѣ съ Кокоревымъ и другими лицами, однимъ изъ учредителей Волжско-Камскаго банка; во время голодовки 1870 г. въ сѣверныхъ губерніяхъ былъ уполномоченнымъ по закупкѣ хлѣба, сдѣлалъ большія пожертванія для Череповца, писалъ своеобразнымъ языкомъ, съ лирическими уподобленіями, брошюры и статьи въ разныхъ журналахъ и газетахъ по вопросамъ городского самоуправления, о металлическомъ судостроеніи, о Маринскомъ пути и пр.

Остается также упомянуть, что Череповецъ единственный городъ въ Россіи, гдѣ была упразднена выборная земская управа, распространявшая, по увѣренію мѣстныхъ охранителей, социалистическую заразу, а вмѣстѣ ея три года дѣйствовало казенное управленіе, только въ прошломъ году вновь замѣненное настоящей земскою управою.

Самолетскій парходъ «Удалой», немного побольше «Наяды», но такой же чистый и съ такимъ же любезнымъ персоналомъ, гостепріимно принялъ насъ въ свои нѣдра. Долго плыли мы мимо рыбинскихъ пристаней, и городъ все не хотѣлъ скрыться изъ глазъ. Мѣстность густо населена. Между Рыбинскомъ и Ярославлемъ, на разстояніи 80 верстъ, на берегу Волги и вблизи отъ него раскинулось 165 селъ и деревень — густота такая же, какъ гдѣ-нибудь въ Саксоніи или Ломбардіи; зато тамъ нѣтъ такого простора, и каждый вершокъ земли утилизируется, а здѣсь много свободной земли, и населеніе ею не дорожить. Изъ Рыбинскаго уѣзда много народа уходитъ на парходы, въ трактиры, по печной, малярной, столярной, хлѣбопекарной и по другимъ частямъ. Словомъ, и тутъ ярославецъ не измѣняетъ своей разносторонности: вездѣ онъ артистъ, хористъ, аферистъ, бандажистъ и перчаточникъ, какъ говорится въ одномъ водевилѣ.

Вступая въ Романово-Борисоглѣбскій уѣздъ, при упоминаніи о которомъ на умъ приходятъ лукъ и полушубки, подплываемъ къ пристани

«Шашково», расположенной въ красивой холмистой мѣстности, гдѣ живутъ на дачахъ многіе рыбінскіе обыватели. Насупротивъ пристани — усадьба съ большимъ паркомъ почетнаго опекуна *Н. В. Кидошенкова*, пользующагося репутаціей рѣдкой честности въ петербургскихъ сферахъ, бывшаго главнымъ полевымъ казначеемъ во время войны 1877 г. и управлявшаго потомъ главнымъ казначействомъ. За Шашковымъ Волга все также широка и прелестна, отчасти напоминаетъ Неву, только съ болѣе высокими берегами. Мѣстность оживленная, часто попадаются лодки, до краевъ нагруженныя бабами, которыя переправляются на другую сторону. Кажется — одно неосторожное движеніе, и всѣ эти отважныя плавательницы сдѣлаются добычею волнъ, что иногда и бываетъ, особенно во время буръ на Волгѣ, какъ нерѣдко сообщалось и въ газетахъ.

За 44 версты отъ Рыбинска ¹⁾. глазъ путника очаровывается видомъ города **Романово-Борисоглѣбска**, раскинутаго на высокихъ зеленыхъ холмахъ по обѣ стороны Волги. На правомъ берегу Борисоглѣбскъ, съ тремя церквами ²⁾, на лѣвомъ главная часть — Романовъ, съ семью бѣлыми церквами и красивымъ бульваромъ наверху, куда ведетъ отъ пристани довольно головоломная лѣстница. Вправо отъ пристани, у сѣзда, обращаетъ вниманіе оригинальная старинная церковь; кругомъ зелень, просторъ и тишина. Городъ Романовъ считаетъ на своихъ плечахъ уже 5½ столѣтій. Выстроенъ онъ въ 1345 году княземъ Романомъ Владиміровичемъ, въ 1710 году его присоединили къ Пошехонской провинціи, — была даже и такая провинція, — а съ 1802 года соединили съ лежащимъ напротивъ селомъ Борисоглѣбскомъ. Въ срединѣ XVII столѣтія многіе здѣшніе жители приняли ученіе попа Лазаря; и теперь здѣсь много раскольниковъ поповской секты (по Рогожскому кладбищу). Заслуживаетъ вниманія то обстоя-

¹⁾ Близъ с. Савинскаго, вереть десять не дожжая Романово-Борисоглѣбска, 18 іюня 1893 г. сгорѣлъ, отъ бывшаго на немъ хлопка, американскій пароходъ «Альфонсъ Зевекъ», причемъ сгорѣло, задохлось и утонуло, какъ писали, до 20, а можетъ быть и болѣе пассажировъ. Нѣкоторыхъ погубило расположенное сзади колесо, подъ которое втягивались прыгавшіе съ кормы.

²⁾ 5 іюня 1893 г. городъ испыталъ страшную катастрофу. Въ этотъ день, ко всеобщей, въ соборъ на Борисоглѣбской сторонѣ всегда собирается множество народа для участія въ крестномъ ходѣ, бывающемъ 6 іюня. Во время вечерняго богослуженія, происходившаго въ верхнемъ этажѣ собора, кто-то крикнулъ «горимъ», раздался набатъ, молящіеся въ паникѣ бросились внизъ по единственной лѣстницѣ, многіе были смяты и раздавлены; въ соборѣ и на лѣстницѣ осталось 136 труповъ, почти все женщины.

тельство, что они часто ходят молиться въ православные храмы, потому что въ нихъ много древнихъ иконъ.

Въ городѣ 30 лѣтъ назадъ считалось до 700 домовъ и 5½ тысячъ жителей, теперь до 800 домовъ, въ томъ числѣ 120 каменныхъ и 8—9 тысячъ жителей; городского дохода до 22 тыс. Онъ имѣетъ и промышленное значеніе; здѣсь большая льнопрядильня Классень съ 800 рабочими и съ производствомъ до милліона. Въ Борисоглѣбскѣ еще Гакетгаузенъ 50 лѣтъ тому назадъ нашелъ большую общину кожевниковъ; знаменитыхъ романовскихъ полушубковъ въ городѣ теперь дѣлается мало; въ уѣздѣ-же былъ развитъ прежде кружевной промыселъ, но и тотъ теперь упалъ вслѣдствіе распространенія его въ другихъ районахъ, такъ какъ съ умноженіемъ населенія все больше освобождается женщинъ и дѣвушекъ, которыя чтобы не остаться за флагомъ приурочиваютъ себя къ этому промыслу. Дошло до того, что романовскія кружевницы еле добываютъ 12—18 коп. въ день за 12—13 часовъ работы или по 1—1½ коп. за часъ труда, при которомъ ноетъ спина, портится зрѣніе, болитъ голова отъ напряженнаго вниманія, и являются другіе болѣзненные симптомы, свойственные усидчивому режиму. Затѣмъ, здѣшніе жители разводятъ лукъ, готовятъ въ значительномъ количествѣ укусъ и пекутъ довольно вкусные баранки, разсылаемыя въ разныя мѣста.

Здѣшнее земство устроило ремесленную школу въ память событія 17 октября 1888 г. для токарно-столярнаго и кузнечно-слесарнаго ремесла. Изъ уѣзда уходятъ не только по трактирамъ, но и въ штукатуру, шубники, лѣщики, столяры, каретники, бронзовщики, портные и т. п., такъ что романовцы проявляютъ такіе же разнообразныя таланты, какъ и прочіе ярославцы. Въ селѣ Малой-Мочинѣ романовскаго уѣзда родился въ 1786 году извѣстный крестьянинъ-стихотворецъ, *Федоръ Никифоровичъ Слупушкинъ*: еще семи лѣтъ онъ выучился кой-какъ читать, но потомъ, какъ крѣпостной, былъ отданъ въ лавочку, потомъ на мельницу; 17-ти лѣтъ переселился въ Петербургъ, гдѣ продавалъ на улицахъ вареную грушу, затѣмъ открылъ мелочную лавочку въ Ново-Саратовской колоніи, а потомъ въ селѣ Рыбацкомъ; здѣсь дѣла его поправились, и онъ находилъ больше времени сочинять стихи и даже писалъ портреты; въ стихахъ онъ изображалъ разныя вопросы сельской жизни, причемъ Бѣлинскій призналъ въ нихъ благородство мысли, грамматическій смыслъ, правильность рифмы и размѣра. Въ 1826 году за стихотвореніе «Досуги сельскаго жителя» академія наукъ дала ему большую золотую медаль, а

Императоръ Николай Павловичъ пожаловалъ богатый шитый золотомъ кафтанъ. Слѣпушкинъ былъ представленъ Императрицѣ, сталъ извѣстенъ петербургской интеллигенціи, и въ немъ принималъ участіе самъ Пушкинъ; въ томъ же 1826 году ему помогли выкупиться на волю, причеиъ за него, какъ за стихотворца, госпожа содрала 3000 руб.

Отъ Романова-Борисоглѣбска идетъ почтовый трактъ до славнаго города *Пошехонья*—въ глушь Ярославской губерніи. Пошехонскій уѣздъ — самый сѣверный и самый большой. Населяютъ его пошехонцы, которые занимаются платежемъ податей, отбываніемъ повинностей, сѣяніемъ ржи и овса, извозомъ и другими полезными упражненіями. Про нихъ говорится, что они «въ трехъ соснахъ заблудились и за семь верстъ комара ловить ходили, а онъ у одного изъ нихъ на носу сидѣлъ». Словомъ, это такая нація, которая отстала отъ другихъ ярославцевъ. Самое слово «пошехонье» стало нарицательнымъ для глухой великорусской провинціи,— пошехонскіе нравы, пошехонская старина... Пошехонскій край далъ имя первой русской газетѣ «Уединенный Пошехонецъ». Но простоватость пошехонцевъ преувеличена: они кажутся такими лишь въ сравненіи съ остальными ярославцами. И изъ нихъ многіе идутъ по трактирамъ; еще въ старинномъ «Статистическомъ Журналѣ» сказано ¹⁾: «между поселянами Пошехонскаго уѣзда, по городамъ промышляющими, особенно примѣтны маркитанты».

Въ этомъ же уѣздѣ, въ селѣ Козмодемьянскомъ на Шекснѣ, проживаетъ самоучка-писатель, изъ мѣстныхъ крестьянъ, *С. Я. Деруновъ* который образнымъ языкомъ излагаетъ разныя мысли по вопросамъ сельскаго хозяйства и крестьянскаго быта ²⁾. С. Я.—дѣятельный земскій гласный, возбуждавшій на собраніяхъ практическіе вопросы, напр. объ организаціи ремесленнаго образованія въ уѣздѣ, что въ нѣкоторой степени и осуществлено.

За восемь верстъ отъ Романова-Борисоглѣбска пароходъ останавливается у *Константиновской* пристани, гдѣ расположенъ большой заводъ минеральныхъ маселъ Рагозина и К^о; съ нимъ связаны воспоминанія объ извѣстномъ приволжскомъ нефтяномъ дѣятелѣ *Викторѣ Ивановичѣ Рагозинѣ* ³⁾, который пронесся метеоромъ по среднему поволжью. Это былъ

¹⁾ См. «Статистическій Журналъ», изд. Карломъ Германомъ, за 1808 г., т. II, ч. II, стр. 207.

²⁾ Онъ печатаетъ замѣтки, въ мѣстныхъ, а иногда и въ столичныхъ изданіяхъ; послѣдняя его статья: «Письма крестьянина» въ «Экономическомъ Журналѣ», 1892 г., № 9.

³⁾ В. И. Рагозинъ издалъ цѣнный трудъ «Волга», гдѣ подробно изложилъ геогра-

человѣкъ большой энергіи, кипучій, съ большимъ ораторскимъ талантомъ; главная арена его дѣятельности — Нижній-Новгородъ, гдѣ онъ увлекалъ за собою мѣстныхъ инертныхъ капиталистовъ, затѣвалъ большія дѣла, требовавшія большихъ денегъ, и лѣтъ десять назадъ, прогорѣвъ, исчезъ съ Волги, перенеся дѣятельность въ Баку, гдѣ теперь управляетъ однимъ крупнымъ нефтянымъ дѣломъ. Онъ первый насадилъ въ Россіи производство изъ нефти минеральныхъ маселъ, или, говоря проще, олеонафтовъ: асролина, бензина, пиронафта и другихъ продуктовъ съ хитрыми названіями; раньше изъ нефти выгоняли одинъ лишь керосинъ, но такъ какъ русская нефть гораздо тяжелѣе американской и даетъ меньшій процентъ освѣтительнаго вещества, то больше половины остатка пропадало. В. П. далъ толчекъ къ утилизаціи значительнаго числа ея. Въ 1875 г. имъ былъ устроенъ заводъ въ Балахнѣ, а въ 1878 году въ Константиновѣ; послѣдній закрылся въ 1886 г., а черезъ два года закрылся и другой, а дѣла его были перенесены въ Константиново, дѣйствія котораго возобновились въ 1888 году.

Берега Волги становятся все красивѣе. На горизонтѣ всегда виднѣется нѣсколько селеній, которыя не производятъ такого впечатлѣнія, какъ въ степной Россіи и въ нижнемъ Поволжѣ. Соломенныхъ крышъ не видать, избы довольно исправныя, одежда обывателей не поражаетъ своею изношенностью и оборванностью, какъ на низовьи, а весело пестрѣетъ въ глазахъ яркими цвѣтами. Кой-гдѣ слышится пѣсня, а по праздникамъ, подъ вліяніемъ наносной культуры, на деревенскихъ улицахъ отплясываютъ лансье и кадрили. За 68 верстъ отъ Рыбинска и 12 верстъ не доѣзжая Ярославля, на правомъ берегу раскидывается **Норскій посадъ**, который подобно Рыбинску былъ въ старину рыбною слободою дворцоваго вѣдомства. Въ немъ четыре церкви, гостинный дворъ, народъ живетъ дѣловитый и суровый: многія занимаются кузнечествомъ. Подальше, черезъ рѣчку Норку на томъ же берегу село Норское и тутъ же обширные каменные корпуса бумагопрядильной и льнопрядильной мануфактуры братьевъ Хлудовыхъ, высокія трубы которой издали уже говорятъ о воцарившейся въ этихъ идиллическихъ мѣстахъ гидрѣ капитализма, проглотившей десятки тысячъ скромныхъ тружениковъ — самостоятельныхъ мастеровъ и

фическія, геологическія и другія данныя о берегахъ Волги; ему во многомъ помогалъ братъ его Евгенийъ Ивановичъ, безъызвѣстный и въ литературѣ, дѣятельно участвующій въ «Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговлѣ», работавшій вопросъ о привилегіяхъ и др.

кустарей. Мануфактура основана въ 1860 году, а нынѣ считается до 2000 рабочихъ и до двухъ милліоновъ рублей производства; выработка льняной пряжи уменьшается, а бумажной увеличивается, причѣмъ употребляется больше русскій хлопокъ, получаемый изъ туркестанскаго края, особенно изъ района Закаспійской желѣзной дороги, гдѣ съ каждымъ годомъ размножаются, какъ извѣстно, отечественныя хлопчатобумажныя плантаціи, а процентъ ввозимаго изъ-заграницы хлопка—египетскаго, индійскаго и персидскаго, — все сокращается.

На полпути между Норской мануфактурой и Ярославлемъ, среди зелени, около кедровой рощи, при впаденіи рѣчки Толги, бѣлѣтся на лѣвомъ берегу **Толгскій монастырь**, около котораго пароходъ останавливается. Туристъ, никогда не бывавшій на верхней Волгѣ, впервые встрѣчается здѣсь съ оригинальнымъ явленіемъ, какого не увидишь нигдѣ за границею. Пароходная конторка обращена въ часовню, и здѣсь во время десятиминутной стоянки парохода, монахи служатъ на скорую руку («на почтовыхъ») молебенъ. Пассажиры молятся, покупаютъ просфоры, ставятъ свѣчи и съ умиленнымъ духомъ ѣдутъ дальше. Монастырь основанъ въ 1314 году на мѣстѣ «явленія иконы Божіей Матери святителю Трифону»; икона эта привлекаетъ много богомольцевъ. Въ монастырѣ три церкви и большой пятиглавый соборъ; онъ обрамленъ, какъ водится, бѣлыми стѣнами, рядомъ съ которыми присосѣдился довольно чистая монастырская гостиница, манящая подъ свой кровъ измочаленнаго жизнью путника, какъ бы приглашая его отдохнуть денекъ-другой въ этомъ пріютѣ мира и спокойствія. Но, увы, очень немногіе могутъ поддаться этому влеченію. Огромное большинство подъ давленіемъ реальныхъ заботъ мчится дальше, отдавши Божіе Богови короткимъ молебномъ и ставленіемъ свѣчъ. Во время стоянки между молящимися вертѣлся юродивый съ блуждающимъ взоромъ, въ полумонашеской одеждѣ и полинялой скуфейкѣ; при видѣ его мысль переносилась въ средніе вѣка русской исторіи, когда юродивые и блаженные пользовались правомъ гражданства въ Московскомъ государствѣ, когда къ ихъ совѣту обращались сами цари, а простые смертные въ ихъ несвязныхъ бормотаніяхъ видѣли особыя пророчанія на счетъ своей судьбы и то впадали въ уныніе, то ощущали подъемъ духа. Но вѣра въ юродивыхъ не прошла и теперь, только существуютъ они теперь въ болѣе разнообразныхъ видахъ; и эти теперешніе юродивые гораздо вреднѣе прежнихъ и встрѣченнаго нами въ Толгѣ. Этотъ нашъ юродивый истово вздыхалъ,

кладъ земные поклоны, мочилъ палецъ въ лампадѣ, затѣмъ съ безмысленной улыбкой мазалъ деревяннымъ масломъ по своей и чужимъ физиономіямъ, бормоча несвязныя молитвенныя слова. Когда пароходъ сталъ отваливать, юродивый вошелъ на него вмѣстѣ съ другими, не заботясь о билетѣ, котораго впрочемъ съ него и не спрашивали; первое время онъ обнаруживалъ лихорадочную дѣятельность: клалъ земные поклоны, размазывалъ по лицу масло, бормоча: «Богородица-матушка помазала Александрушку», пытался даже помазать ладонью личико одной барышни, которая въ испугъ отъ него отпрянула; потомъ онъ свѣсилъ голову на грудь и прислонился въ оцѣпенѣніи въ стѣнѣ, пока его кто-то не взялъ пить чай.

Еще шесть верстъ — и передъ нами стала развѣртываться нетерпѣливо ожидаемая панорама **Ярославля**, съ многочисленными церковными куполами. Завидя ихъ пассажиры, за исключеніемъ волтерьянцевъ, снимали шапки и осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. Волтерьянцы, хотя и не крестились, но стояли въ нѣмомъ восхищеніи передъ очаровательной и своеобразной картиной древняго русскаго города. И дѣйствительно, Ярославль—одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Россіи. По картинности своей онъ, если и уступаетъ, то очень немногимъ: Нижнему, Кіеву, Владиміру и, можетъ быть, Москвѣ. По высокому берегу Волги, широкой здѣсь, какъ Нева, прямой линіей версты на двѣ кокетливо красуется изящная благоустроенная набережная; основаніе ея выложено дикимъ камнемъ, а откосы—дерномъ; тамъ, гдѣ набережную прорѣзываютъ сѣзды, устроены красивые каменные виадуки, придающіе пейзажу какой-то заграничный видъ, знакомый намъ по рисункамъ живописныхъ французскихъ и баварскихъ городовъ. По верху набережной тянется бульваръ изъ густолиственныхъ липъ, изъ-за которыхъ выглядываютъ старинныя главы и шатровыя колокольни многочисленныхъ церквей. Въ концѣ бульвара, на крутомъ мысу, у впаденія рѣки Которосли, въ густой тѣни деревъ бѣлѣетъ красивое зданіе Демидовскаго лицея, а за нимъ по лѣвому берегу Которосли тянется красивая группа бѣлыхъ зданій, церквей, бѣлыя стѣны архіерейскаго дома, а вдалѣ уходятъ обрамленныя зеленью садовъ болѣе идиллическія и скромныя постройки, среди которыхъ каменныхъ домовъ уже меньше. За Которослью, отдѣленной отъ центра города красивымъ желѣзнымъ мостомъ, широко раскинулось вдалѣ большое предмѣстье, въ концѣ котораго манитъ взоръ многоглавая древняя церковь Іоанна Предтечи на Толчкѣ. Вообще, видъ Ярославля не

только импонирующей, но несколько и оригинальной. Передний план картины представляет собою, если можно так выразиться, окультуренный русский видъ, не совсѣмъ свойственный другимъ русскимъ городамъ, гдѣ сады, церкви, дома обыкновенно разбросаны въ картинномъ безпорядкѣ. Здѣсь, напротивъ, прежде всего плѣняетъ взоръ вытянутая въ ничточку, какъ-бы вылощенная и выглаженная набережная съ ровнымъ, какъ-бы подстриженнымъ бульваромъ и красивыми мостами черезъ сѣзды, напоминающими что-то заграничное, педантичное. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бьетъ глаза и чисто русский элементъ: за зелеными бульварами вздымаются главы церквей славяно-византійско-россійскаго стиля, а самыя зданія очень разнообразны и расположены просторно, какъ и подобаетъ въ настоящемъ русскомъ городѣ.

По выходѣ съ парохода мы взяли семейный дилижансъ, запряженный тройкою лошадей. Это — очень интересный экипажъ допотопнаго типа, напоминающій московскія линейки и въ довершеніе оригинальности выкрашенный въ кровавый цвѣтъ. Въ этомъ ковчегѣ мы взлетѣли на гору, проѣхали мимо большого бульвара, внутри города и въ концѣ его остановились на небольшой чистенькой площади, противъ изящнаго театра, у лучшей здѣшной гостиницы Кокуева. Чугунная лѣстница, высокія чистыя комнаты, большія окна — все производитъ пріятное впечатлѣніе. Самый городъ также хорошо дѣйствуетъ на душу: довольно чистыя мощенныя улицы, обставленныя въ центрѣ чистыми каменными домами, часто съ садиками, старинныя церкви, монастыри, большія общественныя зданія, обширные корпуса гостиного двора, — все указываетъ на немало важное значеніе города. Но съ другой стороны безлюдье, значительное количество пустующихъ лавокъ въ гостиномъ дворѣ, проростающая сквозь камни травка, парящая вездѣ, даже на базарѣ, тишина — симптомы, означающіе нѣкоторый упадокъ этого большого города, который когда-то жилъ полною жизнью. Тогда тяготѣющіе къ нему районы были шире, черезъ него проходили главные торговые пути, въ немъ жили по зимамъ помѣщики, еще не проѣвшіе своихъ деревень и широко расточавшіе плоды крѣпостнаго труда на поддержаніе мѣстныхъ промысловъ и искусствъ. Да, «въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ», а въ настоящее время часть торговыхъ оборотовъ перешла къ другимъ городамъ; районъ Ярославля, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, сгустился, помѣщикъ повышелся, а его мѣсто занялъ разночинецъ, купецъ и чиновникъ — породы людей, менѣе расположенныя къ широкому пользованію плодами цивили-

зации. За то эта тишина, охватывающая каждого при въѣздѣ въ Ярославль, этотъ миръ, которымъ вѣетъ отъ старинныхъ церквей, отъ садовъ, бульваровъ, успокоительно дѣйствуетъ на душу.

Центръ города довольно величественный, хотя здѣсь и нѣтъ кремля съ толстыми зубчатыми стѣнами и высокими башнями. Онъ занимаетъ мѣсто древняго «рубленого города» въ треугольникѣ, образуемомъ слияніемъ Волги съ Которослью и линіями Стрѣлецкаго бульвара съ Медвѣдицей. Ближе къ мысу большая тихая Парадная площадь, поросшая травкой, болѣе полуверсты длиною, отдѣленная отъ набережной губернаторскимъ домомъ съ густымъ садомъ и нѣсколькими хорошими усадьбами. На площади темнобронзовая колонна, изображающая памятникъ Павлу Григорьевичу Демидову, поставленный въ 1829 г.; правѣе, ближе къ Которосли, красивый Успенскій соборъ, а около него лицей, едва замѣтный изъ-за зелени. Противъ собора грандіозное зданіе городской управы съ колоннами, тутъ же гимназія. Лѣвѣе на площади древняя церковь бланжеваго цвѣта—Ильи Пророка. Вообще, въ районѣ Парадной площади и въ боковыхъ улицахъ 12 церквей, куполы которыхъ красиво сливаются при вечернемъ освѣщеніи. Центральная часть расположена по старинному плану; отъ главной площади радіусами идутъ нѣсколько короткихъ улицъ, заканчивающихся небольшими площадями; одна изъ площадей обставлена, точно также какъ въ Твери, подковообразными зданіями присутственныхъ мѣстъ, только не желтаго, а сѣраго цвѣта; къ другимъ площадкамъ примыкаютъ корпуса гостинаго двора, а параллельныя набережной двѣ тихія улицы обставлены лучшими домами. За Стрѣлецкимъ бульваромъ и Медвѣдицей расположена болѣе новая и болѣе обширная часть города—бывшій земляной городъ, гдѣ въ направленіи отъ Волги, почти подъ прямыми углами, расходятся шесть главныхъ улицъ: Московская, Рождественская, Власьевская, Старо-Романовская, Дворянская и Петропавловская; церкви въ этой части рѣже, дома скромнѣе, на улицахъ не такъ чисто, какъ въ центральной части.

Ярославль лежитъ на 867 верстѣ отъ истоковъ Волги, стало быть, мы пробѣхали четверть ея длины. Отъ Твери до Ярославля 447 версть, а отъ Ярославля до Нижняго 380 версть. Главная и самая величественная часть города лежитъ на ровномъ плато, высоко, —сажень на 15—возвышающемся надъ Волгой. На томъ же правомъ берегу, за Которослью, тянется версты на двѣ большая Заоторосльская слобода, къ которой примыкаетъ станція Московско-Ярославской желѣзной дороги (261 верста до

Москвы), открытой въ 1862 г., одной изъ самыхъ доходныхъ въ Россіи и одной изъ немногихъ линій, гдѣ пассажирское движеніе даетъ прибыль. Дорога эта идетъ на древній Ростовъ, на Александровъ, гдѣ когда-то молился и свирѣпствовалъ Грозный Иванъ IV, и на Троицкую лавру, куда изъ Москвы ѣздить массы богомольцевъ. Отъ ярославской станціи этой желѣзной дороги идетъ вѣтвь, черезъ Нерехту на Кострому, открытая 15 декабря 1887 г. Существуетъ даже проектъ, весьма еще туманный, о соединеніи Костромы съ Пермью для приближенія Урала и Вятскаго края къ столицамъ, причѣмъ пришлось-бы провести также линію отъ Ярославля къ Рыбинску. На лѣвомъ берегу Волги, противъ города, лежитъ предмѣстье Тверицы, названное такъ потому, что сюда были переселены рыбаки, высланные Иваномъ Грознымъ изъ Твери. Въ Тверицахъ начинается узкоколейная желѣзная дорога, ведущая черезъ Даниловъ и Грязовець къ другому древнему городу Вологдѣ (192 версты), откуда уже можно ѣхать пароходомъ до Архангельска. Такимъ образомъ отъ Ярославля идетъ большая дорога въ самыя обширныя гиперборейскія губерніи. Изъ нихъ въ Вологодской, въ южной части, жители, какъ говорится въ учебникахъ географіи, — «успѣшно занимаются хлѣбопашествомъ», но дальше все лѣса и лѣса, населеніе зажиточное, избы хорошія, но разстоянія варварскія, такъ что, напримѣръ, отъ Вологды до города Усть-Сысольска, въ предѣлахъ одной губерніи, на пароходѣ приходится ѣхать 10—12 дней, т. е. столько, сколько нужно, чтобы съѣздить изъ Петербурга въ Севилью, на берегъ Гвадалквивира, пробыть тамъ день-два и вернуться обратно. А дальше — интересная Архангельская губернія съ суровыми поморами и русскими поселянами, не знавшими крѣпостнаго права, которые живутъ въ хорошо меблированныхъ избахъ, черный хлѣбъ считаютъ за цѣнный привозный продуктъ и держатъ себя на равной ногѣ даже съ генералами. Петербуржцамъ, имѣющимъ лѣтомъ три недѣли свободнаго времени, можно рекомендовать интересный туръ: черезъ Тверь до Ярославля, а оттуда на Вологду, Архангельскъ, Соловецкій монастырь, оттуда на Сумскій посадъ и 180 верстъ по хорошей дорогѣ на г. Повѣнецъ, гдѣ міру конецъ, откуда на пароходѣ черезъ Петрозаводскъ въ Петербургъ. Ближайшій къ Ярославлю г. Даниловъ замѣчателенъ особымъ преобладаніемъ прекраснаго пола надъ непрекраснымъ. На его улицахъ мужчины почти такъ же рѣдки, какъ и черныя лебеди, если не считать мѣстныхъ чиновниковъ, которые по закону должны быть мужскаго пола, хотя въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ канцеляріяхъ женщины съ успѣхомъ могли-бы подвиги

заться. Но на это имѣется готовое возраженіе, что у насъ не Америка! Во всемъ Даниловскомъ уѣздѣ и вообще въ сѣверныхъ частяхъ Ярославской губ. и сосѣдней Костромской, остаются большей частью только старики и мальчуганы, такъ что всѣ главныя работы по хозяйству и для поддержанія быта лежатъ на женщинахъ. Здѣсь настоящее «бабье царство». Кромѣ разнообразныхъ женскихъ работъ по домашеству, по обшиванію и кормленію семьи и пр. бабы пашутъ, молотятъ, косятъ, рубятъ дрова, чинятъ избы, ловятъ рыбу, запрягаютъ лошадей, ѣздятъ верхомъ по мужеки не хуже любого кавалериста, чинятъ дороги, возятъ почту и т. д. Вообще, онѣ дѣлаютъ то, что въ другихъ мѣстахъ снисходительно беретъ на себя сильный полъ. Мало того, женщины исполняютъ здѣсь даже государственныя функціи. Нерѣдко встрѣтить бабу съ бляхою, исправляющую должность десятскаго или старосты, не говоря уже, что есть бабы-ямщики, бабы-разсылныя и пр., не достааетъ только бабь-урядниковъ. Словомъ — женскаго вопроса здѣсь не существуетъ и возникнуть онъ не можетъ, женскій трудъ процвѣтаетъ здѣсь тысячу лѣтъ во всѣхъ видахъ, и многострадальная, мать «всевыносащаго русскаго племени» трудится съ утренней зари до вечерней, трудится круглый годъ, не покладая рукъ, пока не приберетъ ее мать-сыра земля. Красная румяная ярославка, равная по силѣ 4—5 петербургскимъ барышнямъ, «отцвѣтаетъ, не успѣвши расцвѣсть, за работой и тяжелой и трудной; и въ лицѣ ея, полномъ движенія, полномъ жизни, появится вдругъ выраженіе тупого терпѣнія и безсмысленный мрачный испугъ...» Кому неизвѣстны эти за душу трогаящія слова поэта, ярко рисующаго всю юдоль русской простой женщины, не вѣдающей въ жизни счастья, ключи отъ котораго потеряны-затеряны. Кто знаетъ и понимаетъ русскій народъ, тотъ невольно преклонится передъ русской женщиной, какъ-бы ни была неприглядна ея внѣшняя оболочка. Одинъ перечень того, что дѣлаетъ женщина сѣвернаго заволжья, можетъ привести въ полное недоумѣніе не только нашихъ возмутительно-праздныхъ барынь, но и трудящихся женщинъ привилегированнаго званія, для которыхъ былъ поднятъ лѣтъ тридцать назадъ такъ называемый женскій вопросъ. Этотъ модный въ свое время вопросъ до сихъ поръ не можетъ быть разрѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ, такъ что многимъ дамамъ и дѣвцамъ интеллигентнаго круга, вслѣдствіе превышенія спроса надъ предложеніемъ интеллигентнаго труда, остается идти работать въ деревню, на самыхъ скромныхъ условіяхъ, если не въ сферѣ физическихъ работъ, то на другихъ

поприщахъ. Къ этому исходу и прибѣгли многія въ нынѣшній ¹⁾ холерный и голодный годъ, когда русскія женщины въ баракахъ, больницахъ, дешевыхъ столовыхъ, проявили свои всегдашнія рѣдкія качества, вызывающія справедливое и благоговѣйное удивленіе.

Ярославль раскинуть довольно просторно, на 20 квадратныхъ верстахъ. Тридцать лѣтъ назадъ въ Ярославль было 3,000 домовъ, а теперь до 4,000, въ томъ числѣ около 600 каменныхъ; церквей 46, и кромѣ того три монастыря. Городъ болѣе чѣмъ православный, и число церквей, въ отношеніи населенія, втрое болѣе, чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ на одну церковь приходится до 3,000 жителей, а въ Ярославль съ небольшимъ тысяча. Полвѣка назадъ въ городѣ считалось до 35 тысячъ жителей, а теперь около 60 тыс., но и эта цифра имѣетъ только приблизительную точность. Такимъ образомъ изъ сотни губернскихъ и областныхъ городовъ насчитывается 25 городовъ многолюднѣе Ярославля; за то по обилію церквей Ярославль уступаетъ только Москвѣ и Кіеву, да развѣ еще Казани; въ этомъ отношеніи его можно считать третьимъ или четвертымъ городомъ въ Россіи. Въ 1891 году здѣсь родилось 2,601 (въ томъ числѣ незаконнорожденныхъ 377 или $14\frac{1}{2}\%$), а умерло 2,162 чело-вѣка, приростъ равняется 439 или около $\frac{2}{3}\%$. Смертность составляетъ, стало быть, около 35 на тысячу, что не очень рекомендуетъ санитарныя условія. Хотя по внѣшности городъ довольно чистый, но это только казовая сторона,—на дворахъ, за лавками, по берегамъ Которосли, въ прилегающихъ слободахъ спокойно накапливаются мусорныя наслоенія, канализаціи конечно нѣтъ, очистка нечистотъ — самая примитивная, какъ и подобаеть въ патриархальномъ историческомъ городѣ. Въдѣ Ярославль гораздо старше и Владиміра, и Москвы, и Твери, и Костромы. Ярославль Мудрый въ 1025 году построилъ рубленый городокъ въ углу, образуемомъ Волгою и Которослью, куда переселилъ ратныхъ и другихъ людей изъ Ростова, пригородомъ котораго Ярославль и считался первое время, въ теченіе почти 200 лѣтъ, пока великое княжество Ростовское не раздробилось на удѣльныя княжества. Тогда-то рядомъ съ такими княжествами, какъ Угличское, Мологское, Пошехонское, не оставившими большого слѣда во всемірной исторіи, образовалось и самостоятельное Ярославское княжество, которое въ свое время осмѣливалось даже соперничать съ Москвою и Тверью. Одинъ мѣстный археологъ даже приводитъ

¹⁾ Т. е. въ 1892 г., когда совершалась эта поѣздка.

гипотезу, что на мѣстѣ Ярославля былъ прежде городъ «Русь»—первый въ Россіи, изъ котораго и началась Россія.

Въ свое время Ярославль испытывалъ всякія бѣдствія и невзгоды, которыя полагаются по штату всякому порядочному русскому городу, кромѣ разумѣется, всемірнаго потопа. Такъ въ 1237 году онъ испыталъ нашествіе Батюга, послѣ котораго осталось очень чисто; по сказанію лѣтописца, жители города отчасти погибли, отчасти разбѣжались, спасая свои животы, ибо въ то время неизвѣстны были благотѣльные общества страхованія жизни, да если-бы таковыя и были извѣстны, то давно-бы всѣ лопнули, такъ какъ въ удѣльный періодъ русскихъ людишекъ истребляли безъ счета. Горѣлъ Ярославль часто и много. Самые опустошительные пожары указаны лѣтописцами въ 1501, 1536 и 1658 гг.; въ послѣдній пожаръ истреблено 3 монастыря, 29 церквей и полторы тысячи домовъ, но Ярославль, подобно другимъ русскимъ городамъ, возставалъ изъ пепла, какъ фениксъ. По поводу живучести города одинъ мѣстный поэтъ съ гордостью восклицаетъ: «ни дикихъ хищниковъ набѣги, ни долгія князей борьбы, ни половцы, ни печенѣги твоей не прервали судьбы!» Въ 1322 г. его вновь разорили татары, нѣкоторые изъ нихъ осѣли и по сверженіи ига получили вотчины; послѣдніе изъ этихъ мурзь, романовскіе, не принявшіе христіанства, переселены въ 1760 г. въ Кострому. Въ 1369 г., когда татарскихъ погромовъ можно было уже не бояться, на Ярославль ни съ того, ни съ сего напали свои-же православные люди; имъ овладѣли удалые ушкуйники, которые пограбили его и пошли дальше на Мологу,—тогда вѣдь все это было такъ просто! Къ половинѣ XV вѣка родъ князей Ярославскихъ далъ до 40 отпрысковъ; каждому пришлось дать удѣль, хотя-бы и плохонѣкій, и вотъ появились мелкіе князьки—Сицкіе, Прозоровскіе, Бѣльскіе, Львовы, Шаховскіе и другіе; въ числѣ ихъ были и князья *Курбскіе*, одинъ изъ представителей которыхъ «отъ царскаго гнѣва бѣжалъ» (съ нимъ Васка Шибановъ стреманный) въ Литву и оттуда, вдали отъ застѣнковъ Грознаго, вступилъ съ нимъ въ многословную переписку, а царь, какъ ни былъ свирѣпъ и деспотиченъ, находилъ и время, и матеріалы для бесѣды и полемики съ бывшимъ холопомъ—такіе примѣры весьма рѣдки и въ болѣе новое время! Остальные княжескіе роды большею частью повымирали, и не напрасно сѣтовалъ Пушкинъ о томъ, что «нѣтъ князей Пожарскихъ и Сицкихъ родъ давно угасъ». Взамѣнъ ихъ за послѣдніе 100 лѣтъ появились вновь испеченные графы и князья, предки которыхъ не имѣли за собою прошлаго, не за-

воевывали Аррагоніи, не дрались какъ львы съ сарацинами, а исполняли болѣ скромныя обязанности въ теплыхъ дворцовыхъ покояхъ. Разбившееся на мелкіе удѣлы ярославское княжество не могло удерживать политической самостоятельности и въ концѣ XV вѣка вошло въ составъ московскаго государства. Въ половинѣ XVI вѣка англичане стали ѣздить съ Бѣлаго моря въ Москву черезъ Ярославль, гдѣ устроили склады и конторы, а на Волгѣ появилось диковинное англійское судно. Въ 1631 г. въ немъ считалось 28 иностранныхъ торговыхъ конторъ. Въ смутное время ярославцы сплеховали. По убіеніи перваго самозванца здѣсь содержалась въ заточеніи честолюбивая *Марина Мнишекъ*, а при появленіи втораго самозванца ярославцы признали его, приняли отъ него воеводу, шведа Бюгге, и послали 30 тыс. рублей въ Тушинскій станъ, обѣщая еще дать тысячу всадниковъ. Но они скоро опомнились, и, какъ-бы желая загладить вину, горячѣе всѣхъ ополчились противъ ляховъ, причѣмъ шведъ-воевода подвергся нѣкоторой неприятности: его сварили живымъ въ котлѣ, какъ стерлядь, а ляховъ убивали, топили и душили. Съ тѣхъ поръ Ярославль не только реабилитировался, но сталъ въ глазахъ московскихъ государей очень патриотическимъ городомъ. Недаромъ былъ здѣсь сборный пунктъ народныхъ дружинъ и цѣлые полгода жилъ князь *Пожарскій*. Въ 1613 г. собралась въ Ярославль депутація для приглашенія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, который и провелъ въ Ярославлѣ первые 26 дней своего царствованія, а отецъ его *Филаретъ Никитичъ* былъ здѣсь митрополитомъ. Въ 1681 г. здѣсь умеръ патриархъ *Никонъ*, котораго на Волгѣ многіе до сихъ поръ почитаютъ за антихриста. Въ Ярославлѣ же, по народнымъ сказаніямъ, былъ одно время и *Стенька Разинъ*, которому было только 15 лѣтъ, но онъ уже подавалъ большія надежды и поступилъ кашеваромъ въ шайку Уракова, разбойничавшаго на Волгѣ. Въ 1742—1761 гг. здѣсь проживалъ 20 лѣтъ тоже разбойникъ въ своемъ родѣ, низверженный временщикъ курляндецъ *Биронъ*, написавшій здѣсь записку въ свою защиту ¹⁾. Въ 1722 году Петръ I устроилъ черезъ Ярославль первый почтовый трактъ изъ Архангельска въ Москву. Онъ же велѣлъ соорудить здѣсь первую въ Россіи полотняную фабрику. При Екатеринѣ II устроенъ здѣсь воспитательный домъ на 300 младенцевъ, а съ 1777 года Ярославль произведенъ въ чинъ губернскаго

¹⁾ Записка эта напечатана на разныхъ языкахъ, а по-русски въ «Сынѣ Отечества» 1829 г. № 1, 2 и 3 и въ журн. «Время» 1861 г., т. VI, № 12, стр. 522—622.

города; въ 1820—1827 гг. его перестроили по новому плану, а въ 1857 г. на здѣшной верфи построенъ первый желѣзный пароходъ. Въ 1772 г. здѣсь учреждена первая банковая контора для размѣна ассигнацій, такъ какъ были все крупныя — по 25 р. — а звонкой монеты не хватало; только съ 1786 г. стали выпускать ассигнаціи въ 5 и 10 руб. Все это указываетъ, что въ прошломъ столѣтіи Ярославль былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ городовъ Россіи. Для мимолетнаго путника, душа котораго не совсѣмъ равнодушна къ родной старинѣ, конечно, большой интересъ представлять здѣшнія церкви съ ихъ шатровыми колокольнями стариннаго стиля, съ ихъ изобильными узорами и орнаментами, старинными иконостасами и древнею утварью. Нѣкоторыя церкви имѣютъ по двѣ шатровыхъ колоколенки, прилаженные сбоку и составляющія съ храмомъ одно цѣлое. Интересны храмы не только потому, что указываютъ на ту или другую степень религіознаго чувства, но и какъ отраженіе экономическаго благосостоянія мѣстности, ея строительнаго искусства, художества и другихъ сторонъ русской жизни, продолженіемъ которой служить переживаемая нами эпоха.

Въ центральной части города заслуживаетъ вниманія Успенскій пятиглавый соборъ. На мѣстѣ его съ 1215 г. былъ уже построенъ храмъ, который въ 1501 г. сгорѣлъ, потомъ возобновлялся, а въ 1641 г. былъ разобранъ и вмѣсто его построили въ 1646 г. нынѣшній, который въ 1744 г. опять горѣлъ, причѣмъ погибла одна рака съ мощами. Внутренность собора, какъ и другихъ древнихъ соборовъ, внушаетъ невольное благоговѣніе: узкія окна, полусвѣтъ, мерцаніе лампадъ, пятиярусный иконостасъ съ многочисленными изображеніями святыхъ, лики которыхъ симметрично обращены къ царскимъ вратамъ, т. е. всѣ святые, находящіеся по ихъ правую сторону, смотрятъ вправо, а по лѣвую — влѣво. Лики написаны хорошо, по уставу, въ строгомъ стилѣ, шафраннаго цвѣта, и каждый святой имѣетъ свой индивидуальный оттѣнокъ, не напоминая образовъ отца Принарха въ Кіевѣ, обладавшаго способностью писать всѣхъ святыхъ на одно лицо. На иконостасѣ богатая позолота, стѣны собора украшены живописью; это фрески XVII вѣка, когда русская церковная живопись достигла особаго развитія. Въ соборѣ имѣются мощи ярославскихъ князей Василія и Константина. За нимъ, по берегу Которосли, тянется высокая бѣлая стѣна древняго Спасо-Преображенскаго монастыря, гдѣ нынѣ архіерейскій домъ. Монастырь извѣстенъ съ XIII вѣка; въ немъ существовало первое изъ извѣстныхъ на сѣверѣ русскихъ училищъ,

а теперь здѣсь богатая бібліотека; въ главномъ храмѣ трое мошей, а въ одной церкви—рѣдкій рельефный образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, вытѣпленный изъ воска. Около Стрѣлецкаго бульвара довольно величественный Казанскій монастырь съ высокою бѣлою стѣною, который въ смутное время оказалъ большія услуги въ смыслѣ защиты горожанъ. На главной-же площади, влѣво отъ памятника Демидову, скромно красуется бланжеваго цвѣта Ильинская церковь, о которой упоминалось выше. Она заслуживаетъ осмотра по своей глубокой старинѣ и по интересной фресковой живописи. Существуетъ она съ основанія города и прежде была деревянная, а съ 1684 г. каменная, въ 1825 г. перестроена въ настоящемъ видѣ. Кромѣ старинной рѣзбы на иконостасѣ обращаетъ вниманіе галерея, идущая кругомъ церкви, стѣны которой ярко расписаны священными сюжетами. Особое вниманіе привлекаетъ изображеніе страшнаго суда со всѣми его перепитіями: змій, который тянется почти на пол-церкви, вереница грѣшниковъ на цѣпи, гдѣ въ первую голову, какъ водится, выступаютъ знатныя персоны, архіереи, богатые купцы и буржуа, спокойныя фізіономіи которыхъ вовсе не доказываютъ, что они находятся въ предвкушеніи адскихъ мученій, и зритель невольно проникается уваженіемъ къ ихъ мужеству и хладнокровію; а вотъ и самыя мученія: на первомъ планѣ небольшой котелокъ съ кипучею смолою, въ которомъ варятся три грѣшника—одинъ очень знатный и по бокамъ его двѣ духовныя особы высокаго чина; всѣ они также съ довольно равнодушными фізіономіями и какъ-бы свыклись съ неприємнымъ ощущеніемъ. Повыше нарисованы разные другіе жупелы, словомъ, всего не описать. Правда, люди образованные могутъ глумиться надъ подобными картинами, но для простаго народа дидактическое значеніе ихъ несомнѣнно. Созерцаніе ужасовъ, нарисованныхъ смѣлою кистью вдохновенныхъ, но невѣдомыхъ міру, русскихъ Микель-Анджело, производитъ на душу безхитростнаго обывателя неотразимое впечатлѣніе и заставляетъ его быть сдержаннѣе въ житейскихъ поступкахъ.

Любители древности не должны миновать церкви Никола Мокраго, которая остается съ 1665 г. безъ искаженной передѣлки, такъ какъ къ счастью не было такихъ усердныхъ ревнителей, которые тратились на ея обновленіе. Благодаря этому сохранилась старинная живопись, а также царскія врата художественной рѣзбы; съ особою тонкостью сдѣланы виноградные листья.

Но самое большое вниманіе туристовъ привлекаетъ церковь Іоанна

Предтечи на Толчкѣ. расположенная, къ сожалѣнію, очень далеко за Которослью, въ концѣ слободы, верстахъ въ трехъ отъ Парадной площади. Сооружена она болѣе 200 лѣтъ назадъ и по своей оригинальной архитектурѣ напоминаетъ церковь Василя Блаженнаго въ Москвѣ, но имѣетъ 15 главъ, расположенныхъ симметрично, у Василя же Блаженнаго 12 главъ и безъ симметріи. Въ церкви Іоанна Предтечи сохранились царскія врата XVII вѣка съ тонкою художественной рѣзбою. Наружныя ея стѣны обложены разноцвѣтными кафелями съ рельефными изображеніями цвѣтовъ и птицъ; внутри витыя полуколонки, чешуйчатые пилястры, арки; стѣны разрисованы картинами изъ Ветхаго завѣта. Все это производитъ своеобразное впечатлѣніе, невольно перенося умъ отъ настоящаго грѣшнаго міра. И вся эта драгоцѣнная церковь построена была на 2935 руб., пожертвованныхъ прихожанами. Дешево было тогда строить: изъ лѣтописей видно, что древніе богатые соборы обходились въ двѣ-три тысячи рублей, тогда какъ теперь они обошлись-бы въ 100—200 разъ больше. Здѣшнія церкви съ ихъ памятниками національнаго искусства сильно интересовали художника В. В. Верещагина, который дважды жилъ подолгу въ Ярославлѣ; перенося на полотно древніе орнаменты и изображенія, онъ старался сохранить для потомства все то, что съ такимъ неподдѣльнымъ талантомъ творили безвѣстные русскіе живописцы и зодчіе XVI и XVII столѣтій. Къ сожалѣнію, многое уже раньше погибло отъ вандализма новѣйшихъ радѣтелей и благотворителей. Въ этомъ отношеніи мы какъ-бы идемъ назадъ. Какъ наши предки берегли свои оригинальные орнаменты, такъ мы безжалостно замѣняемъ ихъ блестящею, но безличною современною отдѣлкою съ ея избитыми пошлыми фасонами. На многихъ древнихъ храмахъ Ярославля и другихъ городовъ характерная черепичная крыша замѣняется желѣзною, наружныя узорчатые изразцы кирпичемъ, фрески варварски замазываются, стѣны и своды отдѣлываются «подъ мраморъ». И вся эта буржуазная реставрація производится вовсе не для цѣлей современнаго искусства, до котораго подобнымъ обновителямъ вовсе нѣтъ дѣла, а изъ мелкаго и пустого тщеславія, ради медалишки и проч. Недаромъ Верещагинъ напечаталъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1888 г. воззваніе къ русскимъ архитекторамъ, умоляя ихъ изучать старинное русское зодчество и всячески подражать ему въ постройкахъ. Впрочемъ подобныя подражанія стали въ послѣднее время все болѣе входить въ моду, напримѣръ, въ Москвѣ, гдѣ новые ряды, зданіе городской управы и др. стараются подогнать подъ русскій стиль.

Ярославль давно считается однимъ изъ образованнѣйшихъ городовъ просвѣщеннаго Государства Россійскаго. Вотъ слова одного писателя прошлаго столѣтїя о Ярославлѣ: «Аѳины въ древности науками хвалились... Другіе города искусствомъ рукъ гордились... Ты обою сіе вмѣщаши одинь...» Значить, давно уже Ярославль считался выше Аѳинъ, да это и понятно, если припомнить, что въ немъ, въ 1786—87 гг., издавалась первая частная газета «Уединенный Пошехонецъ», — затѣянное нѣкимъ В. Санковскимъ «ежемѣсячное сочиненіе, содержащее въ себѣ разныя извѣстія о достопамятныхъ происшествїяхъ, случившихся въ здѣшней странѣ издревле и нынѣ, благотворительныя и челоуколюбивыя дѣянїя и проч.»; эта библиографическая рѣдкость была недавно переиздана заботами Л. Н. Трефолева. Кромѣ обычныхъ мужской и женскихъ (здѣсь ихъ двѣ) гимназїи, духовной семинаріи и проч., здѣсь есть еще военная школа, большое зданіе которой бѣлѣтся за Которослью. Но главное, — здѣсь существуетъ, какъ извѣстно, высшее учебное заведеніе, Демидовскїй юридическїй лицей, что выдѣляетъ Ярославль изъ ряда обыкновенныхъ губернскихъ городовъ и ставитъ почти наравнѣ съ университетскими. Основатель лицея *Павелъ Григорьевичъ Демидовъ* былъ внукомъ знаменитаго тульскаго кузнеца Никиты Демидова Антurfьева, превращеннаго Петромъ I въ дворянина Демидова. П. Г. занимался естественными науками, учился въ Геттингенѣ, Фрейбургѣ и Упсалѣ, собралъ большой минералогическїй и зоологическїй кабинетъ и библиотечку, которые въ 1803 г. подарилъ Московскому университету (съ придачею 100 т. р.) и въ томъ-же году пожертвовалъ вотчины въ Романовскомъ и Угличскомъ уѣздахъ въ 3578 душъ и 120 тыс. руб. на учрежденіе и содержаніе въ Ярославлѣ «Училища высшихъ наукъ», — дабы, какъ писалъ онъ Императору Александру I, — «мѣстное дворянство могло съ малыми средствами приобрѣсть всѣ тѣ познанїя, кои образуютъ разумъ и сердце». Училище было открыто 29 апрѣля 1805 года, и Демидовъ до самой смерти, т. е. въ теченіе 15 лѣтъ, не оставлялъ его своими пожертвованїями. Въ этомъ отношенїи онъ являетъ собою едва-ли не самаго крупнаго жертвователя на дѣло просвѣщенїя, напоминая американскихъ богачей, жертвующихъ милїоны на новые университеты; даръ же Демидова, если принять въ расчетъ цѣны того времени, надо цѣнить гораздо больше теперешняго милїона. Достоинно вниманїя, что самъ онъ жилъ болѣе чѣмъ скромно и, напримѣръ, на столъ тратилъ 6—7 руб. въ мѣсяцъ. Въ первое время лекціи въ его училищѣ читались на мертвомъ латинскомъ языкѣ, опре-

дѣленнаго учебнаго плана не было, преподавателей было первые годы только пять, а слушателей немного болѣе этого числа, хотя для поступленія и не требовалось окончанія въ гимназіи. Интересно, что на содержаніе этого разсадника свободныхъ знаній шель оброкъ съ крѣпостныхъ душъ, по 5 руб. ассигн. или около 18 тыс. руб.; съ 1819 г. оброкъ былъ удвоенъ, и директоръ заведенія, а также профессора въ вакаціонное время ѣздили для его собиранія въ демидовскія вотчины. Съ 1834 г. училище высшихъ наукъ подверглось первому преобразованію; оно было переименовано въ лицей, на первый планъ были выдвинуты юридическія и камеральныя науки, и въ студенты стали принимать только кончившихъ гимназію, причѣмъ на иждивеніи лицея опредѣлено содержать 40 пансіонеровъ. Съ 1847 г. лицей данъ новый уставъ, по которому главною цѣлью было поставлено «распространеніе основныхъ свѣдѣній по части камеральныхъ наукъ въ связи съ отечественнымъ законодѣніемъ»; курсъ былъ трехгодичный, а науки преподавались самыя разнообразныя, такъ что изъ лицея выходили полузнайки, нахватавшіеся вершукъ и мало пригодные къ ученой и практической дѣятельности. Такое ненормальное положеніе тянулось до 1870 г., когда лицей былъ преобразованъ въ юридическій факультетъ, причѣмъ было установлено 12 кафедръ и 18 предметовъ, т. е. только черезъ 50 лѣтъ по смерти Демидова осуществилась лѣтѣмая имъ мечта,—поставить свое дѣтище наравнѣ съ университетами. Нынѣшній ярославскій лицей напоминаетъ собою французскіе факультеты, которые не соединены по 4—5 вмѣстѣ въ одномъ зданіи какъ у насъ, а образуютъ отдѣльныя учрежденія. Въ дореформенное время учащихся было немного, до сотни и менѣе, такъ какъ кончившіе гимназію предпочитали московскій университетъ, гдѣ преподаваніе стояло выше. Съ семидесятыхъ годовъ, когда стали принимать кончившихъ въ духовныхъ семинаріяхъ, число слушателей быстро возросло, такъ какъ семинаристы, народъ болѣе бѣдный, предпочитали оставаться въ Ярославль, гдѣ жизнь дешевле. Въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ студентовъ было болѣе трехсотъ, причѣмъ преобладали дѣти «колокольныхъ дворянъ», но съ 1885 г. семинаристы подверглись остракизму, и къ 1887 г. число студентовъ спустилось до сотни. Въ этомъ же году было какъ разъ введено ограниченіе числа студентовъ-евреевъ въ университетахъ извѣстнымъ процентомъ, причѣмъ въ министерскій циркуляръ вкралась обмолвка, о ярославскомъ лицей не было упомянуто, почему сюда и нахлынуло было до двухсотъ молодыхъ людей «моисеева закона», чающихъ высшаго

образованія. У большинства оказались отличныя свидѣтельства изъ гимназій, повѣрочныя испытанія сдали они на совѣсть и ожидали, что ихъ примутъ, резонно рассуждая, что разъ ихъ допустили кончить курсъ въ гимназіяхъ, снабдили аттестатами зрѣлости, то не должны-же останавливать на подорогѣ. Но ихъ резоны натолкнулись на разсужденія иного рода. Развѣ можно было въ такомъ ультра-русскомъ городѣ, какъ Ярославль, его лицей, его гордость, обратить въ еврейское заведеніе! Въдѣ это ужасно устроить рассадникъ «жидовъ» въ Ярославль, гдѣ студенты близко стоятъ къ обществу, какъ учителя, репетиторы и гдѣ студенты-евреи могли вліять на все подростующее поколѣніе?! Начальство лицей должно было запросить Петербургъ, оттуда пришло ограниченіе въ 5⁰/₆; и почти всѣ трудолюбивые еврейскіе юноши должны были, взявъ обратно документы, возвратиться вспять въ «черту осѣдлости», гдѣ и дожидаться того времени, когда еврейскій вопросъ будетъ разрѣшенъ въ смыслѣ, болѣе достойномъ культурнаго государства. За первый періодъ, до преобразованія, т. е. въ 1805—1833 гг. въ лицей кончили 300 студентовъ, или по 12 въ годъ; за второй періодъ, 1835—1870 гг., окончило до 500 человѣкъ, или по 14 въ годъ, а за послѣдній періодъ, 1874—1892 гг. до 700 человѣкъ, или по 34 въ годъ, изъ коихъ большая часть служить секретарями и помощниками секретарей окружныхъ судовъ, судебными слѣдователями и на другихъ судебныхъ должностяхъ, 15 человѣкъ занялись наукой и въ настоящее время преподають въ разныхъ высшихъ заведеніяхъ. За все время своего существованія лицей далъ Россіи до полуторы тысячи образованныхъ людей. Въ настоящее время жизнь этого заведенія течетъ тихо и мирно подъ общою ферулою; для науки оно сдѣлало гораздо меньше, чѣмъ университеты, такъ какъ лучшія ученныя силы смотрятъ на Ярославль, какъ на станцію, и при удобномъ случаѣ стараются переходить въ университетъ; большая часть профессоровъ перешла отсюда въ столицы. Въ числѣ ихъ были извѣстныя лица. Такъ въ 1844—1848 г. извѣстный педагогъ *К. Д. Ушинскій* преподавалъ здѣсь энциклопедію законовѣднія, государственное право и науку финансовъ; былъ здѣсь нѣкоторое время и извѣстный ботаникъ *Л. С. Ценковский*.

Читавшіе здѣсь *И. Т. Тарасовъ* (полицейское право) и г. Псаевъ (политическую экономію) извѣстны были Ярославлю по своимъ публичнымъ лекціямъ; изъ нихъ первый перешелъ на кафедрѣ полицейскаго права въ московскій университетъ. Въ настоящее время въ лицей читаетъ церковное право такой серьезный ученый, какъ *Н. С. Суворовъ*.

Большою извѣстностью въ ученое мiръ пользуется *М. Н. Капустинъ*, бывший 13 лѣтъ (1870—1883) директоромъ лицея и оставившій хорошую память своимъ тактомъ и гуманностью. Лицей ему обязанъ многимъ, какъ въ отношеніи благоустройства, такъ и хорошей постановки учебнаго дѣла. Онъ съ полнымъ успѣхомъ выполнилъ задачу преобразования лицея въ юридическій факультетъ, привлекъ молодыя ученые силы, создалъ богатую спеціальную бібліотеку, устроилъ попечительство о бѣдныхъ студентахъ. Преемникомъ Капустина въ теченіе двухъ лѣтъ былъ *Н. А. Кремлевъ*, бывший ректоръ казанскаго университета, читавшій тамъ римское право, человекъ извѣстный твердымъ характеромъ и передовыми стремленіями. Замѣстившій его, также казанецъ и заслуженный ученый *С. М. Шилевскій*, который въ концѣ пятидесятихъ годовъ издавалъ въ Москвѣ газету «Молва», потомъ перешелъ на кафедру русскаго права въ казанскій университетъ, гдѣ пробылъ 24 года ¹⁾ до назначенія въ Ярославль, гдѣ читаетъ исторію русскаго права.

При лицей издается съ 1872 года свой «Временникъ», въ которомъ кромѣ обзора учебной и административной дѣятельности помѣщается много интересныхъ статей и монографій; въ нихъ же обыкновенно печатаются и диссертации; всего вышло 58 выпусковъ ²⁾.

Въ 189¹/₂ учебномъ году въ лицей было 13 преподавателей, въ томъ числѣ 2 ординарныхъ профессора, 4 и. д. экстраординарныхъ, 3 и. д. доцента, 3 приватъ-доцента и 1 профессоръ богословія. Это «и. д.» и скромное число ординарныхъ профессоровъ показываетъ, что въ лицей читать лекціи поступаютъ молодые, начинающіе ученые, которые, созрѣвъ и мало-малышкн пріобрѣта имя, стремятся уйти въ университеты. Но и молодыхъ не доставало на всѣ науки; вакантными были кафедры: гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права, всеобщей исторіи права, римскаго права. Чтеніе ихъ распредѣлялось между наличными преподавателями. Всѣ они прочитали 1364 лекціи и пропустили 246; вознагражденія за лекціи получено преподавателями до 28 тыс. руб. или въ среднемъ около 25 руб. за прочитанную часовую лекцію; впрочемъ надо принять въ расчетъ, что каждая изъ нихъ требуетъ большой под-

¹⁾ О немъ и о Кремлевѣ будетъ послѣ, при описаніи Казани.

²⁾ Подробная исторія лицея составлена его трудолюбивымъ секретаремъ *К. Д. Голубицкимъ* (см. его «Павелъ Григорьевичъ Демидовъ и исторія основаннаго имъ въ Ярославлѣ училища» (1803—1886). Январь, 1891 г.

готовки. Студентовъ по отчету считается 169, но обширныя аудиторіи лица могутъ вмѣстить втрое больше. Въ 1891 г. окончило 82, изъ нихъ 53 со степенью кандидата и съ правомъ на нее, а 29 дѣйствительными студентами. Интересно, что въ числѣ кончившихъ было 34 еврея; изъ нихъ кандидатовъ 29 (55% всего числа) и дѣйствительныхъ студентовъ 5 (17%). Медалей за сочиненія выдано три—и всѣ евреямъ, денежныхъ премій—двѣ, и обѣ евреямъ. Здѣсь повторилось извѣстное явленіе, что евреи особенно стараются съ успѣхомъ пройти учебный курсъ и занимаются усерднѣе неевреевъ, зная, что съ нихъ больше спросится въ жизни.

Для бѣдныхъ студентовъ имѣется 32 стипендіи. Въ попечительство о бѣдныхъ студентахъ за 1891 г. поступило 4284 руб., израсходовано 3745 руб. Въ библіотекѣ до 38 тыс. томовъ.

Выгодное отличіе лица отъ университета еще въ томъ, что онъ расположенъ среди зелени, въ небольшомъ патриархальномъ городѣ, оживленномъ дыханіемъ Волги; воздухъ здоровый, жить сравнительно дешевле, чѣмъ въ большихъ университетскихъ городахъ, такъ что вопроса, который когда-то поднимался у насъ, о переносѣ университетовъ въ провинціальныя города, здѣсь не существовало. Для науки и для здоровья Ярославль, конечно, лучше, чѣмъ столицы,—Варшава, Одесса (откуда думали перенести университетъ въ Севастополь), но за то на счетъ заработка для студентовъ здѣсь хуже, хотя на тѣ-же средства они могутъ жить здѣсь въ полтора раза лучше, чѣмъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ съ ихъ зловонными клѣтушками, сдающимися подъ студентовъ.

Кромѣ лица мѣстная ученая дѣятельность выражается здѣсь въ занятіяхъ археологическихъ, этнографическихъ и естественно-историческихъ. Въ Ярославлѣ и въ губерніи проживаетъ нѣсколько весьма почтенныхъ этнографовъ, историковъ и писателей. Въ 1887 г. въ немъ собирался седьмой археологическій съѣздъ, а съ 1889 г. учреждена губернская архивная коммисія, объединившая мѣстныхъ археологовъ. Затѣмъ, болѣе 15 лѣтъ дѣйствуетъ «Общество для изслѣдованія Ярославской губерніи въ естественно-историческомъ отношеніи», устроенное по почину покойнаго профессора лица *А. С. Петровскаго*, небольшой, но очень интересный музей, въ которомъ добросовѣстно и въ большомъ порядкѣ собрана коллекція мѣстныхъ звѣрей, птицъ, рыбъ, земноводныхъ, насѣкомыхъ, минераловъ и растений; обращаютъ вниманіе чучела совъ, выхухоли, дикой козы, барсуковъ, рыси, образцы торфа, желѣзной руды и т. д. Музей

имѣть не только научное значеніе для мѣстныхъ учащихся, но интересъ и для туристовъ, желающихъ ближе изучить край съ его особенностями. Достойно полнаго уваженія и то, что все эти богатыя коллекціи не собраны случайно и не выпрошены въ видѣ дубликатовъ или въ даръ, а составлены систематически трудами членовъ общества и особенно *Л. П. Сабантѣва*, почти безъ денежныхъ затратъ, такъ какъ бюджетъ общества предоставляетъ сумму, о которой стыдно говорить,—до 400 руб. въ годъ, въ томъ числѣ 150 руб. ежегоднаго пособія отъ губернскаго земства. Вотъ что значить энергія и любовь къ дѣлу, съ которою можно сдѣлать больше, чѣмъ съ значительными деньгами. Есть въ Ярославлѣ и общество сельскаго хозяйства, которое много способствовало распространенію, улучшеннымъ земледѣльческимъ орудіямъ, а также клеверныхъ посѣвовъ какъ у помѣщиковъ, такъ и крестьянъ. Кромѣ того у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ имѣются интересныя коллекціи. Такъ, у *Θ. А. Бычкова* собрано много древнихъ предметовъ, въ числѣ которыхъ обращаетъ вниманіе чугунная звѣзда въ 25 фунтовъ вѣсомъ, съ отлитыми на ней выпуклыми словами: «за пьянство»; звѣзда эта привѣшивалась цѣпью къ ошейнику, который замыкался на шеѣ виновнаго въ чрезмѣрномъ поддержаніи акцизнаго вѣдомства и бюджета; впрочемъ тогда акциза еще не было, и звѣзду нацѣпляли помѣщики на своихъ крѣпостныхъ въ видахъ ихъ нравственнаго исправленія. Затѣмъ у здѣшняго мучнаго торговца, бывшаго городского головы, *И. А. Вахромѣва*, собрано, съ большими затратами, древле-хранилище — до 300 русскихъ и славянскихъ рукописей, которымъ онъ издалъ подробную опись. Ему-же городъ обязанъ устройствомъ общественаго сада и хорошаго зданія для народной читальни. Залъ этой читальни вмѣщаетъ 700 человекъ, въ немъ бывають чтенія для народа и для интеллигенціи. Изъ чтеній второго рода въ послѣднее время имѣли успѣхъ: проф. Суворова «о гражданскомъ бракѣ», привлечшее множество публики, особенно дамъ, и петербургскаго профессора Глазенапа «о солнечномъ затменіи», которое также собрало много слушателей, изъ которыхъ нѣкоторые готовились прослушать о разныхъ ужасахъ, которые предсказываются этимъ рѣдкимъ явленіемъ природы. Для народа чтенія бесплатныя, духовнаго и историческаго содержанія; прежде взималось по 3 и по 10 коп., но тогда собиралось только по 20—30 человекъ. На содержаніе читальни городъ отпускаетъ огромную сумму—по 300 руб. въ годъ (!). Что касается литературной дѣятельности города, то она сильно отстаетъ отъ ученой. Послѣ «Уединеннаго Поше-

хонца» прошло 105 лѣтъ, и до сихъ поръ не появилось ни одной частной газеты. Книги продаются только въ двухъ магазинахъ, но ни въ одномъ не оказалось путеводителя по городу Ярославлю, что показываетъ, какъ мало здѣсь бываетъ туристовъ, интересующихся мѣстными достопримѣчательностями ¹⁾. Библиотекъ двѣ: одна при книжномъ магазинѣ, другая при клубѣ. Читаютъ больше беллетристику, а во время поста спрашиваются божественныя книжки. По исторіи края въ Ярославль издано нѣсколько извѣстныхъ трудовъ ²⁾. Въ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Трудахъ ярославскаго статистическаго комитета» напечатано много цѣнныхъ матеріаловъ, главнымъ образомъ благодаря участію въ нихъ профессоровъ лицея. Труды комитета были особенно содержательны, когда секретаремъ былъ доцентъ лицея, *М. А. Литинскій*, а также въ началѣ семидесятыхъ годовъ при *А. К. Фогель*, который много также поработалъ на пользу земства въ качествѣ губернскаго гласнаго отъ Мологскаго уѣзда. Губернское земство 20 лѣтъ издаетъ очень полезный «Вѣстникъ Ярославскаго земства». «Губернскія Вѣдомости» лучше всего велись подъ редакціей *Ө. А. Бычкова*. Надъ здѣшней стариной работаютъ нѣсколько очень почтенныхъ писателей; таковъ *Евг. Ив. Якушкинъ*, сынъ декабриста и братъ извѣстнаго этнографа *П. И. Якушкина*, бывший здѣсь управляющимъ казенною палатою, теперь въ отставкѣ и посвящаетъ свой досугъ разработкѣ матеріаловъ по обычному праву и по общинѣ; у него большая бібліотека и много матеріаловъ по исторіи XVII вѣка ³⁾. Затѣмъ въ зданіи губернской земской управы скромно обитаетъ *Леонидъ Ник. Тре-*

¹⁾ Въ «Путеводитель по городу Ярославлю» *А. Титова* (1883 г.) описанію города уделено только 9 страницъ, а остальное посвящено перепечаткѣ историческихъ подробностей.

²⁾ *К. Д. Головщиковъ*. «Исторія города Ярославля», 1889 г. — Его-же. «Ярославская губернія». Историко-этнографическій очеркъ. 1888 г. — *А. А. Титовъ*. «Ярославскій уѣздъ». 1884 г. — «Путеводитель по Ярославской губ.». *Ө. Я. Никольскаго*. 1859 г. — «Исслѣдованіе, въ промышленномъ отношеніи, путей сообщенія отъ Вологды къ Ярославлю и Рыбинску». *А. К. Фогеля*. Ярославль. 1869 г. — «Матеріалы для исторіи города Углича». *Л. Н. Трефолева*. 1888 г. — «О волжскомъ городѣ Руси». Исслѣдованіе *В. Лѣствицына*. 1887 г. — «Исторія города Углича». 1884 г. Составилъ учитель мѣстнаго уѣзднаго училища, *Ө. Я. Кисель*.

Интересно для сопоставленія съ современными данными, изданное въ Петербургѣ въ 1808 г. «Статистическое описаніе Ярославской губ.». *К. Германа* (вошедшее и въ издаваемый нынѣ «Статистическій Журналъ»).

³⁾ *Е. И.* издалъ очень полезный сборникъ матеріаловъ по обычному праву и недавно помѣстилъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» хорошую статью объ общинѣ.

Фолевъ, пошехонскій уроженецъ и питомецъ ярославскаго лица, археологъ, библиографъ, а главное поэтъ; онъ редактируетъ «Вѣстникъ Ярославскаго земства», гдѣ помѣщаетъ много статей, а также трудится на литературномъ поприщѣ ¹⁾, представляя симпатичный и вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразный типъ литератора-обывателя; это типъ, которому надо пожелать подольше сохраниться. Слѣдуетъ упомянуть еще объ археологѣ *В. И. Лытвицынѣ*,— тотъ самый, который тщился доказать, что русская земля пошла изъ Ярославля. Изъ мѣстныхъ библиографовъ выдаются: *В. И. Серебренниковъ*—угличскій историкъ, *Ө. К. Опочининъ*—мышкинскій историкъ, собравшій много библиографическихъ рѣдкостей и въ числѣ ихъ перепечаталъ рѣдкое сочиненіе Крафта «о сооруженіи при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ ледяного дома». Такимъ образомъ, ярославская старина привлекаетъ къ себѣ и мѣстныхъ чиновныхъ лицъ, и ученыхъ, и торговыхъ ²⁾, и духовныхъ, изъ числа которыхъ заслуживаютъ упоминанія, кромѣ св. *Дмитрія Ростовскаго*, за послѣднее столѣтіе: преосвященный *Августинъ Сахаровъ* (1768—1842), родомъ изъ Ростовскаго уѣзда, бывшій настоятель Толгскаго монастыря, ректоръ ярославской семинаріи, а потомъ епископъ Оренбургскій и Уфимскій, оставившій многотомные труды по церковной исторіи, проповѣди, переводы, стихотворенія и проч. Въ Ярославлѣ жилъ и умеръ (въ 1792 г.) извѣстный расколучитель *Евсимій*, основатель секты бѣгуновъ или странниковъ, распространившій ученіе о бѣгствѣ отъ антихриста и нападавшій на свѣтскую власть, что изложено въ его «цвѣтникѣ» и другихъ печатныхъ трудахъ. Въ Ярославской епархіи родился *Евлампій Пятницкій*, извѣстный духовный писатель, бывшій архіепископъ Тобольскій, умершій въ 1862 г.; затѣмъ *Аванасій Протопоповъ* изъ г. Любима (1785—1842), бывшій епископъ Нижегородскій и Тобольскій, очень ученый, собравшій большую бібліотеку и минералогическій кабинетъ. Въ Ярославлѣ былъ архіепископомъ извѣстный *Филаретъ* (Дроздовъ), впоследствии митрополитъ Московскій. Изъ другихъ архіереевъ болѣе замѣчательнъ преосв. *Нилъ* (1853—1874), бывшій раньше ректоромъ здѣшней семинаріи, извѣстный ученый и миссіонеръ, обратившій въ православіе до 30 тыс. монголовъ и бурятъ, на языкъ которыхъ перевелъ Евангеліе и другія книги; онъ изслѣдовалъ буддизмъ, составилъ большой минералогическій кабинетъ, завѣщанный петербург-

¹⁾ Д. Н. пишетъ статьи, а также стихотворенія довольно остроумныя, съ гражданскими мотивами въ «Осколкахъ» и въ другихъ изданіяхъ.

²⁾ Изданіями по мѣстной археологіи занимается также ростовскій купецъ А. Титовъ.

скому университету, был почетным членом университетов и ученых обществ. Въ Ярославлѣ вышло его посмертное, очень цѣнное изданіе «Записки о Сибири». (1874 г.). Изъ дѣятелей на поприщѣ медицины извѣстны *М. И. Багрянскій* (1760—1801), бывший инспекторомъ врачебной управы, а впоследствии ученымъ секретаремъ медицинской академіи, масонъ, переводившій мистическія книги, а также издавшій древнюю и новую исторію; недавно умершій докторъ *Э. О. Недзвѣдскій* оставилъ все свое состояніе на устройство больницы для приходящихъ бѣдныхъ. Изъ Ярославской же губерніи родомъ столь популярный въ свое время профессоръ римскаго права въ московскомъ университетѣ *Никита (Ивановичъ) Крыловъ*, ставшій почти легендарной личностью. Онъ былъ изъ духовнаго званія, читалъ лекціи 42 года, съ 1832 по 1873 гг., талантливо излагалъ ихъ образнымъ и красивымъ языкомъ съ пошехонской интонаціей и съ удареніемъ на о; попутно ввертывалъ въ лекціи, часто очень остроумныя, ссылки на злобы дня. Это дѣлало изложеніе такого сухаго, почти неподвижнаго предмета, какъ римское право, настолько живымъ и содержательнымъ, что слушать Крылова сходились студенты всѣхъ факультетовъ, до 200—300 человѣкъ, и въ аудиторіи не хватало мѣста. Этотъ краснорѣчивый лекторъ, оригиналь, балагуръ и немножко циникъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ большимъ патриотомъ и демократомъ. Ярославцами же были три Майкова и всѣ поэты конца XVIII вѣка. Одинъ *И. А. Майковъ*—дворовый человѣкъ ярославскаго помѣщика, писалъ оды разнымъ великимъ особамъ, другой *Майковъ, А. А.*, бригадиръ, запретилъ первому называться одной съ нимъ фамиліей, и тотъ сталъ подписываться «Розовъ». Третій—*В. И. Майковъ*, также бригадиръ, былъ масонъ и писалъ оды и сатирическія піесы въ разныхъ журналахъ. Изъ Любимскаго уѣзда, вышелъ крестьянинъ-самоучка *С. П. Власовъ* (1788—1821), маленькій Ломоносовъ, дѣлавшій физическіе и химическіе опыты, за что былъ принятъ въ медицинскую академію, но рано умеръ. Наконецъ, въ Ярославлѣ живетъ братъ покойнаго писателя *О. М. Достоевскаго—М. М.*, инженеръ. Въ здѣшней гимназій съ 1832 по 1838 годъ учился *Н. А. Некрасовъ*, который науками занимался слабо и вмѣсто того писалъ стихи и сатиры на начальство, за что ему предложено оставить храмъ наукъ, и отецъ въ 1839 году отправилъ 18-ти-лѣтняго стихотворца въ Петербургъ для опредѣленія въ дворянскій полкъ, но мудрое провидѣніе рѣшило иначе и сохранило Россіи поэта, какихъ мало, лишивъ ее офицера, какихъ много.

Если Ярославль и не первый по времени городъ въ Россіи, какъ о томъ есть гипотеза, то оказывается: здѣсь проходилъ первый почтовый трактъ, здѣсь издавалась первая частная газета, устроена первая полотняная фабрика и въ довершеніе всего здѣсь же зародился первый русскій театръ. Устроилъ его талантливый волгарь *Фед. Григ. Волковъ*, имя котораго навсегда останется въ исторіи русской культуры. Волковъ (1729—1763), сынъ костромскаго купца, по смерти котораго мать его вышла за купца ярославскаго, и О. Г. сталъ ярославскимъ жителемъ. Учился онъ въ московскомъ Законоспасскомъ училищѣ и кромѣ наукъ изучалъ разныя искусства, игралъ на гусяхъ и скрипкѣ, рисовалъ, пѣлъ; 17 лѣтъ поступилъ въ одну торговую контору Петербурга, гдѣ увидалъ оперу на придворномъ театрѣ и драму на кадетскомъ. Волковъ увлекся игрою и задумалъ устроить театръ въ Ярославлѣ; прежде всего онъ изучилъ языки, перевелъ нѣсколько пьесъ съ нѣмецкаго и итальянскаго, потомъ, возвратясь въ Ярославль, устроилъ тамъ первое представленіе въ помѣщеніи кожевеннаго завода; мѣстное общество смотрѣло здѣсь драму «Эсепр» и такъ восхитилось, что рѣшило построить свой театръ, причемъ Волковъ явился архитекторомъ, машинистомъ, капельмейстеромъ, переводчикомъ, авторомъ, словомъ—все вмѣшалъ въ себѣ. Театръ былъ построенъ на берегу Волги, а съ 1820 г. сооружено нынѣшнее изящное зданіе, въ которомъ дебютировали такія актрисы, какъ *П. А. Стрелетова* и *Л. П. Косицкая*—обѣ волгарки. О дѣятельности и талантахъ Волкова узнала императрица Елисавета; онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, а въ 1756 г. по ея повелѣнію устроилъ театръ въ Москвѣ. Императрица Екатерина II, также высоко цѣнила Волкова ¹⁾ и даже въ бытность свою въ Ярославлѣ сама сочинила двѣ пьесы: «О время!» и «Именины госпожи Ворчалкиной».

Постоянный ярославскій театръ существуетъ съ 1820 года; на немъ играли многія знаменитости, перешедшія въ столичные театры. Кромѣ театра есть здѣсь и артистическій кружокъ. Ярославль отличается не только на поприщѣ наукъ и искусствъ, но не чуждъ и благотворительной дѣятельности, которая проявляется здѣсь въ довольно значительной степени, насколько возможно при настоящемъ уровнѣ мѣстной гражданственности. Болѣе ста лѣтъ, съ 1786 г., здѣсь существуетъ «Домъ призрѣнія

¹⁾ Есть свѣдѣнія, что Волковъ участвовалъ и въ государственной дѣятельности и что съ нимъ совѣтовалась Екатерина II.

ближняго»; есть также «Общество земледѣльческихъ колоній и исправительныхъ пріютовъ», которое устроило исправительное заведеніе для малолѣтнихъ. Недавно устроилось и общество потребителей, уже насчитывающее до 400 членовъ; общество это очень важно для многочисленныхъ мелкихъ чиновниковъ, такъ какъ жить стало дороже, а жалованье небольшое, постороннихъ доходовъ все меньше, да и направленіе теперь благодарнѣе.

Общественная жизнь Ярославля немного живѣе, чѣмъ въ Костромѣ, Симбирскѣ и другихъ городахъ, но отъ нея можно бы ожидать большаго вслѣдствіе значительнаго числа интеллигентныхъ людей. Но на самомъ дѣлѣ она течетъ довольно вяло, и здѣшнее общество раздробилось на кружки: купцы особо, чиновники тоже, служащіе на фабрикахъ отдѣльно, профессора занимаются наукою, мѣщанское населеніе и вообще простой народъ — насущными дѣлами. Обширный гостиный дворъ, бульваръ, театръ, — все указываетъ, что когда-то здѣсь жизнь если не кипѣла, то немного бурлила; было много дворянъ, жили они широко, поддерживали искусство, конскіе бѣга и проч.; одни изъ нихъ эмигрировали, другіе исчезли, и о прежнемъ весельѣ осталось лишь слабое воспоминаніе. Теперь жизнь болѣе дѣловая и скромная, но пожалуй болѣе разумная. Интеллигенція не поглощена такими суетливыми заботами, какъ въ Петербургѣ и имѣетъ больше времени для саморазвитія, для занятія общими вопросами; за литературу здѣсь слѣдятъ болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, молодежь болѣе склонна къ «умнымъ» отвлеченнымъ разговорамъ, многіе ѣздятъ въ столицы и за границу; за десять лѣтъ, 1878—1887 гг., выдано 398 заграничныхъ паспортовъ. Правда, въ Ярославлѣ, какъ вообще въ провинціи, распространены такъ называемыя «сиплетни», замѣняющія собою общественную критику и свободную печать, но и онѣ имѣютъ хорошую сторону, удерживая болѣе легкомысленныхъ и порочныхъ гражданъ отъ многихъ поступковъ, которыхъ здѣсь нельзя скрыть такъ легко, какъ въ большихъ городахъ. Обычное развлеченіе — прогулки по набережной и бульварамъ, катанье по Волгѣ и въ окрестностяхъ. Не малое разнообразіе вносятъ крестные ходы; они бываютъ часто и сопровождаются тысячами одѣтаго въ лучшія платья народа, среди котораго преобладаетъ женскій полъ. Въ праздники городъ оживляется торжественнымъ колокольнымъ звономъ, гармонично раздающимся съ многочисленныхъ церквей. Въ бытность нашу на Стрѣлецкомъ бульварѣ было объявлено гулянье, съ платою по 50 коп. съ персоны, играла музыка и пѣлъ хоръ русскихъ

пѣсенниковъ въ костюмахъ съ позументами, совершавшій свое артистическое турнэ по Волгѣ; хоръ неважный, но скучающихъ гражданъ набралось много, такъ что даже было тѣсно.

Городское самоуправленіе Ярославля хотя и не грѣшитъ излишнимъ рвеніемъ, но держитъ себя приличнѣе, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ поволжскихъ городахъ, гдѣ составъ городской управы тоже купеческій. Въ головы здѣсь выбирались богатые кушцы, которые и сами кой-что сдѣлали для города. Бюджетъ города все растетъ. Въ 1802 году было собрано 5476 руб. 92³/₄ коп.; больше отъ вина ¹), израсходовано 3936 руб. на постройку и починку мостовъ и на содержаніе пробирнаго мастера. Кромѣ того на содержаніе полиціи — главная статья расхода, — получено было 8340 руб. съ купцовъ (⁰/₁₀ съ объявленнаго капитала) и мѣщанъ (по рублю съ человѣка). Тридцать лѣтъ назадъ доходъ былъ 45 тыс. и за это время усемерился: въ 1890 г. онъ составлялъ 230¹/₂ тыс. руб., а расходъ 235 тыс. руб., въ томъ числѣ 50 тыс. на полицію и пожарную часть; 8,6 тыс. на освѣщеніе; 2,8 тыс. на мощеніе и только 8,1 тыс. на просвѣщеніе, что довольно непростительно такому образованному городу. Зато пожарная часть поставлена хорошо — 13 трубъ, 46 бочекъ и 62 лошади, и все это удовольствіе обходится въ 26 тыс. руб.

Въ 1891 г. земство оцѣнило 1761 недвижимое имѣніе Ярославля въ 3645 тыс. руб., но эта цифра, какъ обыкновенно, въ два-три раза меньше дѣйствительной.

Дѣятельность ярославскаго земства заслуживаетъ особаго вниманія въ отношеніи расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Съ 1891 г., когда еще не было и мысли о крестьянскомъ банкѣ, оно стало выдавать крестьянамъ ссуды на покупку земель и въ первые же два года крестьянами было куплено до 4¹/₂ тыс. десятинъ. Хорошо также развито страховое дѣло. Кромѣ того было много другихъ полезныхъ начинаній, главнымъ проводникомъ коихъ былъ покойный *Аркадій Васильевичъ Скульскій*, бывший предсѣдатель губернской земской управы, самъ писатель съ идеальными стремленіями, оставившій по себѣ добрую память. Въ настоящее время стараются продолжать его дѣло, но къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ мѣшаетъ осуществленію двухъ главныхъ задачъ, вызываемыхъ мѣстными условіями, — усовершенствованіе сельскохозяйственной культуры у кре-

¹) Интересенъ перечень доходныхъ статей: ¹/₁₀ отъ виннаго откупа, отъ городскихъ луговъ и рыбныхъ ловель, отъ мѣръ и вѣсовъ, отъ сдачи деревянныхъ лавокъ.

стьянъ и поддержаніе кустарныхъ промысловъ; о послѣднемъ теперешняя управа особенно заботится.

Въ старину, лѣтъ за 200—150, Ярославль былъ одинъ изъ самыхъ знатныхъ по торговлѣ, а можетъ быть и первымъ послѣ Москвы городомъ. Теперь его торговое значеніе хоть и не то, что прежде, но онъ еще остался распредѣлительнымъ и передаточнымъ центромъ для Ярославской губерніи. Сюда собирается хлѣбъ, соль, керосинъ, отсюда рассылается все это по желѣзнымъ дорогамъ и по Волгѣ. За 1891 годъ въ городѣ взято 871 купеческихъ свидѣтельствъ—цифра очень значительная, хотя внутри города торговля невелика, и въ обширныхъ корпусахъ го-стинаго двора тишина и уныніе; зато въ нихъ складывается товаръ, назначенный для внѣшняго сбыта въ другія мѣста. Оборотъ пристани тридцать лѣтъ назадъ опредѣлялся въ 4 милл. руб. по привозу и отвозу, въ настоящее время его нужно считать вчетверо больше. Въ 1891 г. прибыло по Волгѣ сверху 8,9 милл. пудовъ, снизу 9,9 милл. пуд., всего 18,8 милл. пуд., въ томъ числѣ съ Камы 3 милл. пуд., изъ Астрахани 2,4 милл. пуд., съ Мологи 3,5 милл. пуд., съ Шексны и изъ Рыбинска 4,6 милл. пуд. Болѣе всего идетъ хлѣба—4 милл. пуд., керосину 1,7 милл. пуд., соли 1,4 милл. пуд. и еще 650 тыс. пуд. хлопка на здѣшнюю мануфактуру. Въ 1886 г. въ Ярославль прибыло 869 судовъ съ 9 милл. пуд. груза, ушло 658 съ 1 милл. пуд. груза, а въ 1890 г. пришло 1100 судовъ съ 16 милл. пудовъ груза, а ушло 600 съ 1½ милл. пудовъ; за пять лѣтъ общій оборотъ воднаго транспорта почти удвоился.

Промышленное значеніе Ярославля гораздо выше, чѣмъ его торговля. Когда-то Ярославль былъ послѣ Москвы первый мануфактурный городъ въ Россіи; сто лѣтъ назадъ здѣсь было 6 шелковыхъ фабрикъ съ 750 рабочими; теперь ихъ нѣтъ. Еще въ 1722 году купецъ Затрапезновъ основалъ въ Ярославлѣ полотняную фабрику, первую въ Россіи, а въ концѣ прошлаго столѣтія основалась здѣсь Яковлевская полотняная мануфактура, которая въ началѣ нынѣшняго столѣтія была первою по размѣрамъ во всей Россіи, но потомъ сгорѣла. Съ распространеніемъ въ Россіи бумажныхъ тканей вмѣсто льняныхъ затрапезновская фабрика испытала участь многихъ подобныхъ ей и была обращена въ хлопчато-бумажную; вмѣсто нея съ 1857 г. устроена была большая ярославская мануфактура Корзинкина и К^о, бумагопрядильная и ткацкая,—одна изъ самыхъ крупныхъ въ Россіи, съ 8000 рабочихъ и 8 милл. руб. производства. Обширные пятиэтажные корпуса фабрики производятъ вну-

шительное впечатлѣніе, особенно вечеромъ, когда они сіяютъ сотнями огней. Фабрика эта заслуживаетъ подробнаго осмотра и во многомъ напоминаетъ Тверскую Морозовскую мануфактуру, но еще чище и просторнѣе. Устроена она по новѣйшей системѣ. Обиліе свѣта и воздуха, чистота, асфальтовые полы, чугунныя лѣстницы, усовершенствованная вентиляція, комфортабельная больница на 80 кроватей, великолѣпная школа, обширныя бани для рабочихъ, читальня и бібліотека, клубъ для служащихъ, богадѣльня для престарѣлыхъ рабочихъ, — все это выдѣляетъ фабрику изъ ряда многихъ другихъ. Она составляетъ какъ бы особый городокъ, живущій отдѣльною жизнью, въ отличіе отъ самого города. Особенное вниманіе обращаютъ на фабрику противопожарныя средства, поражающія своимъ изобиліемъ, да это и необходимо, если принять въ расчетъ тѣ горы хлопка, какія скопляются здѣсь, причемъ часть его можетъ отсырѣть и подвергнуться даже самовозгоранію. При этомъ вспоминается прошлогодній пожаръ на извѣстной фабрикѣ Торнтонъ близъ Петербурга, гдѣ недостаточность имѣющихся противопожарныхъ средствъ отозвалась полуторамилліонными убытками для страховыхъ обществъ. Управленіе мануфактуры заслуживаетъ также большаго уваженія, какъ ревностный проводникъ отечественнаго производства хлопка; давно оно завело агентовъ въ Туркестанскомъ краѣ, и мѣстный хлопокъ все болѣе вытѣсняетъ заграничный. Лучшіе ткачи на фабрику изъ Владимірской губерніи. Затѣмъ въ Ярославлѣ съ 1845 года существуетъ паровая крунчатка, принадлежащая нынѣ помянутому Вахрамѣеву; есть также большая табачная фабрика Дунаева, изготовляющая низкіе сорта табака, больше для народа; на этой и на трехъ другихъ меньшихъ табачныхъ фабрикахъ до тысячи рабочихъ, дышавшихъ 12—14 часовъ въ день ѣдкою табачною пылью и наживающихъ преждевременную чахотку; зато производство фабрику возросло до двухъ милліоновъ рублей. Убийственно-тяжела обстановка рабочихъ и на здѣшнихъ шести свинцово-бѣлильныхъ заведеніяхъ, гдѣ до 250 рабочихъ дышатъ металлическими испареніями. Тоже—и на большой спичечной фабрикѣ, гдѣ 850 рабочихъ; фосфорные пары производятъ, какъ извѣстно, гангрену челюсти и другія болѣзни. Да, дешева здѣсь жизнь человѣческая, и только выносливые русскіе рабочіе не жалуются на малую о нихъ заботливость. Всего въ Ярославлѣ съ полсотни фабричныхъ заведеній, на которыхъ работаетъ до 11 тысячъ народу, а производство доходитъ до 12 мил. руб., но въ дѣйствительности должно быть гораздо больше. Остается еще упомянуть о здѣшнихъ ори-

гинальныхъ производствахъ, которыя теперь исчезли. Такъ, въ Россіи славилась здѣшнія соболевскія вина, изготовляемыя на манеръ кашинскихъ, о которыхъ говорилось въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ. Лѣтъ двадцать назадъ въ Ярославлѣ изготовлялись кустарнымъ способомъ довольно хорошія *серіи*, уступавшія по достоинству только казанскимъ. Правда — подобное отечественное производство не только не пользуется покровительствомъ, но даже «предусмотрѣно статьею» и фабриканты рискуютъ угодить въ каторгу, зато за ярославскія *серіи* охотно платили по 25 неподдѣльныхъ рублей, и только очень опытные люди могли отличить ихъ отъ настоящихъ *серій*, производимыхъ въ Петербургѣ экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ. Въ свое время *серіи*, какъ процентныя бумаги, довольно любимыя въ народѣ и въ небогатомъ классѣ городского населенія, были въ большомъ ходу, и за недостаткомъ настоящихъ довольно шибко расходились *серіи* доморощенныхъ граверовъ, которые, не смотря на «статью», стремились удовлетворить требованіямъ рынка и дать возможность небогатымъ людямъ держать ихъ сбереженія въ процентныхъ бумагахъ, вмѣсто того, чтобы гноить въ кубышкахъ и на днѣ сундуковъ.

Изъ Ярославля отплыли мы въ 5 час. дня и въ 10 час. вечера должны были быть въ Костромѣ. Пароходъ нашъ сдѣлалъ граціозный поворотъ на средину рѣки и помчался внизъ, причемъ пассажиры имѣли случай полюбоваться видомъ набережной, мысомъ у устья Которосли съ его зеленью, бѣлымъ зданіемъ лица и соборомъ, а потомъ мимо плывущими зданіями закоторосльской слободы. Ярославль раскинулся во всей красѣ и въ послѣдній разъ какъ бы кокетливо приглашалъ взглянуть на него еще разъ. Немного дальше — и городъ показался въ профиль, окутанный сизою дымкою жаркого дня. Здѣсь онъ представляетъ картинный и оригинальный видъ: отдѣльныя постройки ступеньваются, силуэты церквей, ихъ сіяющіе главы и кресты сближаются между собою и, тѣсняя возлѣ собора, какъ бы отвлекаютъ вниманіе отъ суеты человѣческой. Ярославль дѣлался похожъ на какой-то восточный городъ съ его минаретами и пагодами. Долина Волги все расширяется, но берега все еще не имѣютъ того опредѣленнаго характера, какой они принимаютъ за Нижнимъ, т. е. еще нѣтъ постоянного преобладанія праваго берега, нѣтъ нагорной и луговой стороны. Въ среднемъ плесѣ, то правый берегъ выше, то лѣвый, то оба высокіе, то оба низменные, впрочемъ, правый берегъ достигаетъ большей высоты, чѣмъ лѣвый, иногда до 20 сажень. Въ связи съ этимъ.

фарватеръ довольно извилистый, часто встрѣчаются мели и острова, особенно у устьевъ рѣкъ, впадающихъ въ Волгу. Судходство терпитъ большія неудобства, и частыя паузки даютъ немалый заработокъ прибрежному населенію, которое поэтому бываетъ довольно, когда мелководье. Достаточно сказать, что между Рыбинскомъ и Нижнимъ считается до 120 перекатовъ, на которыхъ иногда бываетъ менѣе шести четвертей, тогда какъ глубина рѣки должна быть $6\frac{1}{2}$ четвертей, т. е., чтобы подъ килемъ было воды хоть два вершка, но и этого скромнаго количества воды иногда не бываетъ, такъ что приходится паузиться, т. е. снимать часть груза на мелкія суда и лодки или просто выгружать товаръ на берегъ, чтобы облегчить засѣвшее на мели судно или пароходъ, уменьшить его осадку и дать возможность двинуться далѣе. Въ 1890 г. на среднемъ плесѣ было перегружено такимъ образомъ до 10 мил. пудовъ; на болѣе мелкихъ перекатахъ застрѣвали десятки судовъ и пароходовъ, такъ что получалась своего рода временная пловучая колонія, обыватели которой въ одинъ голосъ роптали, проклиная свою Волгу-кормилицу, обманувшую ихъ ожиданія. Когда мы ѣхали, воды было довольно, но и то бывало, что, пароходъ убавить ходъ, а матросикъ на носу мѣрять глубину длиннымъ шестомъ, раздѣленнымъ на полуаршины, выкрикивая поминутно: «деси-ть, воси-мъ (т. е. 4 аршина), семь» и т. д. Какъ только глубина начинаетъ увеличиваться, капитанъ успокоивается и прибавляетъ ходу, матросикъ кладетъ шесть и испаряется. Впрочемъ, мы съ «шестомъ» ѣхали мало и росписаніе выполнилось безъ опозданія. Нашъ Самолетъ легко дѣлалъ по 15 верствъ въ часъ, и эту ѣзду невольно сравниваемъ съ прежнею, испытанною нами во дни отрочества на блаженной памяти кабестанныхъ пароходахъ. Послѣдніе представляли собою неуклюжее судно съ коноводною машиною; намотанная на этой машинѣ цѣпь завозилась впередъ маленькимъ пароходикомъ «забѣжкой», который версты за двѣ забрасывалъ якорь, машина начинала его наматывать и такимъ способомъ двигалась впередъ. Подобный инструментъ дѣлалъ противъ теченія по $2\frac{1}{2}$ —3 версты въ часъ, а по теченію до 4 верствъ, волоча за собою на канатѣ нѣсколько барокъ. За то нынѣшніе волжскіе суда и пароходы доведены почти до возможной при настоящихъ условіяхъ степени совершенства.

За десять верствъ отъ Ярославля Волга дѣлаетъ колѣно, и пароходъ проходитъ мимо села *Сапѣлкина*, извѣстнаго разсадника секты странниковъ или бѣгуновъ, которые также именуются «сапѣлковскаго согласія». Еще три версты и Волга уклоняется къ сѣверо-востоку, слѣдуя въ этомъ

направленіи до самой Костромы, откуда снова поворотъ къ юго-востоку. Въ сторонѣ отъ Волги лежитъ село Грешнево — родовое имѣніе *Некрасовыхъ*, гдѣ провелъ дѣтство и юность великій русскій и волжскій поэтъ, имя котораго всегда останется жить въ исторіи нашего культурнаго развитія. Учащаяся молодежь и интеллигенція по всей Волгѣ, отъ Ржева до Астрахани, и теперь съ одушевленіемъ поетъ во время прогулокъ по этой рѣкѣ многія его пѣсни. Нерѣдко, слышится, какъ раздается подхваченное молодыми голосами протяжное пѣніе: «Волга, Волга, весной многоводной ты не такъ заливаешь поля, какъ великою скорбью народной переполнилась наша земля...» и т. д. Многія стихотворенія и пѣсни Некрасова заучиваются молодыми крестьянами и духовными. Это одно показываетъ, насколько поэтъ былъ близокъ къ народу, насколько чутко понималъ его жизнь, какъ отзывчивъ былъ къ его скуднымъ радостямъ и къ его избыточнымъ печалямъ. И сколько хорошихъ сердечныхъ струнъ затронуто при чтеніи его стихотвореній, сколько добрыхъ порывовъ было ими вызвано! Много лѣтъ спустя, когда поэтъ окончательно осѣлся въ непривѣтномъ Петербургѣ, душа его всегда была на Волгѣ, на берега ея онъ ѣздилъ почти каждый годъ, къ ней обращалъ свои душевные стихи, продиктованные его русскимъ сердцемъ. Да, Волга вдохновляла его, и за это онъ платилъ ей сердечными пѣснями, любилъ ее любовью сына и страдалъ вмѣстѣ съ приволжскимъ народомъ. Достаточно вспомнить хоть эти стихи: «О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ... я вновь принесъ тебѣ привѣтъ... Ужъ я не тотъ, но ты свѣтла и величава, какъ была... Кругомъ все та же даль и ширь... О Волга!.. колыбель моя!.. ¹⁾ Любилъ-ли кто тебя, какъ я?.. Одинъ по утреннимъ зарямъ... когда еще все въ мірѣ спитъ... и алый блескъ едва скользитъ... по темно-голубымъ волнамъ... я убѣгалъ къ родной рѣкѣ...» А дальше—послѣ этихъ словъ—вспоминанія о бурлакахъ, о которыхъ нельзя читать равнодушно. Въ настоящее время въ имѣніи живетъ братъ поэта Ѳ. А., который занимается совѣмъ прозаическимъ дѣломъ — водочнымъ.

Въ этихъ мѣстахъ на берегахъ Волги, особенно часты путейскіе знаки — высокіе пестрые кресты съ навѣшанными на нихъ кругами и прямоугольниками, означающими глубину на перекатахъ, а послѣднихъ здѣсь много, и о нихъ съ печалью звучитъ муза Некрасова.

¹⁾ Хотя Некрасовъ, какъ извѣстно, родился не въ Ярославской губерніи, а въ Подольской въ 1821 году, во время походной жизни отца, но въ раннемъ возрастѣ перевезенъ въ Грешнево.

Ярославская губернія кончается за 20 верстъ отъ Ярославля. Бросая на нее послѣдній взглядъ, нельзя не остановиться на болѣе рельефныхъ чертахъ. Въ этой губерніи производилось не мало изслѣдованій, хотя земской статистики, какъ въ другихъ губерніяхъ, не заводилось. Благодаря близости этой губерніи къ центрамъ ее посѣщали разные экономисты, какъ напр. В. П. Безобразовъ ¹⁾, и ученые, и этнографы. Въ 1852 году министерство внутреннихъ дѣлъ организовало даже цѣлую статистическую экспедицію, которая должна была исчислить населеніе, описать мѣстности, промышленныя и другія заведенія. Въ 1891 году въ губерніи считалось 1108 тысячъ жителей, изъ этого числа 1106½ тыс. великоруссовъ и только 1½ тысячи иноплеменниковъ: евреевъ, цыганъ, карель, нѣмцевъ и проч. Родилось 47,4 тыс., а умерло 33,5 тыс., приростъ 13,9 тыс. или 1¼%. Дворяне въ губерніи измельчали; прадѣды ихъ старались оставаться въ деревняхъ, не являлись на службу царскую, числились «въ нѣтяхъ»: число дворянъ все увеличивалось, а земли не прибывало, но даже убывало. Отъ этого въ послѣднее время оказалось много мелкопомѣстныхъ дворянъ, надъ которыми глумился народъ: «баринъ—чьихъ господъ», «бара—по грошу пара», «семь дворянъ на одной кобылкѣ ѣдутъ». Изъ мѣстнаго адресъ-календаря видно, что въ Любимскомъ уѣздѣ два дворянина служатъ даже урядниками. Крестьяне еще держатся, и положеніе ихъ все-же лучше, чѣмъ въ низовомъ поволжьи, хотя хлѣба часто не хватаетъ и приходится прикупать. Всей земли 3 м. дес., въ томъ числѣ 1,8 м. дес. у крестьянъ; болѣе ⅓ рабочаго крестьянскаго населенія уходитъ на промыслы; съ полевыми работами на сѣверѣ управляются больше бабы, а во многихъ мѣстахъ нанимаютъ работниковъ изъ сосѣднихъ губерній. Земли ихъ всѣ въ общинномъ владѣніи, пользованіе дробное. Пахатныя земли cadaго крестьянскаго общества дѣлятся обыкновенно на нѣсколько «кряжей», а каждый кряжъ по качеству почвы на 5—10—20 и болѣе «картъ», а въ каждой изъ послѣднихъ нарезываются полосы по числу дворовъ; по дворамъ-же дѣлится и лугъ и лѣсъ. Все это распределено съ изумительной математической точностью, по всѣмъ правиламъ тригонометріи, въ которой мужики конечно очень слабы. Земли cadaго двора разбросаны такимъ образомъ въ 20—50 и болѣе кускахъ, за то достигается уравненіе и легче передѣлать сообразно измѣненіямъ въ рабочихъ силахъ отдѣльныхъ дворовъ. По свѣдѣніямъ губернской зем-

¹⁾ См. его «Народное хозяйство центральной Россіи».

ской управы за 1890 годъ посеяно на крестьянскихъ земляхъ озимаго и ярового до 1 милл. четвертей, собрано 3,4 милл. четв., за вычетомъ на сѣмена осталось 2,4 милл. четв., а нужно на продовольствіе 2,2 милл., такъ что былъ еще остатокъ въ 200 тыс. четвертей. Многія крестьянскія общины стали сѣять, по примѣру помѣщиковъ, клеверъ, вводя его въ сѣвооборотъ, причеиъ интересно распредѣляютъ клеверныя полосы между дворами: гдѣ клеверъ ближе къ лѣсу или изгороди, т. е. гдѣ наносится больше снѣга и трава получается гуще, тамъ полосы уже, а потомъ расширяются. Кустарные промыслы, прежде столь развитые, все падаютъ. Больше всего пострадали: ручное домашнее ткачество — вслѣдствіе уменьшенія спроса на льняныя ткани и пряжу, выдѣлка сальныхъ свѣчей — вслѣдствіе распространенія керосинового освѣщенія, бондарный, телѣжный, корзиночный и т. п. промыслы — вслѣдствіе вздорожанія лѣса. Но еще до сихъ поръ считается до 26 тысячъ кустарей, заработокъ которыхъ составляетъ большое подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ и для уплаты государственныхъ налоговъ; больше ткуть холсты, много также кузнецовъ, слесарей, шляпваловъ. Фабрикъ и заводовъ считается въ губерніи до 3 тысячъ съ 28 тыс. рабочихъ, а сумма производства болѣе 25 милл. рублей, въ томъ числѣ около половины приходится на Ярославль и его окрестности. Недовмки за населеніемъ губерніи составляютъ по выкупнымъ платежамъ только 3%, по государственному поземельному налогу 10%, а по земскимъ сборамъ до 70%. Центральное положеніе губерніи, промысловый и отхожій характеръ населенія, общеніе со столицами повышаютъ здѣсь процентъ грамотныхъ. Въ 1891 году изъ 4,623 призываемыхъ къ воинской повинности оказалось 1,922 или 41% грамотныхъ. Народныхъ школъ 415, церковно-приходскихъ 200 и домашнихъ школъ грамотности 292, учащихся болѣе 41 тысячъ или менѣе $\frac{1}{6}$ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Для многихъ сельскихъ школъ построены хорошія зданія, отчасти на пожертвованія разбогатѣвшихъ въ Питерѣ ярославцевъ. Въ связи съ этимъ въ губерніи больше работаютъ и почтово-телеграфныя учрежденія. На каждого жителя приходится по 1,8 письма, на 100 жителей — 8 отправленныхъ и 9 полученныхъ телеграммъ; денегъ пересылается по почтѣ болѣе 100 милл. руб. ежегодно. Грамотность находится отчасти въ связи и съ расколомъ, который здѣсь, какъ въ коренномъ русскомъ краѣ, пустилъ большіе корни. Въ Ярославской губерніи появился хлыстовскій *богъ-саваоузъ*; здѣсь много начѣтчиковъ; сектъ и толковъ также множество, но большинство безпоповцы, которые дѣлятся

на нѣтовшину (спасово согласіе), оедосѣвцевъ или старопоморцевъ, странниковъ или бѣгуновъ и пр.; въ наставники у нихъ избираются одни по зажиточности, другіе за «старчество», третьи только потому, что «грамотны по старымъ книгамъ» или носятъ чернеческія одежды, выдавая себя за иноковъ. Въ числѣ поповцевъ больше всего приѣмлющихъ австрійское священство, но много и такихъ, которые предпочитаютъ бѣглыхъ священниковъ. Развитіе грамотности нѣсколько способствуетъ смягченію раскола и дѣлаетъ менѣе рѣзкою ту грань, которая отдѣляетъ его отъ православія или «никоніанства». Притомъ въ Ярославской губерніи нѣтъ большихъ центровъ раскола, чѣмъ облегчается постепенное сліяніе его послѣдователей съ членами господствующей церкви. Строгой нравственности отъ населенія, въ которомъ такъ развиты отхожіе промыслы, спрашивать нельзя. Здѣсь не обойтись безъ довольно интересной статистики. Въ 10 острогахъ губерніи поступило въ теченіе 1891 года — 10 тыс. мужчинъ и 1,2 тыс. женщинъ. Убіиствъ было 29, мертвыхъ тѣлъ найдено 22, сгорѣвшихъ и убитыхъ на пожарахъ 23, угорѣвшихъ 13, утопившихъ 110, убито громомъ 5, задавлено 23. Вина выпито много; питейный акцизъ даетъ до 3 милл. руб., табачный до 1½ милл. Сифилисъ все больше распространяется по всей губерніи: въ 1890 г. зарегистрировано 8 тыс. больныхъ, а въ 1891 г. уже 9,7 тыс.; много заносятъ изъ столицъ; принимаемыя противъ этого мѣры далеко недостаточны. Пожаровъ въ 1891 году было 895, убытковъ причинено на 2,039 тыс. руб., но это цифры официальныя, а дѣйствительныя гораздо больше. У крестьянъ застраховано въ земствѣ 477 строеній въ 24,7 милл. руб., сгорѣло у нихъ на 1,819 тыс. руб., а получено страхового вознагражденія только 708 тыс. руб. или слишкомъ въ два съ половиною раза меньше противъ официального убытка; но вообще, эти убытки считаютъ небольшими, такъ какъ земство къ 1 январю 1892 г. имѣло еще неприкосновенный страховой капиталъ въ 1,165 тыс. руб. Но все это — обычныя явленія, не мѣшающія считать губернію довольно благополучною, такъ какъ здѣсь нѣтъ такихъ острыхъ вопросовъ, какъ въ низовыхъ волжскихъ губерніяхъ. Въ нынѣшнемъ году болѣе выдающимся былъ вопросъ о замѣнѣ сѣрныхъ спичекъ шведскими, какъ менѣе опасными въ пожарномъ отношеніи. Такимъ образомъ для здѣшней губернской администраціи не представляется особенно сложныхъ хлопотъ и заботъ.

VI.

Николо-Бабаевскій монастырь. — Посадъ Большія Соли. — Нерехотскіе ученые. — Общій видъ Костромы. — Ея исторія. — Соборъ и церкви. — Ипатьевскій монастырь. — Чижовскія училища. — Костромскіе уроженцы—писатели, ученые, археологи, артисты, общественные дѣятели и патриоты. — Общественная жизнь и дѣятельность. — Торговля и промышленность.

Съ приближеніемъ къ Костромѣ мели, перекаты, косы, острова все умножаются. Пароходу приходится лавировать, хотя Волга и расширяется до 300—400 сажень. Ширина ея долины—до трехъ верстъ, правый берегъ имѣеть болѣе холмистый характеръ. За 40 верстъ отъ Ярославля въ Волгу впадаетъ справа рѣка Солоница, за которою начинается Костромская губернія. При впаденіи этой рѣки высятся **Николо-Бабаевскій монастырь**, около котораго останавливается пароходъ, и здѣсь, какъ у Толги, служатъ скоропалительный молебень; дежурный іеромонахъ какъ-бы старался отбыть скучную повинность, а одинъ изъ монаховъ пѣлъ, машинально глаза въ то же время въ окно на пароходъ и на зеленія окрестности, освѣщенные розоватымъ отблескомъ вечерняго заката. Монастырь построенъ въ XVI столѣтіи, окруженъ бѣлою стѣною, изъ-за которой выдвигается пятиглавый соборъ съ массивнымъ среднимъ куполомъ; постройка его обошлась въ 200 тыс. руб. Здѣшній чудотворный образъ Св. Николая носится въ крестныхъ ходахъ по сосѣднимъ мѣстамъ. Версты за три отъ Волги и отъ монастыря, выше по рѣкѣ Солоницѣ, видѣются пять церквей посада *Большія Соли*. Вся эта мѣстность обрѣсована у Некрасова въ его волжской были «Горе стараго Наума». И теперь, какъ при Некрасовѣ, въ окрестностяхъ много паточныхъ заводовъ, много и Наумовъ, богатѣющихъ насчетъ мужицкой нужды. Около Большихъ Солей—соляныя грязи; изъ этого посада родомъ купецъ *К. А. Поповъ*, основатель извѣстной московской фирмы «К. и С. Поповы», первой въ Россіи по оборотамъ розничной торговли чаемъ¹⁾. На церкви и разныя полезныя учрежденія родного посада имъ пожертвовано до полумилліона рублей. Здѣсь-же имѣется благоустроенное ремесленное учи-

¹⁾ Главные представители этой фирмы—А. И. Абрикосовъ и племянникъ основателя К. С. Поповъ.

лище его имени; помѣщается оно въ трехъ-этажномъ каменномъ зданіи; устройство его стоило Попову до 100 т. р. да на содержаніе имъ положенъ капиталъ во 100 т. р. Къ сожалѣнію, учениковъ мало, ибо долгій пятилѣтній курсъ пугаетъ мѣстныхъ жителей, которые желаютъ, чтобы дѣти ихъ научились ремеслу въ годъ-два, а лишнихъ наукъ имъ не требуется. Въ посадѣ много рѣзчиковъ по дереву и иконописцевъ; болѣе извѣстенъ мастеръ Трубниковъ по художественной рѣзбѣ. Выше посада, по той же рѣкѣ Солоницѣ, востѣ за тридцать отъ Волги, лежитъ городъ **Нерехта**, въ окрестностяхъ котораго и въ уѣздѣ много фабрикъ. Въ этомъ городѣ замѣчается характерная особенность: въ немъ было много ученыхъ изъ мѣстнаго духовенства. Изъ нихъ болѣе выдающіеся: протоіерей *Е. М. Назанскій* (1750—1799), оставившій подробную исторію костромской іерархіи, затѣмъ—протоіерей *М. Я. Диевъ* (1794—1866), самый трудолюбивый и плодовитый изъ мѣстныхъ историковъ, оставившій много ученыхъ работъ, записокъ, писемъ; имъ-же напечатана «Исторія костромской епархіи». Здѣшній ученый—іерей *В. А. Актювъ* (1804—1839) оставилъ нѣсколько историческихъ записокъ, братъ его П. А.—извѣстный библиофилъ. Въ началѣ прошлаго вѣка въ Нерехотскомъ соборѣ былъ діаконъ *Александръ*, который совратился въ расколъ, основалъ особый толкъ «дьяконовщину», участвовалъ въ составленіи 240 раскольниковыхъ вопросовъ къ извѣстному Питириму и въ сочиненіи отвѣтовъ на его 130 вопросовъ. Этотъ ретивый и письменный расколучитель былъ арестованъ, потомъ бѣжалъ, обратился въ православіе, былъ отвезенъ по указу Государя въ Петербургъ, но тамъ отрекся отъ православія, за что его пытали и, ничего не добившись, отрубили голову въ Нижнемѣ, а тѣло сожгли на кострѣ. Нерехта дала и нѣсколькихъ свѣтскихъ ученыхъ, хотя и неизвѣстныхъ въ Европѣ, но оставившихъ разныя историческія изслѣдованія, описанія мѣстностей, церквей и пр. Въ Нерехотскомъ же уѣздѣ существуетъ село Пружинино, принадлежавшее *А. С. Грибодову*, который бывалъ въ этихъ мѣстахъ.

Отъ Бабаевского монастыря Волга на протяженіи 20 верстъ составляетъ границу двухъ губерній—Ярославской налѣво (Даниловскій уѣздъ), Костромской направо (Костромской уѣздъ). Мы проѣзжаемъ мимо большого химическаго завода Понизовкина, благополучно минуемъ перекаты, гдѣ въ прошломъ году застрѣвало множество судовъ и пароходовъ, дѣлаемъ небольшой поворотъ, и передъ нами разворачивается родная сердцу картина—видъ древняго города **Костромы**, одного изъ самыхъ красивыхъ въ

Россіи. Волга здѣсь шире Невы (260 сажень); оба берега довольно высоки, слѣва устье рѣки Костромы, заставленное плотами и лѣсными гонками; за мысомъ бѣлѣется среди луговъ Ипатьевскій монастырь, окаймленный деревьями, а затѣмъ по холмамъ широко раскинулся городъ. Его многочисленныя бѣлыя церкви разбросаны среди зелени въ живописномъ безпорядкѣ, что придаетъ городу особую прелесть и болѣе русскій характеръ: здѣсь нѣтъ такой прилизанной ровной набережной, какъ въ Ярославлѣ; съ горы сползаютъ сады, по косогору лѣнятся домишки, наверху мелькаетъ въ зелени нѣсколько каменныхъ зданій, а въ центрѣ картины, на выдвинувшемся къ Волгѣ бугрѣ, за тѣнистою оградой красуется изящный соборъ съ массивною колокольнею и позолоченными главами. Вообще, по всему видно, что это городъ мира и тишины, не волнуемый ни коммерческими, ни политическими, ни общественными интересами. Изъ другихъ русскихъ губернскихъ городовъ Кострома болѣе всего напоминаетъ Владиміръ, хотя и не такъ красива, ибо менѣе вытянута въ длину, и большая половина города прячется на горѣ; за то здѣсь величавая Волга и визави, на зеленыхъ холмахъ, два небольшихъ пригорода съ бѣлыми церквами, что придаетъ всей картинѣ еще болѣе мягкій колоритъ.

На дребезжающихъ дрожжахъ взобрались мы по отлогому вѣзду въ гору, высота которой надъ уровнемъ рѣки не превышаетъ 15—20 сажень, и черезъ пять минутъ оттановились у самой удобной здѣшной гостиницы «Старый Дворъ», расположенной на углу главной здѣшной улицы — Русиной. Гостиница эта отличается просторомъ и семейнымъ характеромъ, хотя не блещетъ комфортомъ и чистотою, какъ Ярославская гостиница, тѣмъ болѣе, что со двора доносятся нѣкоторые ароматы. Другая большая гостиница «Эрмитажъ», гдѣ большой ресторанъ, не отличается тишиною и для семейныхъ неудобна.

Кострома довольно широко раскинулась на ровномъ плато, представляя собою шестиугольникъ, самая длинная сторона котораго тянется вдоль Волги на три съ половиною версты, ширина же города отъ полутора до двухъ версты. Расположенъ онъ, какъ мы указывали раньше, по древнерусскому плану. Въ центрѣ, за соборомъ, огромная Сусанинская площадь, имѣющая болѣе полуверсты въ поперечникѣ, которая спускается къ Волгѣ двумя широкими мощеными съѣздами. Отъ нея расходится радіусами девять улицъ; изъ нихъ Русина идетъ почти параллельно Волгѣ. Въ полуверетѣ отъ нея, къ востоку, черезъ площадь, какъ бы продолженіе ея, Мшан-

ская улица въ полторы версты длиною, ведущая къ мосту на рѣкѣ Костромѣ, черезъ который ѣздить въ Ипатьевскій монастырь. Всѣ эти улицы пересѣкаются поперечными улицами и переулками, образующими какъ бы концентрическія окружности. По такому-же старинному плану построены Солигаличъ и Макарьевъ. На площади два обширныхъ, но пустынныхъ корпуса гостинаго двора, мучные ряды, небольшое двухэтажное зданіе присутственныхъ мѣсть съ колоннадою посрединѣ; но главная приманка для туристовъ — памятникъ Сусанину: на большомъ гранитномъ пьедесталѣ такая-же колонна, наверху ея бронзовый бюстъ Михаила Θεодоровича, а у подножія колонны, на высотѣ двухъ саженъ отъ земли, колѣнопреклоненная фигура Сусанна. Памятникъ открытъ въ 1851 г. т. е. черезъ 238 лѣтъ послѣ подвига Сусанна. Улицы Костромы обстроены довольно скромно, двухэтажными каменными домами въ перемежку съ деревянными и садами; особенно выдающихся зданій нѣтъ. Параллельно Русиной улицѣ проложена Муравьевская, а за нею по ребру горы идетъ небольшой Муравьевскій бульваръ — аристократическая часть города, гдѣ губернаторскій домъ и длинное двухэтажное зданіе мужской гимназій—оба зданія съ огромнѣйшими садами. Къ собору примыкаетъ небольшой общественный садъ менѣе четверти версты длиною съ рестораномъ. Кругомъ соборной ограды устроенъ бульварчикъ, а у подножія, на набережной, два бѣлокаменные зданія духовной семинаріи и духовнаго училища за желѣзною рѣшеткою, къ которой въ большой разливъ подступаютъ волжскія воды. Къ городу примыкаютъ съ запада, за рѣкой Костромой, Богословская слобода, а съ востока — Ямская и Татарская. Особымъ благоустройствомъ городъ не отличается; мостовыя довольно безпокойныя, тротуары плохіе, да и не вездѣ они есть; набережная не устроена; въ сухую погоду бываетъ очень пыльно, а въ дожди грязно.

Кострома лежитъ въ 350 верстахъ отъ Москвы, путь — черезъ Ярославль, куда теперь ведетъ желѣзная дорога, дѣйствующая уже пять лѣтъ; вокзалъ расположенъ за Волгою. До Нижняго 300 верстъ. Къ сѣверу идетъ почтовый трактъ на Галичъ и Чухлому, оба города при большихъ озерахъ. Впадающая здѣсь рѣка Кострома имѣетъ 300 верстъ длины, въ верхнемъ ея теченіи лежитъ городъ Солигаличъ, а въ среднемъ Буй у устья рѣки Вексы, за 147 верстъ отъ Костромы; до Буя ходитъ небольшой пароходъ.

По преданію, Кострома основана, въ числѣ другихъ городовъ, Юріемъ

Долгорукимъ въ 1152 году; говорятъ даже, что она прежде была построена на правомъ берегу Волги и названа отъ соломенной куклы (Кострома), которую сожигали въ языческой праздникъ Ярилы и Купалы—этого сѣвернаго Адониса, который появляется и умираетъ, чтобы снова воскреснуть. Въ лѣтописи она упоминается въ 1213 году; въ XIII вѣкѣ городъ былъ дважды разоренъ и обращенъ въ пепель; сперва его сожгли въ удѣльной распрѣ двухъ князей, потомъ разорилъ Батый. Бывали также глады и моры. Но несмотря на то, что онъ прошелъ школу, положенную для русскихъ историческихъ городовъ, видной политической роли играть ему не пришлось, и въ XIV вѣкѣ Кострому просто-на-просто купилъ скопидомный Иванъ Калита. Съ тѣхъ поръ вмѣсто удѣльныхъ князей здѣсь поселился намѣстникъ. Но это не избавило городъ отъ дальнѣйшихъ несчастій. Такъ, напримѣръ, въ 1375 г. его опустошили ушкунники, приплывшіе, на 70 ладьяхъ. Въ 1322 г. произошло обидное событіе—Кострому разорилъ посолъ московскаго князя по пути изъ Орды, а развѣ не обидно терпѣть разореніе отъ посла; добро-бы ужъ отъ самого великаго князя или отъ царя въ родѣ Іоанна Грознаго. Въ 1382 г. въ Костромѣ укрывался отъ нашествія Тохтамыша князь Дмитрій Донской, въ 1429 г. опустошилъ ее татарскій царевичъ Махмутъ-Хазп, о которомъ никто изъ гимназистовъ и не слыхивалъ. Въ 1608 г. ее грабилъ Лисовскій со своими ляхами; когда-же въ 1609 г. ихъ разбило нижегородское ополченіе, то онъ укрылся въ Іпатьевскомъ монастырѣ, городъ сжегъ, жителей и иноковъ истребилъ, потомъ бѣжалъ. Въ этомъ-же монастырѣ, спасенный Сушанинымъ (въ чемъ теперь нѣкоторые скептики-историки сомнѣваются), укрывался юный Михаилъ Феодоровичъ, который 13-го марта 1613 г. принялъ въ Костромѣ избраніе на престолъ, что и составляетъ главное здѣшнее историческое событіе. Но Кострома—колыбель не только рода Романовыхъ, но и Годуновыхъ, родоначальникъ которыхъ татарскій мурза Четь переселился сюда и основалъ Іпатьевскій монастырь. Въ 1655 г. моровая язва погубила $\frac{2}{3}$ жителей Костромы. Въ XVIII вѣкѣ жизнь города текла мирно и незамѣтно; въ 1719 г. его причислили къ Московской губерніи, а въ 1798 г. сдѣлали губернскимъ городомъ. Съ тѣхъ поръ онъ извѣстенъ болѣе въ качествѣ административнаго центра, а также по льняной фабрикаціи. Въ 1812 г. костромское дворянство собрало 11 тыс. ратниковъ, а потомъ пожертвовало хлѣбомъ и деньгами на 1 милл. р. въ пользу разоренныхъ жителей Смоленской губерніи. Въ сентябрѣ 1847 г. было четыре пожара, уничтожившіе лучшую часть города.

Въ настоящее время Кострома—самый скромный губернский городъ на Волгѣ и по своей тишинѣ можетъ быть уподобленъ двумъ другимъ довольно соннымъ городамъ — Ярославлю и Симбирску.

Тридцать лѣтъ назадъ въ Костромѣ считалось 245 каменныхъ и 1570 деревянныхъ домовъ и 22 тыс. жителей; въ 1887 г. — 300 каменныхъ, 300 смѣшанныхъ, 2050 деревянныхъ, всего 2650 домовъ; жителей въ 1885 г.—28 тысячъ, а теперь 30 — 35 тыс. Населеніе почти не увеличивается, ибо смертность доходитъ до 38 на тысячу, т. е. вдвое выше нормального процента.

Самыя замѣчательныя зданія, какъ и въ Ярославлѣ, — церкви. Ихъ здѣсь до тридцати, нѣкоторыя съ древней живописью, надъ которою также работалъ В. В. Верещагинъ. Здѣшній величественный Успенскій соборъ построенъ въ 1239 г., потомъ, какъ водится, горѣлъ и былъ перестроенъ. Последній разъ онъ горѣлъ въ 1773 г. и Екатерина II велѣла отпустить на его возобновленіе 12 т. р. Возобновилъ его не ученый архитекторъ а самоучка-каменьщикъ *С. Воротиловъ*. Его окружаетъ красивая галерея, которая, какъ и внутренность собора, расписана альфреско картинами изъ Ветхаго и Новаго Заветъ, изъ Апокалипсиса; тутъ-же и невиданные звѣри, и неизбѣжный страшный судъ—*momento mori*—и прїѣздъ пословъ къ Михаилу Феодоровичу, и его воцареніе. Алтарь изукрашенъ богатою золотою рѣзбою; иконы съ золотыми и серебряными окладами ¹⁾, богатые сосуды. Ризница очень богата; замѣчательно также одно евангеліе въ серебряномъ окладѣ, вѣсомъ 2 пуда и 2 фунта. Вообще — соборъ богатъ не по городу. Особенность его въ томъ, что это единственная церковь въ Россіи, въ которой алтари обращены не на востокъ, а на западъ, что бросается въ глаза еще съ парохода. Рядомъ съ холоднымъ соборомъ теплый, также богатый, Богоявленскій храмъ и тутъ-же величавая колокольня красиваго стиля въ три яруса, украшенная пилястрами дорическаго и коринтскаго орденовъ съ легкими треугольными фронтонами; большой колоколъ вѣситъ 1160 пудовъ, а самая колокольня имѣетъ 30 сажень вышины. Видъ съ нея великолѣпенъ: въ хорошую погоду, говорятъ, виденъ даже Ярославль, отстоящій по прямой линіи на 57 верстѣ. Въ западномъ концѣ города, за Муравьевскимъ бульваромъ, на берегу Волги, замѣчателенъ такъ-называемый старый соборъ — церковь Воскре-

¹⁾ Въ соборѣ—чудотворная икона Феодоровской Божьей Матери съ золотою ризою въ 20½ фунт., не считая камней. На престольномъ образѣ Успенія серебряная вызолоченная риза въ 45 фунт.

сенія на Дебряхъ, съ фресками и рѣдкою рѣзбою на алтарѣ, подобная которой встрѣчается только въ Кіевѣ. Но болѣе всего стремятся туристы въ Ипатьевскій монастырь, пользующійся особымъ покровительствомъ нынѣ Царствующаго Дома; ѣхать туда отъ Сусанинской площади около двухъ верстѣ. Монастырь считаетъ на плечахъ болѣе 500 лѣтъ, окруженъ двойною стѣною, между стѣнами разбитъ тѣнистый липовый бульваръ; внутренняя стѣна высокая съ башнею и представляетъ какъ разъ тотъ видъ, какой мы привыкли лицезрѣть въ оперѣ «Жизнь за Царя»: тѣ-же святые ворота, въ которыя стучался Ваня, такія-же главы церквей, выглядывающія изъ-за стѣны; внѣшняя стѣна низкая, черезъ нее широкій видъ на пойму Волги, на дальніе лѣса, словомъ — русская картина. Здѣсь невольно навѣвается воспоминаніе о всѣмъ извѣстномъ подвигѣ крестьянина *Ивана Сусанина*; былъ онъ родомъ, какъ извѣстно, изъ села Домнина, Буйскаго уѣзда, въ 70 верстахъ отъ Костромы — вотчины царя Михаила Ѳеодоровича, который пожаловалъ въ 1620 г. дочери его Антонидѣ, по мужу Сабининой, «за службу и за кровь отца» половину деревни Деревнищъ, а когда въ 1631 г. эта часть Деревнищъ отошла во владѣніе московскаго Ново-Спасскаго монастыря, то въ 1633 г. Антонидѣ пожалована въ вѣчное и потомственное владѣніе, въ томъ-же Костромскомъ уѣздѣ, пустошь Коробово (теперь село въ 40 верстахъ отъ Костромы), причѣмъ она съ потомствомъ освобождена была отъ «всякихъ податей, кормовъ, подводъ и работъ городскихъ и дорожныхъ». Коробовскіе жители назывались «бѣлопашцами» за дарованныя имъ льготы.

Въ монастырѣ большой и богатый соборъ, крытый бѣлымъ желѣзомъ, въ подвальномъ этажѣ могилы Годуновыхъ; здѣсь погребеньъ и Сусанинъ, но мѣсто его могилы неизвѣстно (!). При соборѣ очень богатая ризница, въ которой воздухи, пелены, плащаницы вышиты матерью Бориса Годунова, богатые чаши, кресты, облаченія и проч. Еще болѣе замѣчательна невысокая, но широкая, четырехугольная колокольня, покрытая снаружи хорошою историческою живописью. На монастырскомъ дворѣ разведенъ садикъ, въ глубинѣ его древнія палаты, очень похожія на домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ на Варваркѣ, но отличаются болѣе массивнымъ крыльцомъ. Въ этихъ палатахъ 270 лѣтъ назадъ проживала инокиня Марѳа — мать Михаила Ѳеодоровича; въ комнатахъ сохранилось нѣсколько мебели того времени и печи изъ старинныхъ кафельныхъ изразцовъ. Въ 1837 году комнаты эти посѣтилъ восемнадцатилѣтній Александръ II, оставившій здѣсь хранящуюся въ рамѣ такую надпись: «Съ

особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ осматриваль я тѣ келии, въ коихъ, вмѣстѣ съ родительницею своею, жительствовадь юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Въ память дня моего пребыванія въ нихъ оставляю сей листъ за подписаніемъ моимъ, мая 14-го 1837 года». Посреди садика каменный столбъ, по четыремъ сторонамъ котораго надписи о достопамятныхъ событіяхъ монастыря. Подлинная грамота объ избраніи Михаила Ѳеодоровича находится въ Москвѣ, въ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾.

Ученыя и общественныя учрежденія Костромы не выдѣляютъ ея изъ ряда другихъ губернскихъ городовъ; есть только губернская архивная коммисія, которая работаетъ довольно усердно; существуетъ также публичная «библіотека 12 января», названная такъ по дню основанія московскаго университета. Музея, который былъ-бы интересенъ по разнообразію древностей и промысловъ губерніи, еще не устроено; нѣтъ также подробнаго описанія города, что затрудняетъ его изученіе. Въ 1892 г. въ здѣшнихъ типографіяхъ напечатано только три сочиненія. Въ здѣшней мужской гимназіи училось нѣсколько извѣстныхъ русскихъ писателей; оканчивающіе курсъ поступаютъ болѣе въ московскій университетъ. Женская гимназія основана въ 1858 году на пожертвованія помѣщиковъ; одинъ изъ нихъ подарилъ домъ съ садомъ, въ которомъ имѣется даже фонтанъ. Изъ заведеній особаго 'рода устроено исправительное заведеніе для мальчиковъ, да ожидается открытіе ремесленныхъ чижовскихъ училищъ, которыя недавно вызвали оживленные газетные толки.

Костромской уроженецъ *Ѳ. В. Чижовъ*—воспитанникъ здѣшней гимназіи и московскаго университета, гдѣ былъ потомъ профессоромъ, причемъ явился на первую лекцію въ студенческомъ мундирѣ, за неимѣ-

¹⁾ Грамота представляетъ огромный изъ девяти александрійскихъ листовъ склеенный столбецъ, начало котораго и также имя Михаила (всюду, гдѣ оно находится) писаны золотомъ. На оборотѣ грамоты подписалось 273 лица: 3 митрополита, 3 архіепископа, 2 епископа, 18 архимандритовъ, 17 игуменовъ, 1 строитель, 3 келаря, 5 протопоповъ, 5 поповъ, 16 бояръ, 4 окольныхъ, 1 кравчій, 1 думный дьякъ, 32 стольника, 18 стряпчихъ, 1 жалецъ, 102 дворянина, 36 выборныхъ разночинцевъ и 5 татаръ. Изложеніе въ грамотѣ весьма витіеватое. Самый документъ теперь очень ветхъ, во многихъ мѣстахъ поврежденъ и неаккуратно и даже грубо подклеенъ. Внизу грамоты имѣлось девять восковыхъ висячихъ печатей, изъ которыхъ семь совсѣмъ утрачены, а отъ остальныхъ остались только небольшіе обломки. Текстъ грамоты напечатанъ въ I томѣ «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. I, № 203 (Москва 1813 г.).

ніемъ средствъ на штатское платье. Потомъ онъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ, гдѣ по доносу австрійцевъ былъ заподозрѣнъ въ антигосударственныхъ взглядахъ, арестованъ, болѣе года высидѣлъ въ каменномъ мѣшкѣ Петропавловской крѣпости, потомъ былъ допрошенъ лично императоромъ Николаемъ и освобожденъ, причемъ ему отвели 30 десятинъ земли въ Украинѣ, гдѣ онъ подружился съ Н. В. Гоголемъ. Въ 1857 г. ему былъ разрѣшенъ вѣздъ въ Москву, и здѣсь, вмѣстѣ съ другимъ костромичемъ А. П. Шиповымъ онъ редактировалъ «Вѣстникъ Промышленности и Финансовъ», а также издавалъ сочиненія Гоголя; потомъ его соредакторомъ былъ извѣстный профессоръ Бабеть; журналъ существовалъ три года. Въ 60-хъ годахъ Чижовъ пустился въ строительное дѣло, построилъ Московско-Ярославскую желѣзную дорогу и нажилъ миллионы. Умеръ онъ въ 1877 г. и завѣщалъ большой капиталъ съ тѣмъ, чтобы въ Костромской губерніи было устроено пять училищъ: въ Костромѣ два соединенныхъ училища: среднее—химико-техническое и низшее—механико-техническое; близъ города Кологрива—низшее сельскохозяйственно-техническое; близъ города Чухломы—ремесленное, принаровленное къ потребностямъ сельскаго хозяйства, и въ городѣ Макарьевѣ—ремесленное по обработкѣ металловъ и дерева. До сихъ поръ открыто два училища—въ Макарьевѣ на Унжѣ и близъ Кологрива. Макарьевское училище имѣетъ паровую машину и мастерскія; въ немъ 60 учениковъ. Для Кологривскаго куплено 2102 десятины земли. Въ Костромѣ приобрѣтены чугунно-литейный и механическій заводъ, бывшій Шипова, который и будетъ приспособленъ для открытія въ немъ двухъ соединенныхъ училищъ: средняго химико-техническаго и низшаго—механико-техническаго. Въ Чухломскомъ уѣздѣ для устройства ремесленно-сельскохозяйственнаго училища приобрѣтено имѣніе въ 281 десятину. Всѣ эти училища должны принести большую пользу и для земледѣльческаго и для промышленнаго населенія губерніи.

Костромская губернія съ ея приволжскимъ просторомъ, съ ея лѣсами, поэтическими русскими картинами, съ исконнымъ великорусскимъ племенемъ, дала Россіи, пожалуй, больше писателей и другихъ дѣятелей, чѣмъ другія приволжскія губернія, кромѣ развѣ Нижегородской. Изъ старыхъ писателей слѣдуетъ вспомнить объ *А. А. Аблесимовѣ* (1742—1783), сынѣ галичскаго помѣщика. Онъ написалъ первую русскую оперетку «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и свать», съ успѣхомъ игранную въ Москвѣ въ 1779 г., и нѣсколько другихъ вещей. Изъ Вуйскаго уѣзда извѣстный

гидрографъ, контръ-адмиралъ *Н. А. Ивашицевъ*, первый изслѣдователь Каспійскаго моря. Извѣстный статистикъ и ученый *Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ* (1789—1865), отецъ современнаго писателя и публициста К. К. Арсеньева, былъ сыномъ священника села Мирханова Чухломскаго уѣзда, учился въ Костромской семинаріи и педагогическомъ институтѣ, гдѣ съ 1811 года преподавалъ географію и статистику, а съ 1817 г. получилъ кафедру статистики въ петербургскомъ университетѣ и др. Въ 1821 г., по доносу попечителя Рунича, былъ удаленъ за распространеніе вредныхъ идей¹⁾, но остался преподавать въ инженерномъ училищѣ, гдѣ понравился Николаю I, который назначилъ его въ комисію по составленію законовъ, а съ 1828 года преподавателемъ исторіи и статистики къ наслѣднику Александру Николаевичу. Арсеньевъ былъ однимъ изъ основателей географическаго общества и избранъ въ члены академіи наукъ. Его капитальные труды — «Матеріалы для статистики Россійской имперіи», 1839 г. и «Статистическіе очерки Россіи», 1848 г., гдѣ разработано много новыхъ неизданныхъ данныхъ, — были въ свое время единственнымъ полнымъ матеріаломъ для статистическаго изученія нашего отечества; онъ же отыскалъ знаменитую записку Карамзина. «О древней и новой Россіи». Въ Костромѣ родился и извѣстный въ свое время цензоръ *А. И. Красовскій*. Затѣмъ бывший секретарь здѣшней губернаторской канцеляріи *П. Д. Голембовскій* оказывается авторомъ извѣстнаго въ свое время романа въ шести частяхъ: «Семейство Холмскихъ, нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, русскихъ дворянъ», изданнаго въ Москвѣ въ 1833 г. Сынъ діакона Ипатской слободы *Θ. А. Голубинскій* (1793—1853), — извѣстный профессоръ психологіи московской духовной академіи, составившій свою систему философіи

¹⁾ Для обвиненія его служили между прочимъ такія мѣста изъ его «Начертанія Статистики» (одобреннаго цензурою и учебнымъ вѣдомствомъ): человекъ, неувѣренный въ полномъ возмездіи за трудъ свой, въ половину не произведетъ того, что въ состояніи сдѣлать человекъ, свободный отъ всякихъ узъ принужденія. Доказано, что земля, воздѣланная вольными крестьянами, даетъ обильнѣйшіе плоды, нежели земля, одинаковаго качества, обработанная крѣпостными...

«Истина непреложная, утверждаемая опытами многихъ вѣковъ протекшихъ, что свобода промышленника и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ приумноженіи богатства частнаго и общественаго, что для поощренія къ большей дѣятельности нѣтъ лучшаго, надежнѣйшаго средства, какъ совершенная неограниченная ничѣмъ гражданская личная свобода—единный истинный источникъ величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности».

наукъ. Въ 1832 г. въ городѣ Галичѣ объявился мѣстный сатирикъ, мѣщанинъ *В. Рошинъ*, сочинившій «Галичскую балладу», въ которой осмѣялъ обычаи своихъ согражданъ, а тѣ въ отместку выбрали его въ трубочисты. Изъ Галичскаго уѣзда вышелъ и *П. П. Свинынъ*, извѣстный изданіемъ «Отечественныхъ Записокъ», а также историческими романами «Ермакъ или покореніе Сибири» (Спб., 1834) и «Шемякинъ судъ» (Москва, 1832); онъ оставилъ также нѣсколько другихъ сочиненій и воспоминаній. Въ 1813—16 годахъ въ Костромѣ былъ вице-губернаторомъ князь *Д. П. Горчаковъ* (1756—1824), авторъ нѣсколькихъ оперъ, одинъ изъ главныхъ участниковъ въ «Бесѣдахъ русскаго слова»; извѣстныя его оперы: «Калифъ на часъ» (1786 г.), «Баба-яга» (1788 г.) и др. долго давались на сценѣ. Въ 1812—19 гг. директоромъ училищъ Костромской губерніи былъ *Н. Ѡ. Грамматинъ* (1786—1827), магистръ словесности, издавшій въ стихахъ «Слово о полку Игоревѣ» (1823) съ подробными комментаріями; онъ первый познакомилъ русское общество съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ; кромѣ того имъ написано нѣсколько поэмъ, а также много статей и стиховъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Сынѣ Отечества», «Цвѣтникѣ» и др. Помѣщикомъ Костромской губерніи былъ извѣстный *П. Ѡ. Катенинъ* (1792—1853), генераль-маіоръ, членъ академіи наукъ и авторъ трагедіи «Андромаха» (1827) и др. Въ болѣе новое время Костромская губернія дала нѣсколько выдающихся писателей, занявшихъ почетное мѣсто въ русской литературѣ. Изъ числа ихъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о покойномъ *А. Ѡ. Писемскомъ* (1819—1881); онъ родился въ Чухломскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ своего отца; дѣтство провелъ въ городѣ Ветлугѣ, гдѣ отецъ его былъ городничимъ; 14-ти лѣтъ его отдали во второй классъ Костромской гимназіи; здѣсь въ немъ развилась страсть къ театру; въ пятомъ классѣ онъ былъ первымъ ученикомъ по словесности, а въ шестомъ написалъ повѣсть «Черешенка»; въ 1840 году, по окончаніи гимназіи, онъ поступилъ въ московскій университетъ, почему-то на математическій факультетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ занимался съ литературою, упражнялся въ декламаторскомъ искусствѣ, считался лучшимъ чтецомъ сочиненій Гоголя. Въ 1844 г. кончилъ курсъ дѣйствительнымъ студентомъ и поступилъ на службу царскую, которую и проходилъ въ теченіе 30 лѣтъ, причемъ первую половину, за исключеніемъ двухъ лѣтъ, въ Костромѣ, въ мѣстной палатѣ государственныхъ имуществъ, чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, а потомъ ассесоромъ губернскаго правленія: въ 1853—1859 годахъ служилъ въ

Петербургѣ въ удѣлахъ, потомъ семь лѣтъ былъ въ отставкѣ, а въ 1866—1874 гг. служилъ въ Москвѣ совѣтникомъ губернскаго правленія; послѣднія же семь лѣтъ доживалъ въ Москвѣ въ отставкѣ. Сухая чиновничья дѣятельность, оказалось, не мѣшала литературѣ и онъ писалъ много, не взирая на то, что первый романъ его «Боярщина» былъ прихлопнутъ цензурою, увидѣвшей въ немъ протестъ противъ брака.

Его родная палестина — Чухломскій уѣздъ — дала матеріалъ для его извѣстной драмы «Горькая Судьбина», основою которой послужили два преступленія, совершенныя дворовыми людьми помѣщика Ермолаева въ сельцѣ Селивановѣ ¹⁾; оба дѣла хранятся въ архивѣ Костромскаго окружного суда. Но Писемскій отсталъ отъ современнаго ему движенія, за это критика того времени его жестоко отдѣлала, что произвело на него подавляющее впечатлѣніе и привело къ извѣстному писательскому недугу. Затѣмъ, изъ благополучно здравствующихъ писателей въ Костромѣ родился въ 1825 г. поэтъ *Алексій Николаевичъ Плещеевъ*, а въ посадѣ Парфентьевѣ Кологривскаго уѣзда — нашъ почтенный этнографъ и писатель *Сергій Васильевичъ Максимовъ*, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ русскаго быта и русскаго народа. («Годъ на сѣверѣ», «Сибирь и каторга», «Бродячая Русь», «Крылатые слова» и пр.). Въ Костромской гимназіи и потомъ въ Московскомъ университетѣ учились даровитые братья *Потѣхины*, уроженцы Кинешмы; старшій—извѣстный драматургъ *Алексій Антиповичъ Потѣхинъ* многое черпалъ изъ быта Костромскаго края; изъ другихъ братьевъ болѣе извѣстны талантливый адвокатъ, одинъ изъ лучшихъ цивилистовъ — *Павелъ Антиповичъ* и писатель *Николай Антиповичъ*. Достоинно вниманія, что три крупные писателя—костромича А. О. Писемскій, С. В. Максимовъ и А. А. Потѣхинъ участвовали въ экспедиціи литераторовъ, организованной морскимъ министерствомъ въ 1856 г., и всѣ трое побывали въ приволжскихъ районахъ, о которыхъ написали не мало поучительнаго.

Затѣмъ извѣстенъ земскій дѣятель и публицистъ *Ниль Петровичъ Колупановъ* — нынѣ предводитель дворянства. Почтенный секретарь костромскаго статистическаго комитета *Василій Геннадіевичъ Пироговъ* принадлежитъ къ драгоцѣнной плеядѣ провинціальныхъ тружениковъ и изслѣдователей, среди которой для приволжскихъ жителей блестятъ такія

¹⁾ Подробности см. въ «Русской Старинѣ» за 1889 г., ноябрь, стр. 335: «Два чухломскія драмы» — основа «Горькой Судьбины» А. О. Писемскаго.

имена, какъ Гацисскій, Жизневскій и др. Не ограничиваясь скромными рамками официальной дѣятельности, В. Г. сумѣлъ оживить здѣшній статистическій комитетъ и далъ рядъ обстоятельныхъ трудовъ, безъ которыхъ трудно было бы изучить экономическое положеніе мѣстнаго населенія. Такъ—имъ издано восемь большихъ выпусковъ «Матеріаловъ для статистики Костромской губерніи»; онъ же единолично обследовалъ здѣшніе фабрики и заводы; словомъ, дѣлалъ то, что въ другихъ губерніяхъ возлагается на нѣсколькихъ лицъ.

Исслѣдованіями костромской старины занимаются очень многіе; въ числѣ ихъ есть люди и простого званія, но любознательные и часто съ оригинальнымъ умомъ. Такъ, бѣдный мѣщанинъ города Галича *И. И. Тычинкинъ* собралъ много древнихъ грамотъ и рукописей, составилъ «Галичскій лѣтописецъ», который въ 1831 г. представилъ въ Общество исторіи и древностей русскіихъ. Уроженецъ Галичскаго уѣзда *С. В. Костровъ*, впоследствии священникъ Нерехотскаго собора, помогалъ Свиньину въ сочиненіи его романа «Шемякинъ судъ» и его «Исторіи Петра Великаго»; онъ же составилъ историко-статистическое описаніе Галича и Нерехты.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Костромѣ былъ вице-губернаторомъ *И. К. Васковъ*, который напечаталъ «Собраніе историческихъ извѣстій, относящихся до Костромы». Въ послѣднее время выступили мѣстные археологи *В. А. Самаряновъ* и *Н. В. Покровскій*. Въ Костромѣ бывалъ и *А. Н. Островскій*, который по лѣтамъ жилъ въ имѣніи близъ Кинешмы. Извѣстное Клыковское дѣло ¹⁾, бывшее въ костромскихъ судахъ, дало ему матеріалъ для «Грозы», дѣйствующія лица которой живо напоминаютъ лицъ, извѣстныхъ въ Костромѣ. Жилъ здѣсь нѣкоторое время и писатель по социальнымъ вопросамъ *В. В. Берви* (Флеровскій). Въ Буйскомъ уѣздѣ долго жила и тамъ же похоронена писательница *Ю. Жадовская*. Костромская земля не только дала оригинальныхъ изслѣдователей, вдумчивыхъ самоучекъ, трудолюбивыхъ историковъ, но и немало артистовъ. Въ 1729 г. родился въ Костромѣ *Ө. Г. Волковъ*, о которомъ говорено выше при описаніи Ярославля. Россійскій трагикъ начала нынѣшняго столѣтія *Яковлевъ* — сынъ костромскаго купца.

Здѣшніе же уроженцы — пѣвица *М. П. Коровина*, профессоръ живо-

¹⁾ Дѣло возникло по поводу найденнаго въ р. Волгѣ, 10 ноября 1859 г., мертвого тѣла купеческой жены Александры Клыковой (предполагаемая *Катерина* изъ «Грозы»).

писи *Е. С. Сорокинъ* и академикъ-пейзажистъ *А. А. Писемскій*. Духовныхъ дѣятелей вышло отсюда также много. Такъ, — въ Солигаличѣ родился извѣстный митрополитъ *Иона* (въ XV вѣкѣ). Затѣмъ — протоіерей *А. Горскій* — извѣстный ректоръ Московской Духовной Академіи. Изъ крестьянъ Костромской губерніи былъ извѣстный *Питиримъ*, бывший сперва расколочителемъ, а впоследствии, въ качествѣ нижегородскаго архіерея, ярымъ гонителемъ раскола. Онъ жилъ при Петрѣ I, который цѣнилъ его, какъ начитаннаго и ретиваго человѣка, и велъ съ нимъ переписку по раскольниковымъ дѣламъ. Въ 1716 г. Питиримъ отправилъ къ раскольникамъ чернораменскихъ лѣсовъ Балахнинскаго уѣзда 130 вопросовъ, а они ему — свои 240 вопросовъ, на которые онъ издалъ въ 1721 г. отвѣты подъ названіемъ: «Пращица противъ вопросовъ раскольниковыхъ», напечатанные по указу Петра. Изъ другихъ дѣятелей достойнъ упоминанія помѣщикъ Галичскаго уѣзда *А. М. Захаровъ*, заботившійся о сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ; онъ первый ввелъ въ Костромской губерніи косьбу ржи. Далѣе — извѣстный въ свое время среди экономистовъ *А. П. Шитовъ*, владѣлецъ механическаго завода, писавшій по экономическимъ вопросамъ въ духѣ крайняго протекціонизма. Извѣстенъ также какъ просвѣщенный дѣятель *И. А. Лукинъ* — владѣлецъ обширныхъ лѣсовъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ, писавшій объ артельныхъ и ссудосберегательныхъ товариществахъ. Изъ мѣщанъ города Солигалича вышелъ извѣстный русскій самородокъ и бывший откупщикъ, *Василій Александровичъ Кокоревъ* — человѣкъ несомнѣнно крупный, широкаго размаха, ораторъ и патріотъ; въ молодости онъ былъ цѣловальникомъ, откупнымъ довереннымъ, потомъ откупщикомъ, причѣмъ сталъ извѣстенъ самому Государю своимъ проектомъ акцизно-откупного коммисіонерства. Въ пятидесятыхъ годахъ Кокоревъ вращался въ московскихъ кружкахъ, былъ другомъ Каткова и Аксакова, за что былъ даже записанъ въ черную книгу генерала-губернатора Закревскаго, какъ вольнодумецъ ¹⁾. Въ это время имъ была издана обратившая на себя вниманіе брошюра: «Милліарды въ туманѣ», гдѣ указывались средства къ обогащенію Россіи. Это подало поводъ къ такому анекдоту: извѣстный острякъ того времени, морской министръ князь Меншиковъ, встрѣтя Кокорева, похвалилъ его брошюру и сказалъ: «Отчего бы тебѣ не быть

¹⁾ Запись эта была такова: «Кокоревъ, купецъ первой гильдіи, другъ Каткова, красный, готовый на все».

у насъ министромъ финансовъ; жаль только, что ты купецъ и чина не имѣешь». Кокоревъ отвѣчалъ на это: «да, это большой предрасудокъ не назначать изъ купцовъ, вѣдь былъ же во Франціи министромъ финансовъ купецъ». Кто такой? «Лафиттъ?»—«Ну, братъ, возразилъ Меншиковъ, — отъ сивухи до лафита далека пѣсня!» Впрочемъ, Кокоревъ, если и не попалъ самъ въ министры, то вель дружбу со многими министрами, затѣвалъ грандіозныя предпріятія, не разъ прогоралъ и вновь выплывалъ съ милліонами, былъ первымъ основателемъ Волжско-Камскаго банка, Общества товарныхъ складовъ съ варрантами, Сѣвернаго Телеграфнаго Агентства, Уральской желѣзной дороги, Бакинскаго нефтянаго Товарищества и пр. Онъ замышлялъ даже устроить проспектъ отъ Москвы до Петербурга, обстроивъ обѣ стороны Николаевской желѣзной дороги, не успѣлъ только составить проекта моста черезъ Атлантическій океантъ; въ 1888 г., за годъ до смерти, напечаталъ въ Русскомъ Архивѣ свои «Экономическіе провалы», гдѣ разнесъ разныя финансовыя мѣры и всякія научныя доктрины, ведущія, по его мнѣнію, Россію къ погибели.

Изъ крестьянъ Буйскаго уѣзда сталъ извѣстенъ *Комисаровъ-Костромской*, превратившійся изъ зауряднаго мастерового въ богатаго дворянина.

Что касается общественной жизни Костромы, то ея почти не замѣтно. Интеллигентная публика занимается больше винтомъ — этою всероссійскою панацеею для убиванія времени, а главное для отвлеченія отъ «идей». Развлекаются еще тѣмъ, что гуляютъ по тѣсному бульвару у собора, смотреть съ горы на пароходы, ѣздить за Волгу и въ другія окрестности съ самоваромъ и сердцекрѣпительными напитками, катаются на лодкахъ, распѣвая иногда некрасовскія пѣсни и неизбѣжную «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»; есть здѣсь также общество велосипедистовъ, хотя для этого спорта мало удобныхъ дорогъ. Во время нашего пребыванія афиши возвѣщали о рускомъ скороходѣ, который въ 12 час. дня долженъ былъ пробѣжать по сто-саженной аллеѣ бульвара невѣроятное количество верстъ, причемъ входъ для публики былъ свободный, а плата по желанію. Намъ рассказывали, что публики набралось много, но когда дѣло дошло до вознагражденія высунувшаго языкъ и еле дышащаго скорохода, то почти всѣ ретировались. Въ это время въ татарской слободѣ справлялся большой Байрамъ, и мы отправились туда посмотрѣть. На широкомъ лугу близъ тѣнистаго кладбища устраивались хороводы, пѣлись пѣсни, но все очень чинно, не по-русски. Къ вечеру всѣ разошлись по домамъ; татарки въ яркихъ нарядахъ чинно сидѣли и разговаривали, мужчинъ почти не видно, въ до-

махъ довольно чисто, среди слободы крошечная деревянная мечеть, а рядомъ домъ муллы, который насъ пригласилъ къ себѣ; комнаты у него убраны по-европейски, самъ онъ въ бѣлой чалмѣ — знакъ того, что онъ хаджи, т. е. былъ въ Меккѣ. Но еще съ большею гордостью показали онъ намъ грамоту о награжденіи его орденомъ Станислава въ петлицу за долгую и полезную службу. Татары переселились сюда съ 1760 г. Слобода во многихъ отношеніяхъ представляетъ какъ-бы оазисъ среди другихъ окраинъ города: почти всѣ дома — чистые, съ тесовыми крышами, похожи на дачки, выстроены послѣ пожара 1873 г.; жителей до 500 чел., дворовъ до 80, земли 296 дес., изъ нихъ 225 дес. распахиваются, скота до 150 головъ; кромѣ земледѣлія татары занимаются извозомъ, торговлей, рыболовствомъ, татарки плетутъ хорошія кружева, мулла приготовляетъ кумысъ по заказамъ; смертность — около 17 на тысячу, т. е. нормальная, отчего населеніе растетъ по 3% въ годъ; многоженства нѣтъ, незаконныхъ рожденій также, всѣ трезвые. Здѣсь хорошее училище, гдѣ 25 мальчиковъ учатся у муллы бесплатно: закону божію (шаріатъ), чистописанію (арабскими буквами), арифметикѣ, турецкому и арабскому языку. Говорятъ больше по-русски, а по-татарски плохо. Семейныхъ раздѣловъ почти нѣтъ, болѣе серьезные споры между татарами рѣшаются муллою и на сходкахъ, а до суда не доходятъ. Вообще въ бытѣ этихъ татаръ есть многое, чему позавидуешь.

Въ Костромѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ городахъ, читаютъ больше московскія и петербургскія газеты, беллетристику и пр. Здѣшнія «Губернскія» и «Епархіальныя Вѣдомости» читаются только малочисленной спеціальною публикой; есть еще «Листокъ Объявленій». Въ типографіяхъ печатаются главнымъ образомъ официальные изданія, штейные ярлыки, визитныя карточки, да иногда мѣстные историческіе матеріалы ¹⁾. Доходъ города въ 1862 г. составлялъ всего 28½ тыс. руб., а въ настоящее время—170 т. р.

¹⁾ Изъ болѣе интересныхъ трудовъ въ Костромѣ были напечатаны въ 1794 г. «Андріада или мужественная битва», поэма въ трехъ пѣсняхъ; въ 1795 г. — «Аптека (Щеголеватая), или туалетные препараты, содержащіе въ себѣ разные способы для поддержанія, умноженія, леченія и возвращенія тѣлесной красоты, съ приобщеніемъ способовъ составлятъ разныя благовонія, курительные порошки, пудры, помады, мыла и т. п.». Въ томъ же году: «Безполезно излишне умствовать» — правоучительная сказка (это изданіе годилось бы и теперь, черезъ 100 лѣтъ). Въ послѣднее время напечатаны труды архивной комисіи.

Мѣстное губернское земство напоминаетъ больше какое-то чиновное учрежденіе и особой заботливости о благосостояніи населенія не проявляетъ. Земской статистики не существуетъ, на пользу сельскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ почти ничего не предпринимается. Вспомнишь при этомъ, что маленькая суровая Финляндія ежегодно отпускаетъ на содѣйствіе кустарному производству 200 тыс. марокъ, а въ Россіи и то временно по 60 тыс. р. или, по отношенію къ населенію, въ 70 разъ меньше Финляндіи. Впрочемъ, костромское земство позаботилось о грамотности, — въ губерніи 400 народныхъ школъ, при большинствѣ которыхъ устроены библіотечки; одинъ учащійся приходится на 60 жителей — отношеніе въ 20 разъ меньше нормальнаго. Но все же для русской губерніи—грамотность довольно сильная: за три года, 1887—89, изъ 10,024 призываемыхъ къ военной службѣ оказалось 4734 или 47,2% грамотныхъ, но многіе выучились не въ школахъ, а сами собою, и ихъ грамотность очень невысокаго давленія. Кромѣ того, губернское земство устроило складъ пожарныхъ трубъ, которыя отпускаются волостямъ и частнымъ лицамъ въ разсрочку.

Торговое значеніе города не очень велико; товары подвозятся больше для мѣстной потребности и для фабрикъ. Въ числѣ другихъ волжскихъ пристаней костромская занимаетъ скромное мѣсто. За четыре послѣдніе года 1888—1891 приходило грузовъ среднимъ числомъ около 9 милл. пуд. въ годъ, въ томъ числѣ на $\frac{3}{4}$ лѣса, сплавляемаго по рѣкѣ Костромѣ. Въ 1888 г. прибыло водою 5,2 милл. пуд., въ 1889 — 10 милл. пуд., въ 1890 г.—6,4 милл. пуд., а въ 1891 г.—14,4 милл. пуд., въ томъ числѣ 11,7 милл. пуд. лѣса, 1,9 милл. пуд. хлѣба, 400 тыс. пуд. соли. Масса плотовъ скопляется въ устьѣ Костромы и вдоль Волги; здѣсь они и разгружаются, причемъ бревна выволакиваются изъ воды на берегъ лошадиной тягою: за оба конца бревна захлестываются веревки, и его волокутъ двѣ лошади, на которыхъ сидятъ малолѣтніе погонщики-мальчики и дѣвочки 10—12 лѣтъ; за этотъ невеселый трудъ отъ восхода солнца до захода они получаютъ 20—30 коп. въ день на своихъ харчахъ.

Промышленное значеніе города гораздо больше торговаго. Такъ какъ въ районѣ города распределено льноводство, то здѣсь издавна возникли полотняныя фабрики. Первая была устроена въ началѣ прошлаго столѣтія купцомъ Угличаниновымъ на 500 становъ, а въ 1726 г. основана полотняная фабрика Колодкина. Введеніе пароваго двигателя дало тол-

чокъ этому дѣлу. Въ 1854 г. открылась большая паровая льнопрядильная и ткацкая Брюханова и К^о на 2000 веретенъ; въ 1861 г. изъ нея образовались двѣ большія фабрики, одна на 6 тыс. веретенъ, другая (теперь Зотова и К^о) на 8½ тыс. веретенъ; на первой проявился механикъ-самоучка слесарь *Евграфъ Бобровъ* изъ крестьянъ, устроившій въ 1861 г. машину, дѣйствующую посредствомъ нагрѣтаго воздуха на подобіе эриксоновской. Съ 1866 г. основана Большая Ново-Костромская льняная мануфактура. Вообще, льнопрядильни, устроенныя въ Костромѣ, а также въ Нерехтѣ, Юрьевцѣ и Пучежѣ, были въ свое время единственными въ Россіи. Ихъ много поддерживали заказы для войскъ, но въ началѣ 80-хъ годовъ дѣло стало упадать, ибо въ войскахъ были введены бумажныя ткани, на рынкѣ появились джуты, а дешевыя бумажныя ткани и бѣлье стали все больше вытѣснять полотно. Въ самой Костромѣ основаны двѣ большія благоустроенныя бумагопрядильни ¹⁾. Кромѣ того недавно устроены двѣ большія паровыя лѣсопильни, три паровыя крупчатки, винокуренный заводъ и др. Съ 1853 г. здѣсь дѣйствовалъ извѣстный механическій заводъ Шиповыхъ, на которомъ строились пассажирскіе пароходы; теперь заводъ закрытъ. Въ 1887 г. въ Костромѣ считалось 26 фабрикъ и заводовъ съ 4000 рабочихъ и съ производствомъ на 4 милл. руб. Въ 1892 году сумма производства доходить до 6 милл. руб., а во всей губерніи — болѣе 28 милл. руб. Для нуждъ торговли и промышленности въ Костромѣ существуютъ три банковыя учрежденія: отдѣленіе государственнаго банка, городской общегородской банкъ и коммерческій. Но въ послѣднее время благосостояніе городского населенія упало, отчасти вслѣдствіе закрытія Шиповскаго завода, упадка льняной промышленности, вывода отсюда полка, а отчасти и вслѣдствіе большого пожара 18 мая 1887 года, истребившаго Бого-явленскій монастырь и 115 домовъ въ лучшей части города, причѣмъ официальные убытки исчислены въ миллионъ руб. Городъ вообще не живетъ полной жизнью, а можно сказать — только влечить свое существованіе. Санитарныя условія, не смотря на широкую Волгу — этотъ естественный вентиляторъ, на обиліе зелени и просторъ, очень неважны, и смертность доходить до 40 на тысячу, такъ что населеніе почти не увеличивается и все держится около 30 тыс.; всѣ другіе губернскіе города

¹⁾ Описаніе фабрикъ Костромской губерніи сдѣлано очень обстоятельно В. Г. Пироговымъ.

Поволжья обогнали ростомъ населенія Кострому, и теперь она малолюднѣе ихъ всѣхъ. Да и вся губернія по отношенію городского населенія къ сельскому занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ Россіи; изъ 1 милл. 400 тыс. населенія губерніи въ городахъ живетъ всего только до 110 тыс. или 8%, тогда какъ въ сосѣдней Ярославской губерніи 11%, а въ Нижегородской 10%. Въ Костромской губ. нѣтъ ни одного уѣзднаго города съ населеніемъ въ 10 тыс., а въ Ярославской цѣлыхъ четыре города имѣютъ болѣе этой цифры.

VII.

Красное и кустарно-ювелирные издѣлія. — Городъ Плесъ. — Фабрики Нерехотскаго уѣзда. — Кнешема и пожаръ 1890 года. — Шуйско-Ивановская ж. д. и Вичугскій раіонъ. — Рѣшма. — Юрьевецъ и солнечное затменіе 7 августа 1887 г. — Унжа и Ветлуга. — Лыковъ промыселъ. — Бабя сторона. — Отходъ мужиковъ. — Ваглядъ ихъ на гражданскія права. — Вліяніе отхожихъ промысловъ. — Письма къ роднымъ. — Пучежъ и булыжн. — Лѣсная полоса. — Бѣглый взглядъ на три верховыя губерніи.

За 40 верстъ отъ Костромы пароходъ останавливается у пристани села *Краснаго*, лежащаго отъ Волги за три версты. Село это извѣстно какъ главный въ Россіи центръ интересной кустарной промышленности, производящей мелкій галантерейный и игольный товаръ—разныя блестящія бездѣлушки, столь любимыя щеголихами простого званія. Здѣшніе кустари даютъ возможность за грошъ имѣть такія драгоценности, которыя богатымъ дамамъ обходятся въ тысячи рублей. Здѣсь можно имѣть золотыя браслеты за 10—15 коп., брилліантовыя ожерелья за 40—50 коп., перстни съ драгоценными камнями чистой воды за 5 коп. и даже дешевле. Кустари отлично золотятъ и эмальируютъ свои издѣлія и прежде артистически ставили даже фальшивыя клейма, во избѣжаніе поѣвдки въ Кострому для «опробированія»; теперь пробирная палатка переведена въ самое село Красное, и фальшивый штампъ почти не употребляется. Промыселъ существуетъ болѣе ста лѣтъ и занимаетъ до 3 тыс. человекъ; издѣлія идутъ по всей Россіи, въ Азію и даже за границу. Бронзовыя серьги можно купить за 1 коп. пара, а разрисованныя за 1½ к., съ камнями за 2 к.; серебряное кольцо со стразами, которыхъ не отличишь отъ брилліантовъ, за 25 коп.; бронзовый перстень съ такими-же брил-

ліантами 10 коп., супирь-перстень съ бирюзюю (супирчикъ) по 10 к., бронзовый перстень съ однимъ камнемъ по 1 коп., а сотня по 70 коп.— 1 руб. Болѣе изящныя вещи дороже, но все-таки на рубль можно купить столько, что у десяти деревенскихъ красавиць глаза разбѣгутся. Серебряныя вещи расцѣниваются при продажѣ по 30—35 коп. за золотникъ, латунныя крестики на мѣстѣ по 80 к.—1 р. за тысячу, латунныя кольца по 1 р. за тысячу, а позолоченныя 10 р. за тысячу или по копейкѣ за штуку. Мастерамъ платится 2 р. 70 к. за изготовленіе сотни серебряныхъ колець, по 6 р. за сотню брошекъ, медальоновъ и серегъ. Заработки мизерныя, но на прожитіе хватаетъ. Фасоны издѣлій ежегодно доставляются новыя, за чѣмъ слѣдятъ скупщики и торговцы. Работа вообще такая тонкая, какой нельзя и требовать за грошовую плату; съ особымъ искусствомъ обдѣлываются камни. Самоцвѣтные камни покупаются въ Нижнемѣ, а прочіе льются на мѣстѣ изъ хрустала и цвѣтнаго стекла. Цѣна первыхъ 15—30 р. за сотню, а вторыхъ 15—50 коп. сотня.

Отъ Краснаго Волга течеть къ востоку, и съ носа парохода можно наблюдать дневное свѣтило, выплывающее изъ ея водъ и посылающее тысячи блестящихъ лучей на ея водную гладь. Мы проѣзжаемъ мимо имѣнія одного помѣщика, который ежедневно въ 12 час. дня, т. е. въ адмиральскій часъ, стрѣляетъ изъ пушки по примѣру Петербурга, и по выстрѣлу окрестныя жители знаютъ—который часъ, хотя они и безъ часовъ хорошо ориентированы по солнцу. Постройки въ деревняхъ довольно исправны. Народъ все промысловый, а не сѣрый мужикъ-землепашецъ, носятъ картузы вмѣсто гречневиковъ; прежніе головные уборы — верховикъ, щилекъ, кашникъ — встрѣчаются только въ глухихъ мѣстахъ губерніи.

За 57 верстъ отъ Костромы на гористомъ правомъ берегу пріютился одинъ изъ самыхъ живописныхъ уголковъ верхняго поволжья — заштатный городъ Плесъ, раскинувшійся амфитеатромъ среди зелени, изъ-за которой выглядываетъ много бѣдыхъ каменныхъ домовъ и семь церквей. Среди города къ Волгѣ спускается тѣнистый оврагъ — долина рѣчки Шохонки; къ ней примыкають старинныя валы, на которыхъ устроены бульварчикъ, почти всегда пустынный. Лучшая, Нижне-Бережская, улица тянется близъ пристани. Городъ выстроенъ въ 1409 г., какъ и многіе другіе, для защиты противъ татаръ, которые все-таки его взяли и разорили. Съ осени 1812 г. до весны 1813 г. здѣсь проживала вся московская театральная труппа и дирекція, спасаясь отъ французовъ, такъ что

городъ игралъ нѣкоторую роль въ исторіи русскаго театра. Теперь въ немъ до 4 тыс. жителей, въ томъ числѣ не мало поповщинской секты. Городской доходъ до 25 тыс. руб., т. е. не менѣе, чѣмъ въ хорошихъ уѣздныхъ городахъ. Мощеные улицы и спуски, относительное благоустройство, каменный гостинный дворъ, банкъ и пр. указываютъ на экономическое значеніе города, которое, впрочемъ, теперь сильно упало послѣ проведенія желѣзной дороги на Кинешму, куда стали переходить обороты Плесской пристани. Жизнь здѣсь тихая и сонная; главныя и почти единственныя развлеченія — бани по субботамъ и посѣщеніе трактира въ свободное время; жить очень дешево: даже на лѣтній сезонъ можно нанять двѣ чистыя комнаты съ мебелью, самоваромъ и прислугою за 7 руб. въ мѣсяцъ. Обыватели думаютъ, что городъ оживится, когда черезъ него пройдетъ желѣзная дорога отъ Костромы на Вятку и Пермь, но это еще пока одинъ миражъ. Въ Плесѣ жилъ самоучка-механикъ *Д. А. Плугинъ*, который въ 50-хъ годахъ самъ дошелъ до выдѣлки паровой машины и тщательно сработалъ маленькій пароводикъ, который продалъ на выставкѣ за 33 руб. (!). Онъ же сдѣлалъ маленькій паровозъ, который хорошо бѣгалъ и самъ заворачивалъ въ стороны. Въ 16 верстахъ отъ Плеса и въ 10 верстахъ отъ Волги лежитъ село *Яковлевское* съ тремя большими льняными фабриками, гдѣ хорошо дѣлаютъ салфеточный товаръ, продаваемый бабами на Плесской пристани. Фабрики Нерехотскаго уѣзда съ внѣшней стороны устроены какъ будто на европейскій ладъ, даже съ электричествомъ, но въ техническомъ отношеніи очень отстали: не могутъ работать тонкихъ номеровъ пряжи, машины старыя; хозяева оправдываются тѣмъ, что иностранные фабриканты не продаютъ новѣйшихъ машинъ, чтобы не создать въ Россіи конкуренціи. Этимъ и объясняется, что до сихъ поръ учѣли еще по деревнямъ кустарныя льно-ткацкія. Сами хозяева фабрикъ, изъ мѣстныхъ крестьянъ, придерживаются старинки, не выносятъ табаку, не подаютъ никому руки, не любятъ образованныхъ техникувъ, страхование рабочихъ считаютъ грѣхомъ и въ случаѣ увѣчій отдѣлываются грошами, безжалостно истребляютъ лѣса на топливо, словомъ — ведутъ себя, какъ настоящіе русскіе фабриканты, не затронутые гнилою цивилизаціей.

Версть за 20 отъ Плеса, на правомъ же берегу — два села рядомъ, *Богородское* и *Стрѣлка*, съ очень красивымъ мѣстоположеніемъ.

Рано утромъ передъ нами выступилъ на крутыхъ холмахъ красивый городокъ *Кинешма*. Особенно хорошо выглядит его центральная часть.

на ближайшемъ къ берегу холмѣ, у подножія котораго впадаетъ рѣка Кинешемка, образующая очень живописную долину. Здѣсь въ одной горсти — Троицкій соборъ съ высокою пятиярусною колокольней и нѣсколько большихъ бѣлыхъ зданій, — гостинный дворъ и проч. По ту сторону Кинешемки въ котловинѣ и по косоугору разбросаны сотни домишекъ съ двумя бѣлыми церквями, а надъ ними нависли высокія горы съ песчаными обрывами, покрытыя лѣсомъ. Надъ Волгой разбитъ бульваръ, улицы вымощены, существуютъ даже извозчики; вообще, это не заурядный уѣздный городъ, а болѣе культурный ¹⁾, какъ и подобаетъ центру промышленнаго района. Въ настоящее время въ городѣ много пустырей послѣ большого пожара, уничтожившаго два года назадъ, 15-го іюля 1890 года, лучшую его часть. Но можно думать, что при оживленныхъ оборотахъ и промышленной дѣятельности города пожаръ будетъ способствовать къ его украшенію. Начался онъ во время сильнаго вѣтра отъ накалившейся печной трубы, и пламя пошло писать во всѣ стороны. Центръ города быстро обратился въ ужасающій костеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣтеръ превратился въ ураганъ; огонь перенесло за пелторы версты, на другой берегъ Волги, гдѣ сгорѣла вся деревня Чирково и много построекъ въ деревнѣ Алексинѣ. Въ городѣ сгорѣло 330 домовъ и пять церквей; большая часть движимости, какую удалось вытащить на дворы и на улицы, также сгорѣла. Много было ушибленныхъ и обожженныхъ; одному раздробило черепъ упавшимъ съ колокольни крестомъ, другой забрался на колокольню звонить въ набатъ и тамъ сгорѣлъ. Застраховано было менѣе половины всѣхъ сгорѣвшихъ домовъ и хлѣбныхъ амбаровъ. Страховыя общества понесли убытку болѣе 500 тыс. рублей, да столько-же потеряли хлѣбные торговцы.

Въ настоящее время городъ имѣетъ до 7—8 тысячъ жителей. Въ XV вѣкѣ онъ также былъ рыбною дворцовой слободою, а съ 1778 года возведенъ въ санъ уѣзднаго города. Въ 1861 году значительная часть города также сгорѣла. Городекой доходъ въ 1891 году представлялъ значительную для уѣзднаго города цифру въ 36 тыс. рублей, то-есть около 5 рублей на душу, тогда какъ въ Петербургѣ приходится только 9 рублей.

¹⁾ Одинъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, покойный *В. Г. Арханцкій* собралъ «Простонародныя слова кинешемскихъ жителей» (напечатаны въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, ч. X, стр. 135—136). Мѣстная помѣщица *А. О. Кондратьева* собрала мѣстные пѣсни. (Напечатаны въ Русской простонародной правдѣ. IV вып., 155—166, 1839 г.).

Къ Кинешемской пристани приходитъ болѣе тысячи судовъ; въ 1891 году выгружено 8,6 милл. пудовъ, въ томъ числѣ 1,1 милл. пуд. хлѣба. Къ Кинешмѣ примыкаетъ, какъ извѣстно, Шуйско-Ивановская желѣзная дорога, идущая отъ станціи «Новки» Московско-Нижегородской желѣзной дороги мимо двухъ большихъ фабричныхъ городовъ Шуи и Иваново-Вознесенска на протяженіи 170 верстъ. На эту желѣзную дорогу передается съ Волги болѣе пяти милл. пудовъ груза.

Отъ Кинешмы до Москвы — около 400 верстъ. Когда мы ѣзжали по Шуйско-Ивановской ж. д. — было два только поѣзда: пассажирскій и товаро-пассажирскій, причемъ къ послѣдному прицѣплялся только одинъ вагонъ перваго класса, такъ что даже люди подлаго званія вынуждены были ѣхать вмѣстѣ съ мѣстными аристократами, за тройную цѣну и на три часа медленнѣе. Этотъ оригинальный поѣздъ былъ сочиненъ какъ-бы въ угоду мѣстнымъ купцамъ, изъ которыхъ многіе, напримѣръ, изъ Петербурга до Москвы ѣдутъ въ III-мъ классѣ, отъ Москвы до Новковъ во II-мъ, а по своей дорогѣ непремѣнно ужь въ I-мъ.

Около Кинешмы и въ окрестностяхъ нѣсколько большихъ фабрикъ, а за 30 верстъ по желѣзной дорогѣ, близъ станціи «Вичуга» — извѣстный Вичугскій районъ. Основанная въ 1810 году крестьяниномъ Коноваловымъ въ селѣ Бонячкахъ ручная ткацкая разрослась въ два десятка большихъ фабрикъ съ производствомъ болѣе 10 милл. рублей. Изъ нихъ самая крупная — Коновалова-же. Въ началѣ 80-хъ годовъ здѣшняя льняная фабрикація также постепенно переходила въ бумаго-прядильную, устраивались новыя фабрики ближе къ Волгѣ, который немилосердно истребляли лѣса, оголяя прежде столь лѣсистые берега. Благодаря фабрикамъ, населеніе южной части Кинешемскаго уѣзда и прилегающихъ частей Юрьевоцкаго совѣсмъ отбилосъ отъ земли; большая часть избъ не поправляется и разваливается, рабочаго скота очень мало, деревни производятъ унылое впечатлѣніе. Нѣкоторыя крестьянскія общины совѣсмъ обезземелились; нашлись добрые люди, которые внесли за нихъ оставшійся выкупной долгъ, а потомъ, пользуясь пресловутою 165 статьей, купили у нихъ надѣлы, всѣ же домохозяева съ чадами и домочадцами окончательно перешли въ ряды фабричнаго пролетаріата. Такіе случаи обезземеленія практикуются и въ другихъ приволжскихъ промышленныхъ мѣстахъ.

Въ окрестностяхъ Кинешмы еще сохранилось нѣсколько дворянскихъ усадебъ, которыя спаслись отъ разоренія, благодаря живописному положенію. Нѣкоторые столичные жители покупаютъ здѣсь усадебъ, чтобы

имѣть своего рода Монрепо на берегахъ Волги. За четыре версты отъ нея, недалеко отъ Кинешмы, распложена усадьба нашего извѣстнаго астронома *Θ. А. Бредихина*—директора пулковской обсерваторіи. Въ 20-ти верстахъ отъ города—бывшая усадьба *А. Н. Островскаго*, который здѣсь и похороненъ; надъ могилою его памятникъ въ видѣ мраморной скалы съ крестомъ.

По берегамъ Волги въ пластахъ юрской системы много фосфорнокислой и углекислой извести, окрашенной органическими веществами въ темный цвѣтъ. Эти камни, богатые фосфористою кислотой — до 25% и болѣе—обжигаются, очищаются и перемалываются, недалеко отъ Кинешмы, въ имѣніи *А. Н. Куломзина*; куломзинская фосфоритная мука получила довольно большое распространеніе по сосѣднимъ губерніямъ для удобренія владѣльческихъ полей.

Отъ Кинешмы Волга сохраняетъ восточное направленіе; берега очень оживлены; народъ все самый русскій, и не вѣрится, что здѣсь когда-то жила какая-то «мерь», а между тѣмъ за семь верстъ отъ города, слѣва, впадаетъ рѣка Мера; при устьѣ ея село **Никольское**, извѣстное въ народѣ подъ именемъ **Никола-Мерскаго**.

Въ Кинешемскомъ уѣздѣ есть село **Семеновское**, когда-то снабжавшее лаптями всю Волгу; ихъ плелось здѣсь на 100 т. р.; теперь гораздо меньше по причинѣ, какъ говорится, развитія прогресса цивилизаціи.

За 20 верстъ отъ Кинешмы пароходъ останавливается у села **Рѣшмы**, съ двумя церквами, около котораго среди зелени расположена небольшая Магарьевская пустынь; здѣсь также служатъ въ пароходной конторкѣ молебень, какъ въ Толгѣ и Николо-Бабаевскомъ; Затѣмъ ужъ на всей Волгѣ нѣтъ ни одной такой патріархальной пристани. Дальше уже болѣе новыя вѣянія.

Острова на Волгѣ становятся все обширнѣе, долина ея расширяется до десяти верстъ. Близъ впаденія рѣки Елнады, на правомъ берегу, виднѣется холмъ, называемый «жаренымъ бугромъ», съ которымъ связаны воспоминанія о волжской разбойничьей эпохѣ; въ народѣ говорятъ, что разбойники всякаго, кто имъ не нравился, гнали на бугоръ и «жарили» кнудомъ, пока не добѣжить до вершины. Верхняя Волга очистилась отъ разбойниковъ давно, а средняя и низовая—только въ концѣ XVIII и началѣ нынѣшняго столѣтія. Не вмѣсто прежнихъ разбойниковъ, удалыхъ и откровенныхъ, появились въ еще большемъ числѣ новые, но уже въ другой оболочкѣ, дѣйствующіе подъ легальнымъ прикрытіемъ. За 165 верстъ

отъ Костромы впадаетъ слѣва большая рѣка *Унжа*, круто, подь прямымъ угломъ, отклоняющая теченіе Волги къ югу, а за двѣ версты выше въ Волгу же впадаетъ довольно значительная рѣка Немда. Унжа вливается въ Волгу двумя рукавами, между которыми, большой зеленый островъ. Какъ разъ напротивъ этого острова, по низменному правому берегу, у подошвы невысокаго хребта, растянулся на три версты въ длину городъ **Юрвецъ**, съ десяткомъ церквей; среди нихъ тянется къ небу пятиарусная соборная колокольня, которая видна далеко, даже когда самый городъ уже скрывается изъ глазъ. Колокольня эта настолько тонка, что нѣсколько даже покачнулася въ сторону. Пользуясь долгой остановкою, мы взяли единственнаго извозчика, стоящаго у пристани, и поѣхали въ городъ; на извозничьей долгушѣ свободно могли сидѣть четверо, по двое съ каждой стороны, спинами другъ къ другу. Главная улица, довольно широкая и пыльная, обстроена небольшими деревянными домами. За версту отъ пристани довольно густой общественный садъ, съ бесѣдкою, выходящей на Волгу; рядомъ—деревянное зданіе клуба съ довольно большою залой; еще полверсты—и мы въѣжаемъ на центральную площадь, гдѣ нѣсколько каменныхъ домовъ, соборъ и вблизи еще двѣ церкви. На берегу красное зданіе мануфактуры Миндовскаго и Бакакина, на которой работаетъ много городскихъ жителей. Другихъ заработковъ очень мало, и городъ бѣднѣ нѣкоторыхъ приволжскихъ сель. Хотя здѣсь и впадаетъ большая рѣка, но сплавливающіеся по ней лѣсъ, лыко, смола, деготь проходить дальше внизъ по Волгѣ и расторжки у Юрвца не бываетъ. Городъ основанъ въ 1225 г. Юріемъ Всеволодовичемъ и названъ Юрвецемъ (Поволжскимъ) въ отличіе отъ сосѣдняго Юрвева (Польскаго) Владимірской губерніи. Жителей до 8 тысячъ ¹⁾; часть занималась прежде бурлачествомъ, а теперь должна изыскивать другой родъ жизни. У берега много плотовъ; многіе рабочіе обѣдали, сидя въ лодкахъ; обѣдъ ихъ не поражалъ изысканностью и количествомъ блюдъ, которыхъ было всего одно: каждый держалъ на колѣняхъ деревянную чашку съ настоящею волжскою водою, зачерпнутою тутъ же и не совсѣмъ свободною отъ нефтяныхъ и другихъ частицъ; въ лѣвой рукѣ онъ держалъ густо-посоленный ломоть чернаго хлѣба, а въ правой—деревянную семеновскую ложку. Откусивъ хлѣба, они зачерпывали изъ чашки воды и хлебали ее, во-

¹⁾ Изъ мѣстныхъ уроженцевъ-писателей можно упомянуть о помѣщикѣ, князѣ А. Д. Козловскомъ, который напечаталъ о г. Юрвецѣ въ «Лѣтописяхъ Общей Исторіи и Древней Россіи» (кн. II, стр. 171), собралъ свадебныя пѣсни и проч.

ображая, что это супъ; одной бабѣ, недостало чашки и она прямо черпала изъ рѣки, что было гораздо проще и скорѣе. Холеры эти добрые люди не боялись, не то, что многіе развинченные интеллигенты, которые дрожать, когда эпидемія еще за двѣ тысячи верстъ; народъ же обращаетъ на нее вниманіе только тогда, когда она на него насѣдаетъ и онъ не знаетъ средствъ, какъ обороняться.

Лѣтъ пять тому назадъ этотъ безобидный и безмятежный городъ былъ сильно потрясенъ. Спокойствіе его обитателей было нарушено, и они цѣлый годъ не могли опомниться отъ волненія. Юрѣвецъ, до котораго, кажется, никому не было дѣла, вдругъ сталъ извѣстенъ не только во всей Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, причемъ эту извѣстность раздѣляла съ нимъ и сосѣдняя Кинешма. Въ этихъ городахъ, да и въ другихъ мѣстахъ Россіи, было назначено на 7 августа 1887 г. полное солнечное затменіе. Сюда собрались астрономы не только свои, но и иностранные. Предвѣстниками ихъ прибытія въ тихій городъ были невиданные инструменты, которые и были сложены на берегу. Народъ былъ напуганъ и въ простотѣ сердца ожидалъ кончины міра, которая готовилась и прежде много разъ, но все почему-то откладывалась, а на этотъ разъ должна была состояться навѣрное. Кто не былъ окончательно подавленъ этимъ ожиданіемъ и былъ еще въ состояніи разсуждать, говорилъ: «нешто, къ примѣру, въ другихъ городахъ этой планиды не будетъ? Неужто на насъ однихъ Господь посылаетъ?! Вонъ на четырехъ пароходахъ настранные народы пріѣзжаютъ и, говорятъ, будутъ смотрѣть въ эти самыя трубы? Господь знаменіе посылаетъ, а они въ его трубами! А какъ Онъ, Батюшка, прогнѣвается да вдругъ сюда, въ это самое мѣсто полыхнетъ молоньей! Изъ-за этихъ «астроломовъ» и городу сгорѣть не долго, а тогда иди по міру съ малыми ребятами!» Подъ влияніемъ этихъ основательныхъ разсужденій толпа собиралась разметать и перебить астрономическіе инструменты, но предусмотрительное и просвѣщенное начальство, зная изъ газетъ—въ чемъ дѣло, распорядилось поставить усиленный караулъ изъ двухъ слабосильныхъ городскихъ, въ помощь къ которымъ «астроломы» заранѣе наняли нѣсколько мускулистыхъ обывателей; но и тѣмъ, несмотря на большую плату, было стыдно караулить такія губительныя вещи. Потомъ пріѣхали ученые — англичане, французы, бельгийцы, которые могли быть довольны своимъ выборомъ, ибо въ другихъ русскихъ городахъ наблюдателямъ мѣшала дурная погода, а здѣсь бельгийскій астрономъ Нистенъ ясно видѣлъ полное солнечное затменіе. Когда

по отъѣздѣ ихъ не произошло ничего особеннаго, обыватели были разочарованы и съ досадою говорили: «ишь ты, заграничные остроумы больше Бога знаютъ; у насъ и безъ остроумовъ старухи знали, что будетъ затменіе, коли ежели мѣсяць по зарямъ ходитъ».

Съ Юрьевцомъ связано воспоминаніе о знаменитомъ фанатикѣ раскола—*Аввакумъ* ¹⁾; онъ былъ здѣсь протопопомъ и извѣстенъ, какъ одинъ изъ сильныхъ русскихъ характеровъ, какими была такъ богата старинная Русь и такъ бѣдна современная.

При отплытіи отъ Юрьевца путникъ невольно чаруется широкою картиною: Волга—въ полторы версты шириною, прямо лѣсистый островъ, на другомъ берегу, въ верстѣ отъ рѣки, около большой рощи и озера, старинный Кривоозерскій монастырь; горизонтъ разстилается на десятки версты, много воды и зелени, и изъ общаго фона вырисовываются городскіе храмы.

Изъ Юрьевца ходятъ небольшіе самолетскіе пароходы по Унжѣ мимо городовъ Макарьева и Унжи до села Угоры, на 148 верстѣ. Унжа имѣетъ 550 верстѣ длины и вмѣстѣ съ Ветлугою представляетъ главную артерію для всей сѣверной и восточной части, т. е. для большей половины Костромской губерніи; верхнія теченія обихъ рѣкъ сближаются на разстояніи 30 верстѣ, а устья расходятся на 350 верстѣ, такъ что Ветлуга впадаетъ въ Волгу уже въ Казанской губерніи. Выше Угорь на Унжѣ лежитъ городъ *Кологривъ*, а въ его уѣздѣ извѣстный грибной посадъ *Парфентьевъ*, гдѣ благосостояніе жителей тѣсно связано съ обиліемъ грибовъ въ окружающихъ его дремучихъ лѣсахъ. Изъ посада зимою тянутся длинные обозы съ грибами въ Москву и Нижній. На рѣкѣ Ветлугѣ лежатъ, какъ извѣстно, два захолустныхъ города Костромской губерніи — *Ветлуга* и *Варнавинъ*; первый въ 1890 году выгорѣлъ до-чиста: сгорѣло 900 домовъ, убытковъ болѣе милліона рублей. Въ верховьяхъ этихъ рѣкъ еще носятъ лапти — благо лыка много. На каждую пару лаптей, стоящихъ 6—10 коп., нужно ободрать три молодья липовыя деревца, причѣмъ не каждое лыко годится на лапотную строку (здѣсь надо искать источника извѣстной поговорки: «не всякое лыко въ строку»). Самый процессъ обдиранія очень варварскій: мальчики, дѣти и молодья дѣвушки обдираютъ липовую кору зубами, десны у нихъ постоянно ободраны и сочатся кровью; а между тѣмъ когда-то печатно выражалось сожалѣніе, что этотъ

¹⁾ Онъ былъ родомъ изъ Нижегородской губ., а потому подробности о немъ—ниже.

промыслъ упадаетъ съ истребленіемъ лѣсовъ. Упадаетъ—и Богъ съ нимъ,—развѣ подобныя промыслы заслуживаютъ поддержки? Прежде лыка шло больше, потомъ въ центральныхъ и низовыхъ губерніяхъ лапти стали вытѣсняться сапогами, но въ настоящей голодный годъ опять замѣчается увеличеніе спроса на лапти; плетеніе ихъ даетъ крестьянамъ работу зимою, особенно старикамъ, которые высоко цѣнятъ свое искусство и говорятъ: «вотъ царь Петръ все умѣлъ дѣлать, до всего дошелъ самъ, а сталъ плести лапти, дошелъ до запятника, да задумался надъ нимъ и бросилъ».

Говоря о сѣверныхъ частяхъ Костромской губерніи, нельзя не упомянуть, что ея сѣверозападный уголъ представляетъ собою своеобразную «*бабью сторону*». Здѣсь, какъ и на сѣверѣ Ярославской губерніи, бабы работаютъ не только на дому, но и въ полѣ, отправляютъ общественныя обязанности и общественныя работы; напримѣръ, на починкѣ дорогъ работаютъ почти однѣ бабы, а мужчины, представляющіе изъ себя сельскихъ властей, только за ними наблюдаютъ, считая за особое проявленіе человѣческаго достоинства ничего не дѣлать и покуривать «цыгарки», какъ бы слѣдуя вредному примѣру «господъ»; на эти цыгарки употребляется болѣе текущая литература въ видѣ газетныхъ листовъ; другого, болѣе непосредственнаго, примѣненія въ крестьянскомъ быту газеты почти не имѣютъ. Вообще, здѣшнія женщины уравниваются въ правахъ съ мужчинами, за что, впрочемъ, онѣ едва-ли благодарны, ибо это только отягчаетъ ихъ и безъ того тяжкую долю; тутъ елѣ управиться по хозяйству, а онѣ должны иногда исполнять должность десятскихъ, ходить на сходы отбиваться отъ недоимокъ, причитая, что «мужъ замотался въ Питеръ и отъ него, пьяницы, нѣтъ присылу». По словамъ мѣстнаго изслѣдователя¹⁾, даже въ кабакахъ и трактирахъ въ праздничные дни слышатся болѣе всего визгливые пьяные женскіе голоса. Въ иныхъ мѣстахъ все мужское населеніе съ 12 лѣтъ уходитъ на сторону; если и попадаются мужчины въ деревняхъ и на базарахъ, то это—сельскія власти, скупщики, возчики, а также «непутѣвые» мужики—главная опора государственнаго бюджета въ смыслѣ поддержанія акцизнаго дохода. Зато бабы здѣсь самостоятельны и тверды; въ общественныхъ дѣлахъ, при дѣлежкѣ земли, сѣнокоса и проч., онѣ часто при помощи звонкихъ голосовъ берутъ верхъ

¹⁾ Эта «бабья сторона» описана въ VIII выпускѣ «Матеріаловъ для статистики Костромской губерніи», стр. 1—136, очеркъ Д. Н. Жбанкова.

надъ сильной половиною. Вдовы управляютъ съ надѣломъ, и никто не подумалъ отобрать его, какъ въ другихъ мѣстахъ. Нигдѣ въ Россіи, за исключеніемъ донскихъ казачекъ, бабы не имѣютъ такого самостоятельнаго значенія и столько не работаютъ. Мужики уходятъ больше въ столицы, на фабрики и на другіе заработки; большею частью ѣдутъ по рѣкѣ Костромѣ до Волги, а оттуда въ разныя стороны: въ столицы — такъ называемые питерщики, а въ другія мѣста больше плотники — волгари. Многіе идутъ до мѣста пѣшкомъ, иногда рядомъ съ желѣзною дорогою; иные, ничего не заработавъ или проболѣвъ, со стыдомъ возвращаются въ родную деревню въ лапоткахъ «по липовой машинѣ» или, какъ говорятъ люди съ классическимъ образованіемъ, «per pedem apostolorum»; нѣкоторыхъ же неудачниковъ присылаютъ по этапу, причемъ на родинѣ ихъ для большаго вразумленія приговариваютъ еще къ «березовой лапшѣ». Зато болѣе счастливые прикатываютъ на тройкѣ или на парѣ непременно съ колокольчикомъ, привозятъ роднымъ подарки, а деревенскимъ ребятамъ закусокъ, т. е. сластей; иные изъ нихъ высылаютъ изъ столицъ въ почтовыхъ посылкахъ хорошіе серпы и косы, многіе привозятъ разныхъ лекарствъ, больше бальзамовъ и другой дряни, а для себя покупаютъ франтовской одежи. Ихъ часто нарочно выбираютъ въ общественныя должности, чтобы заставить откупиться угощеніемъ или деньгами. Нѣкоторые стараются даже перечислиться изъ крестьянъ въ другія сословія, чтобы только избавиться отъ избирательныхъ правъ. По поводу того, что наши крестьяне тяготятся тѣми гражданскими правами, за которыя такъ держится населеніе Западной Европы, существуетъ разсказъ, взятый изъ самой дѣйствительности. Одинъ мужикъ былъ лишенъ за что-то «всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ»? причемъ ему объяснили значеніе этого наказанія: «тебя не могутъ выбрать въ старосты (*мужикъ кланяется*), ни въ свидѣтели (*кланяется*), ни въ присяжные засѣдатели (*кланяется и благодаритъ*), не могутъ взять въ солдаты». Тогда мужикъ въ ноги и проситъ: «нельзя-ли ужъ, ваше благородіе, и отъ подвода освободить?» А по другому варианту спрашиваетъ: «А подати я должонъ буду платить?» Онъ въ простотѣ души полагалъ, что его освободятъ и отъ чести участвовать въ государственномъ бюджетѣ. Есть и еще версія: мужикъ кланяется и проситъ: «нельзя-ли ужъ и сына моего Миколку лишить евшихъ самыхъ правовъ». Уходятъ мужики отъ плохой земли, отъ тѣсноты, отъ упадка лѣсного и кустарнаго промысловъ. Еще въ 1792 г., при описаніи Костромскаго намѣстничества,

говорилось, «что пустоеть большое пространство земли, ибо многіе изъ крестьянъ, ища лучшаго пособія въ платежѣ податей своихъ отъ городскихъ работъ и рукодѣлій, нежели отъ бѣдной сохи, расходятся по столицамъ и другимъ городамъ; помѣщики же, наложивъ на крестьянина двойной оброкъ, о томъ не беспокоятся». Дѣйствительно, отходу много способствовало крѣпостное право, такъ какъ помѣщики, желая извлечь изъ крѣпостныхъ большій доходъ, посылали ихъ на оброкъ, причемъ на болѣе искусныхъ ремесленниковъ накладывали по 30 — 50 и даже по 100 руб. въ годъ; для сбора оброка многіе держали въ Петербургѣ и Москвѣ даже особыхъ старостъ. Многихъ увлекаютъ къ отходу примѣры, а также рѣдкіе случаи обогащенія односельчанъ. Вредныя стороны отхода, отмѣченныя для Костромской губерніи, — усиленная смертность мужчинъ на сторонѣ, обремененіе женщинъ полевыми работами, застой въ сельскомъ хозяйствѣ крестьянъ и землевладѣльцевъ. Напряженная работа женщинъ рано ихъ надрываетъ, вызываетъ среди нихъ разныя болѣзни, особенно при работѣ въ извѣстномъ положеніи. Съ другой стороны, отхожіе промыслы даютъ лишній заработокъ, и, напримѣръ, въ Солигаличскомъ и Чухломскомъ уѣздахъ почти нѣтъ недоимокъ, а въ другихъ, болѣе осѣдлыхъ уѣздахъ — недоимка довольно большая. Способствуютъ промыслы и грамотности, которая заносится въ деревни. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что всѣ эти питерчики женятся на своихъ деревенскихъ дѣвкахъ, обѣгая городскихъ, какъ болѣе балованныхъ и неспособныхъ къ деревенскому хозяйству. Молодыя жены безжалостно оставляются вести хозяйство и имъ остается одно утѣшеніе — получать письма отъ мужей. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ приходится по одному письму на душу въ годъ — пропорція очень высокая для деревни. Какъ пишутся эти письма, всѣмъ извѣстно: о дѣлахъ очень мало или между прочимъ, а главное содержаніе состоитъ въ поклонахъ, благословеніяхъ и пожеланіяхъ всѣмъ родственникамъ съ поименованіемъ каждаго полнымъ именемъ и отчествомъ, причемъ за родственниковъ считаются также кумовья, сватья, свояки и т. п. По поводу ухода въ столицы сочинено также немало пѣсень. Точная цифра уходящихъ въ другія губерніи неизвѣстна, но паспортовъ и билетовъ въ 1892 году выдано было 177135 ¹⁾.

Интересно также упомянуть, что въ сѣверныхъ частяхъ губерніи на-

¹⁾ Въ томъ числѣ мужчинамъ 54416 паспортовъ и 101663 билета, всего 156079; женщинамъ 7831 паспортъ и 13225 билетовъ, всего 21056.

столько еще сохранились старые земельные обычаи, что въ нѣкоторыхъ селахъ до сихъ поръ участки измѣряются по старинѣ на деньги, причемъ деньга ($\frac{1}{2}$ коп.) равняется 14 пахотнымъ полосамъ, полушка — семи, $\frac{1}{2}$ полушки— $3\frac{1}{2}$. Иногда полосы называются «колами»; у одного считается два кола, у другого три и т. д.; отсюда и поговорка — «ни кола, ни двора».

Въ прошломъ году въ этой части губерніи былъ лѣсной кризисъ — паденіе цѣнъ на лѣсные матеріалы, такъ что даже самые крупные лѣсовладѣльцы почти ничего не выручили и въ нынѣшнемъ году сократили разработку своихъ лѣсныхъ дачъ.

За Юрьевцемъ Волга окончательно становится величественной рѣкою. Ширина ея доходитъ иногда до 800 сажень, зато больше мелей и острововъ. На плесѣ отъ Юрьевца до Балахны перекаты встрѣчаются особенно часто, и рѣдко бываютъ такіе годы, когда здѣсь проходить съ полнымъ грузомъ. При этомъ правый берегъ все понижается, долина рѣки шире, да и лѣвый берегъ невысокъ. Мы плывемъ все къ югу; при закатѣ солнца правый бокъ парохода кажется позлащеннымъ, съ лѣваго борта уже виденъ блѣдный серпъ стыдливо восходящей луны, а зади за кормою по наступленіи ночи можно наблюдать расположенныя въ формѣ гактриули шесть звѣздъ Большой Медвѣдицы.

За семь верстъ до границы Нижегородской губерніи, черезъ два съ половиною часа послѣ Юрьевца, пароходъ останавливается у довольно богатаго посада Пучежа, лежащаго на крутомъ правомъ берегу. Посадъ имѣетъ довольно внушительный видъ: шесть каменныхъ церквей, много каменныхъ домовъ, лавокъ, большіе трактиры, изъ которыхъ главный торгуетъ въ базарные дни на 300 рублей. Здѣсь большая торговля лѣсомъ, хлѣбомъ и льномъ; на базарѣ постоянно шныряютъ скупщики льна — ловкіе булныи, которые весною и лѣтомъ раздають крестьянамъ косы и серпы въ долгъ, а осенью и зимою берутъ отъ нихъ въ уплату лень, конечно, съ такими процентами, какіе и не снились столичнымъ шейлокамъ и содержателямъ ссудныхъ кассъ; народъ называетъ булныей «масляное рыло», «краснобайный языкъ». Въ сосѣднихъ волостяхъ сѣютъ много льна; посѣвы составляютъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ ярового поля и болѣе.

Около Пучежа Волга раздваивается, образуя большой островъ съ зелеными холмами, а за нимъ попережъ рѣки протянулась знаменитая Ширмоксанская мель, на которой часто приходится паузиться. Мель эта за время своего существованія навѣрное обошла русскую торговлю въ

милліоны. На специальное учрежденіе, вѣдущее мели и перекаты, постоянно рошщуть. Не входя въ разсмотрѣніе вопроса—насколько вѣдомство это виновно или право, можно только указать, что подобный ропотъ вообще подрываетъ довѣріе къ мѣстнымъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ.

Волга уклоняется къ юго-востоку и покидаетъ Костромскую губернію ¹⁾ въ 217 верстахъ отъ Костромы и въ 1152 в. отъ своего истока, пройдя по губерніи 250 верстъ въ ея юго-западной части, причемъ на этомъ пространствѣ по берегамъ Волги и вблизи расположено 363 населенныхъ пункта или по 14 на каждая десять верстъ; изъ этого числа 184 пункта лежить на правомъ берегу и 179 — на лѣвомъ.

Съ экономической стороны Костромская губернія имѣетъ ту особенность, что къ сѣверу за Волгой почти сплошь лѣса; какъ ни ревностно ихъ истребляютъ, но и теперь еще здѣсь болѣе 900 тыс. десятинъ лѣса или $\frac{2}{5}$ всего пространства губерніи. При этомъ по берегамъ Волги лѣсистость въ тридцать разъ слабѣе, чѣмъ, напр., въ Ветлужскомъ уѣздѣ. Въ этомъ уѣздѣ и сосѣднемъ Варнавинскомъ болѣе полутора тысячъ домохозяевъ занимаютъ изготовленіемъ мочала, рогожь, куля; всѣхъ этихъ прозаическихъ продуктовъ они успѣваютъ за годъ надѣлать до 100 тыс. пудовъ. По Ветлугѣ обращаетъ вниманіе производство долбленыхъ гробовъ изъ сосновыхъ колодь, специально для раскольниковъ, которые считаютъ грѣховнымъ и неприличнымъ ложиться въ сыру землю въ иныхъ, досчатыхъ, гробахъ, а тѣмъ болѣе—въ металлическихъ, уготованныхъ для никоніанъ, иновѣрцевъ и т. п. слугъ антихристовыхъ. Затѣмъ—особенность губерніи та, что больше половины земли принадлежитъ владѣльцамъ, значитъ—своего рода *latifundia*, но не такія опасныя, какъ въ древнемъ Римѣ. Въ этой же губерніи, въ 1865 г., по инициативѣ Лугинина возникло первое въ Россіи ссудосберегательное товарищество.

Всего нами сдѣлано по тремъ верховымъ приволжскимъ губерніямъ 750 верстъ. Эти губерніи составляютъ чисто великорусскій край со старинными богомольными городами, съ плохимъ земледѣліемъ и обширными отхожими промыслами, съ развитою промышленностью, съ довольно патриархальнымъ строемъ жизни и дѣтельными «бабами» въ сѣверныхъ

¹⁾ Для болѣе подробнаго знакомства съ нею см. «Матеріалы для статистики Костромской губерніи» подъ редакціею В. Пирогова, 8 выпускъ. «Костромская губернія» М. Раевскаго, С.-Петербургъ 1877.

частяхъ, съ замѣтнымъ вліяніемъ фабричной цивилизаціи — въ южныхъ. Населеніе въ нихъ болѣе развито, грамотнѣе и подвижнѣе, чѣмъ въ другихъ приволжскихъ губерніяхъ. Наконецъ верхняя Волга дала отечеству многихъ дѣятелей, главнымъ образомъ въ области духовной и литературной, а также много самоучекъ.

